

Оглавление

Глава первая. 1955 год. Ленинград, улица Марата, дом 59	12
Глава вторая. Большая семья из Тютняров. 1900–1921	42
Глава третья. Невьянск – Карабаш. 1917–1921	51
Глава четвертая. Большая семья. 20-е годы: обретения и потери	71
Глава пятая. Казацкая итальянка	85
Глава шестая. Кубань советская: от рассказывания к черным доскам	93
Глава седьмая. Станица Старощербиновская. 1934–43. Переселенцы. Война. Оккупация.	117
Глава восьмая. 1943–1953. Арест. Суд. ИТЛ	142
Глава девятая. Еврейское счастье. Янкель Гиндин и его потомки	153
Глава десятая. Еврейское счастье. Дашковка–Шклов–Горки	163
Глава одиннадцатая. Как Нохим стал Лёней	194
Глава двенадцатая. Еврейское счастье. Дети, внуки, правнуки	205
Глава тринадцатая. Борис и Хася	265
Глава четырнадцатая. Двадцать лет без войны	282
Глава пятнадцатая. ПВО начинается с инструментальной разведки	310
Глава шестнадцатая. На Урицком направлении	334
Глава семнадцатая. Место встречи – война: Таваксай – Яшма – Семеновка	358
Глава восемнадцатая. Своя и чужая.Парт.билет № 3467402.....	404
Глава девятнадцатая. Уголовное дело № 27. Моя бабушка – враг народа	413
Глава двадцатая. Счастливые пятидесятые... Дубковская пристань	438
Глава двадцать первая. Счастливые пятидесятые... Портретная съемка	464
Глава двадцать вторая. От войны до целины	489
Глава двадцать третья. Счастливые пятидесятые... Кройка и шитье.	498
Глава двадцать четвертая. Семейные хроники. Сороковые – шестидесятые	517
Глава двадцать пятая. Семейные хроники. «Трудпром», до и после	551
Глава двадцать шестая. Красноуфимск. Тихая обитель	578
Глава двадцать седьмая. Ленинград – Певек. Письма на край света	609
Глава двадцать восьмая. БПР, «Я и ты», «Экслибрис», «Барышня» и ГКЧП	633
Глава двадцать девятая. «Чтобы жизнь повторилась сначала...»	654
Глава тридцатая. Улица Прощальная	678
Глава тридцать первая. Станица Старощербиновская. Народный дом и памятник Ленину	685
Глава тридцать вторая. За что боролись?	700
Глава тридцать третья. Post scriptum. Рабы немы	725
Оглавление	727

*В поисках ответа натолкнешься
на вопросы.*

Йозеф Чапек, брат Карела.
Погиб в апреле 1945 года
в концлагере Берген-Бельзен

Мы живем под собою не чуя страны...

Осип Мандельштам, 1933 год

...Мы герои, веку ровесники,

Совпадают у нас шаги.

Мы и жертвы, и провозвестники,

И союзники, и враги.

...Мы испробовали нагайки

Староверских казацких полков

И тюремные грызли пайки

У расчетливых большевиков.

Трепетали, завидя ромбы

И петлиц малиновый цвет,

От немецкой прятались бомбы,

На допросах твердили «нет».

Мы всё видели, так мы выжили,

Биты, стреляны, закалены,

Нашей родины, злой и униженной,

Злые дочери и сыны.

Анна Баркова, 1952 год

Сыну и дочери

*Я вам ничем не интересен:
Я не люблю ни ваших песен,
Ни ваших танцев, ни гримас
Пренебрежительных, ни фраз
На языке почти нерусском,
И мысли все мои о грустном.*

*И пусть не шибко я умён,
Но жизнь я вижу без прикрас:
Опять распалась связь времён,
Не навсегда ли в этот раз?*

Николай Зиновьев, 2012 год

Григорий Иоффе / Ефремов

100 лет с правом переписки

Народный роман

Художник Алексей Портнов

Иоффе Г. / Ефремов Г.

И75 100 лет с правом переписки. –

Эта История – не о вождах. Она о народе, угнетенном властью великих и бездарных вождей. Она о нас, скользящих по склонам песочных часов, где время отмеряется не датами рождений и смертей правителей, а минутами и часами жизни людей, из судеб которых складывается подлинная история человечества.

История русской и еврейской ветвей большой семьи на фоне истории страны с конца XIX по начало XXI века. 33 главы, более 400 иллюстраций.

Три революции и шесть войн. Князь Кропоткин и германская армия. Рассказывание, голод и Черные доски на Кубани. Жизнь и трагедия белорусских местечек. Ленинград: хроники блокады и городского быта. Жизнь и смерть в сталинских лагерях. Шаламов и Солженицын: поэт и делец. Тихая обитель старообрядцев и письма на край света. От советского застоя к криминальному капитализму. Враги народа Николай II, Сталин, Горбачев: кто следующий? Министры – убийцы пенсионеров. Вести из ГД: «Мы живем в социальном государстве». Благотворительность или воровство? Ценами – по яйцам, хлебу и молоку.

Семейный альбом, автограф на рейхстаге и притча о денщике...

Страна господ и крепостные с айфонами. За что и с кем боролись семь поколений российских подданных?

ББК 63.3

Ксения Герасимовна Ефремова (Фирсова), родилась 24 января (6 февраля) 1900 года в селе Губернском Екатеринбургского уезда Пермской губернии, умерла 2 февраля 1990 года в Ленинграде. Похоронена в поселке Ульяновка на Саблинском кладбище 6 февраля 1990 года.

УПРАВЛЕНИЕ МВД по КУСТАНАЙСКОЙ ОБЛАСТИ КАЗ. ССР

“17” октября 1955 № 1560

гор. Кустанай.

Видом на жительство служить не может,
при утере не возобновляется.

С П Р А В К А

Выдана Ефремовой Ксенье Герасимовне 1900 года рождения, уроженке с. Губернское, Кыштымского р-на, Челябинской области, по национальности русской, гр-ке СССР, осужденной 22/IX-1943 г. Военным Трибуналом Войск НКВД Краснодарского края по ст.: 58.1“а” УК РСФСР к 10 годам ИТЛ,

в том, что он освобожден из ссылки на поселении в Семиозерном р-не Кустанайской области, КССР 17 октября 1955 года на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г.» со снятием судимости.

Справка выдана для предоставления органам милиции на получение паспорта.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА УМВД

По Кустанайской области, Каз. СССР – *подпись* (ЗДОРИК)

Ст. оперуполномоченный отдела УМВД

Кустанайской области, КССР – *подпись* (ЧИСТЯКОВ)

Документы – как люди, у каждого свой характер. Документ может быть протокольно-холодным и по-человечески теплым, может быть живым и даже веселым, а может страшным, как смертельный приговор. В этой книге документы – одни из главных действующих лиц. Они многое расскажут и объяснят, что-то дополнят, в чем-то помогут восстановить истину, а где-то – бесстрастно и простодушно расскажут правду.

Выше – обыкновенная, на первый взгляд, справка, стандартная, такие в те годы писались тысячами. Нужно было лишь вставить ФИО и кое-какие личные данные... Если бы... если бы не ее текст, интригующий и провокационный. Снятие судимости... амнистия... советских граждан... сотрудничавших с оккупантами... Бесстрастно и простодушно, но какая интрига, какое лукавство вместо правды! Потому что, если ты сотрудничал – это одно, а если отсидел свой срок без вины виноватым и в награду отпущен на все четыре стороны – совсем другое.

Ниже – столь же обыкновенная, вроде бы, характеристика, короткая и конкретная, присланная, как я полагаю, из Казахстана в Ленинград для осуществления каких-то формальностей, скорее всего, как приложение к заявлению о реабилитации. И слова вроде бы обычные: работала... уволилась... Но за десятком этих строчек я вижу не столько характеристику Ефремовой К.Г., сколько характер автора, который пишет эту характеристику человеку, который только-только освободился из ссылки, отсидев 10+3, и на котором, независимо от амнистии, лежит пятно статьи 58-1а – измена Родине. Но в характеристике – ни намек на прошлое, простые, обыкновенные слова – «честной, добросовестной», «являлась примером», «по-матерински заботилась» и (!) «во многом помогла успешно осуществить подъем целины» – вдруг обретают новый смысл, не внешний, а внутренний, от этого документа веет душевным теплом и той интеллигентностью, которую не купишь вместе с дипломом.

Не знаю, были ли они знакомы – стряпуха и директор совхоза, знаю лишь одно: в отличие от множества других, быстро родившихся и столь же быстро исчезнувших из казахстанских степей хозяйств, совхоз Диевский, как бы он теперь ни назывался, жив и здоров по сю пору, а автор характеристики, которого я представляю попозже, через несколько лет после описываемых событий стал Героем Социалистического Труда.

ХАРАКТЕРИСТИКА

Ефремова К.Г. работала в Диевском совхозе Семиозерного района Кустанайской области с 1953 года по 1956 год, уволилась из совхоза в связи с переездом к своей дочери.

За период работы в совхозе ЕФРЕМОВА проявила себя честной, добросовестной работницей, выполняя любые работы в сельском хозяйстве, в трудных условиях, являлась примером дисциплинированности. Последние 2 года тов. ЕФРЕМОВА работала в молодежной комсомольской бригаде трактористов – поваром. По матерински заботилась о молодежи, т. ЕФРЕМОВА во многом помогла успешно осуществить подъем целины в совхозе.

ДИРЕКТОР СОВХОЗА

/СТРИЖАЧЕНКО/

12 апреля 1956 г.

ПОДПИСЬ

Два документа – как два полюса, от затаенного недоверия до великодушного и непритворного прощения. Между этими полюсами можно вместить всю жизнь и всю судьбу Ефремовой Ксении Герасимовны, моей бабушки, человека, родившегося в канун XX века и прошедшего почти все столетие в ногу с ним. Впрочем, в ногу – не совсем точно и излишне изящно. Да, где-то в ногу, но где-то чуть-чуть забегая вперед, где-то отставая, бегом и вплавь, с падением в грязь и очередным очищением. Одна из первых комсомолок Урала в 1919 году и член партии с 1940-го до ареста в 1943-м, секретарь-машинистка и библиотекарь, заведующая загсом и делопроизводитель в райотделе НКВД, чернорабочая и заключенная, свинарка и повариха, дочь, мать, жена, домохозяйка, бабушка и прабабушка...

О ней, о ее времени, о близких и дальних родственниках, о ее друзьях и врагах – эта книга. И о том, что мы знаем, и о чем сегодня можем лишь догадываться, потому что рассказать об этом могли только те, кого уже с нами нет. О чем-то мы успели спросить, но многое так и осталось непроговоренным. Из-за нашего недомыслия, вечной занятости, бездушевности и нелюбопытства. Каюсь. И теперь, с помощью фактов и домыслов, восстанавливая события очевидные и вероятные, а также и с помощью близких и далеких добрых людей попробуем восстановить 90 звеньев-лет ее жизни, тесно связанных (даже в годы заключения) со всеми нами, героями и персонажами этой книги.

Глава первая.

1955 год. Ленинград, улица Марата, дом 59

Не помню никаких разговоров о приезде бабушки. Я понятия не имел, откуда она приехала. И знать не знал ни о каких лагерях. Но запомнилась первая встреча, как образ, как некое смутное облако, живущее в подсознании уже шесть десятков лет. Гладко причесанная, загорелое морщинистое лицо, темно-синее (так я его вижу) платье, тяжелый, но с какой-то затаенной внутренней искрой взгляд, она сидит на стуле, нога на ногу, с папиросой в руке, в нашей комнате. Вместе с ней в доме появилась новая вещь, деревянный, выкрашенный черной краской, чемодан. Всё ее хозяйство. От бабушки и от чемодана пахнет каким-то новым, стойким запахом, ничего общего не имеющим с «Красной Москвой». Из бабушкиных вещей этот запах дорог и степей со временем выветрился, он жил лишь в чемодане, и исчез из нашего дома вместе с чемоданом. Незаметно и неизвестно когда. С вещами такое происходит часто.

И папирота та была единственной ее папиросой, которую я помню. Хотя – никто не был бы против, папа курил, и пара пачек «Беломора» всегда лежала про запас в шкафу, разделявшем нашу продолговатую комнату на две половины.

Шел ноябрь 1955 года. Бабушке было 55, у нее была трудовая книжка из совхоза (весь прочий стаж из жизни был выброшен и не был восстановлен даже после реабилитации), но работать она не пошла даже после того, как получила прописку. Работать пошла мама, а бабушка стала вести наше хозяйство, убирать и готовить, и воспитывать внуков. Мне было восемь лет, я ходил во второй класс, брату Гене, родившемуся в день похорон отца народов, – два с половиной. Правда, Гены могло бы и не быть, если бы... Нам троим и до его рождения было не слишком просторно на четырнадцати квадратных метрах. И второго ребенка родители никак не планировали. Но, как говорится, человек предполагает... Когда мама узнала, что беременна, в семье произошел некоторый переполох. Мало того, что тесно, так еще и небогато: на одну папину зарплату. Надо было выбирать: рожать или... Между жизнью и обстоятельствами. Для моей совестливой мамы это был тяжелый выбор. Хотя поначалу, сгоряча, выход, казалось, был один: не рожать. С этими мыслями она пошла к докторам. Но не в поликлинику, а к жившим в нашем дворе супругам

по фамилии Гусман. Он был хирургом, она – гинекологом. Возможно даже, что пошла со мной, я точно помню, что был в этой небольшой отдельной квартирке, помню комнату с приглушенным светом и красный диван, на котором мы сидели. Там все и решилось. Папа возражать не стал, и через некоторое время у меня появился брат. И ничего, прожили мы на Марата вчетвером, а потом и пятером, еще десять лет.

Не помню уже, когда и кто (скорее всего, мама) рассказал мне историю Гениного рождения, но история эта, родителями не забытая, мне кажется, оставалась в их душах до последнего дня. Никогда у нас не было в семье разговоров о том, кто любимый сын, а кто не очень. Но оставались еще такие понятия, как желанный и нежеланный. И чувство некой вины перед младшим сыном, может быть, и не очень остро осознаваемое, преследовало их до конца дней...

Так или иначе, но в ноябре 55-го нас было пятеро.

В архивной справке, выданной мне в 2015 году обаятельной и любезной сотрудницей паспортного стола на улице Рубинштейна, 8, стоит дата: 06.12.1955. Это день бабушкиной прописки, день, в который она вновь обрела свой законный дом, стала ленинградкой. Так совпало, что в этот же самый день Военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа было вынесено Определение № 2071: *«Приговор Военного трибунала войск НКВД Краснодарского края от 22 сентября 1943 г. в отношении Ефремовой Ксении Герасимовны, как необоснованный, отменить и...немедленно освободить ее со спец.поселения»*. Выносившие это Определение два полковника и подполковник юстиции не знали, видимо, что еще 17 октября Ефремова К.Г. получила справку об освобождении из ссылки по амнистии, а 4 ноября, на основании этой справки, Семиозерным РОВД ей был выдан паспорт гражданина СССР.

Какого числа бабушка прибыла в Ленинград, я не знаю, но было это где-то посередине между этими датами – 4 ноября и 6 декабря, но точно не 20-го. Потому что 20-го, в воскресенье, мы ходили всей семьей на экскурсию в метро, чтобы впервые прокатиться от Площади Восстания, в 15 минутах ходьбы от нашего дома, до Автово и обратно, выходя на каждой станции для знакомства с новым видом транспорта, который «всех седоков околдовал» еще в 1935 году, когда москвичи впервые поехали «от Сокольников до Парка на метро». Это был первый выходной (субботы тогда были рабочими днями) после торжественного открытия Ленинградского метрополитена, которое случилось 15 ноября. Была ли бабушка с нами в тот день, не помню. Помню только длинную очередь, обвивавшую новое здание станции метро Площадь Восстания, построенное на месте снесенной в 1941 году Знаменской церкви.

Ехали все не по делам, просто – посмотреть! Всем не терпелось спуститься по эскалатору и войти в голубой вагон. Но для этого надо было сначала отстоять очередь, купить по 50 копеек за штуку билетика с голубой буквой М (жетоны и турникеты появились в 1959 году, а с 1961 года, после денежной реформы, и до 1991-го вместо жетонов использовались 5-копеечные монеты),

Площадь Восстания (до 1918 г. – Знаменская) со Знаменской церковью и памятником Александру III, над которым современники немало потешались и который позднее, с легкой руки Демьяна Бедного, обозвали Пугалом. Фото конца 1930-х годов

через несколько месяцев, уже в 1956-м. Теперь (сентябрь 2018 года, когда я заканчиваю эту книгу) в нашем метро (в конце советских времен – Ленинградском ордена Ленина метрополитене имени Ленина) 69 станций. Есть Московская, есть Бухарестская, есть Петроградская, наконец. Нет только станции Ленинградской...

В нашем жилом пространстве с приездом бабушки произошли изменения. На месте детской кровати появился полутораспальный пружинный матрас, положенный на чурбаки. За последними дело не стало: отопление было печное, и у нас с соседями Курчиками во дворе, прямо под нашей квартирой, был свой дровяной подвал. Дровами были забиты все подвалы под домом, за исключением одного, в котором находилось полузаброшенное бомбоубежище. Горы дров – место наших игр в Максима Перепелицу, лежали на переднем и заднем дворах. А в нашей комнате, в углу напротив двери, стояла круглая печка. Дверь была наискосок – срезала угол комнаты, а над ней в результате такой планировки образовалась

Станция метро Автово в один из дней, с 5 по 9 ноября 1955 года, когда в метро пускали еще только по пригласительным билетам, которые раздавались по предприятиям и учебным заведениям. За эти дни метро успели посетить около 400 000 ленинградцев.

<http://proezdmetro.ru/246.html>

а потом предъявить их нарядному, в новенькой форме, контролеру. Самое сильное впечатление, насколько помню, производили на всех колонны из литого стекла на станции Автово. Ими можно полюбоваться и сегодня.

Во время первой поездки мы выходили на каждой станции, осматривали ее, и только потом ехали до следующей. Всего станций на первой линии было 7: Автово, Кировский завод, Нарвская, Балтийская, Технологический институт, Владимирская и Площадь Восстания. Пушкинскую открыли

небольшая треугольная антресолька, которая была в нашем тесном пространстве далеко не лишней.

В простенке между дверью и печкой висел, еще, наверное, с 30-х годов, круглый черный громкоговоритель, помнивший стук блокадного метронома, голоса Ольги Берггольц и Юрия Левитана. До появления первого в квартире КВН-49, смотреть в малюсенький экран которого к половине восьмого вечера приходили к нам все наши соседи, радио (слово это в малые года казалось мне весьма странным: радива – намного лучше!), эта черная тарелка, была единственным средством связи с миром. Из нее звучали последние известия, оперы и концерты, любимая всеми передача «С добрым утром» и даже шум ночной Москвы перед боем курантов в полночь. Но куда больше боя курантов я любил детские передачи. Хитом, извините за выражение, была «Угадайка» (с песенкой: «Угадайка, угадайка, интересная игра...»), в которой дедушка с внуком и внучкой предлагали в художественной форме различные загадки, а письма с ответами ребят приносила почтальон Маруся («К нам идет, к нам идет, почтальон Маруся!»). Запомнились познавательный «Клуб знаменитых капитанов», разнообразные инсценировки детских книг. Позже я стал слушать «Пионерскую зорьку» из Москвы и «Пионерский вестник» ленинградского радио. Одно время у меня даже было общественное поручение: в течение недели слушать «Зорьку», а потом в классе делать обзор самого интересного, услышанного из тарелки. Эту забаву, вместе со стенной газетой, можно считать, наверное, моим первым журналистским опытом. Впрочем, это, «как говорит наш бухгалтер», уже «совсем другая песня».

Вернусь в нашу комнату, в самое теплое ее место, к горячей круглой печке, для которой мы каждый день таскали из подвала напиленные и нарубленные осенью дрова (их привозил грузовик, сваливал у подвала, во дворе, потом их пилили и кололи; в последние годы, когда я подросток, справлялись сами, а пока был маленьким, нанимали у Кузнечного рынка мужиков-«дровосеков»: они стояли там парами с самого раннего утра, со своими топорами и обмотанными вокруг пояса двуручными пилами). Вслед за печкой вдоль правой стены стояла оттоманка, на которой спали родители и на которой я играл и читал свои первые книжки, пока был маленьким, дальше – бабушкин матрас, и за ним, в торце комнаты, – окно. Когда к нам приходили гости, они пер-

КВН-49 – телевизор нашего детства

Родительская оттоманка. За занавеской видна печка

бабушка, а рядом с ней, у стены – Гена, лишившийся с приобретением матраса персональной металлической кровати, сделанной дедом Борисом еще для меня и доставшейся ему по наследству. А у другой стенки, напротив, за уже упоминавшимся шкафом, на «колбасе», было оборудовано спальное место для меня. Кто придумал это остроумное название, не помню, но состояло это колбасное изделие из четырех стульев, покрытых старым ватным одеялом, и проспал я на нем несколько лет. Зато у меня был свой однотумбовый письменный стол, стоявший у окна, за ним я делал уроки и писал первые стихи. В ближней части комнаты слева, перед шкафом, напротив оттоманки, стоял обеденный стол.

Гена в кроватке, сделанной дедом Борисом. Начало 1954 года

вым делом стучали в окно, и мы, как нынче в видеокамеру, видели сразу, кто пришел. А потом уже гости шли под арку, где был вход в квартиру, а мы шли им открывать. Хотя открыть наш замок можно было и без помощи изнутри – обыкновенной двухкопеечной монетой. Это днем, но ночью-то мы запирались на солидный крюк.

Так мы жили: между печкой и окном. На новом матрасе теперь спала

И еще одна деталь интерьера нашей комнаты, художественная: над моей колбасой на стене висела копия картины Василия Перова «Охотники на привале», не репродукция, а копия, сделанная папой еще до войны, и даже до призыва в армию в 39-м году, наверное, когда он учился на рабфаке или в архитектурном институте. Куда делась потом эта картина – не знаю. Исчезла, как и бабушкин

черный чемодан. Все, что осталось от папиных работ – две карандашные зарисовки военных лет. С первого курса, в ноябре, за считанные дни до начала Финской войны, его забрали на срочную службу, которая растянулась на шесть лет и на три войны. Третья – Японская, в которой они с мамой принимали самое непосредственное участие. После войны время было тяжелое, в 47-м родился я, и с учебой ни у папы, ни у мамы, которая закончила школу в 41-м с отличием, так и не сложилось. Папа стал фотографом, а с живописью – как отрезало. Он был человеком принципиальным, до вспыльчивости. Любителем, видимо, быть не хотел. И живопись ему заменила фотография. А кисть и краски художника – остро отточенный кохиноровской карандаш, маленькая колонковая кисточка и кусочек черной туши. Он брал «халтуру» и по вечерам

Гриша и Гена. Начало 1954 года

ретушировал негативы на складном деревянном станочке (чем не мольберт), который ставил после ужина на обеденный стол.

Мой дед Борис, слышал я такой разговор, предлагал вроде бы папе помочь материально и дать возможность закончить институт, но при одном условии: чтобы он развелся с мамой. Не потому, что деду не нравилась невестка, а потому, что считал, что еврей должен жениться на еврейке. (К тому же, дед наверняка знал к тому времени, что русская жена его старшего сына еще и дочь врага народа. Хорошенький выбор!) Папа отказался. Принцип на принцип. Упрямство, иногда до глупости – наша

Для трехметровой елки, в самый потолок, в нашей маленькой комнате всегда находилось место. За елкой – «Охотники на привале». А стул, на котором я стою, станет через несколько лет фрагментом «колбасы»

фамильная черта. Но дед его решение принял, никогда не попрекал, и в последующие годы, чем мог, помогал нашей семье. Впрочем, обо всем об этом, о моих еврейской и русской ветвях, в которых я блуждаю и путаюсь всю жизнь, речь впереди. Как и о том, когда и почему мы оказались в нашей комнате на Марата, в первом этаже дома, построенного в 1884 году академиком архитектуры Н.П. Басиным.

memoria_____

Улица Марата – крупная трасса Центрального (в 1950-е годы – Фрунзенского) района Санкт-Петербурга. Проходит от Невского проспекта до Подъездного переулка.

В 1739 году улица называлась Преображенской Полковой, поскольку власти собирались тогда продолжить магистраль от Разъезжей улицы до нынешней Кирочной. А поскольку близ Кирочной квартировал Преображенский полк, имя было подходящим. Однако в реальности улица разделилась на две: нынешние Марата и Маяковского.

Преображенская улица существовала до конца XVIII века. Но в это время было у нее и другое название – Грязная улица. Этимология «грязей» не ясна, ибо вряд ли она была грязнее других. Тем не менее, продержалось это название около шести десятилетий.

Позже, в октябре 1856 года, после смерти Николая I, улицу переименовали в Николаевскую.

В 1917 году особая комиссия Временного правительства решила убрать с карты города имя Николая I, и Николаевская на некоторое время стала проспектом Двадцать Седьмого Февраля – в честь победившей революции.

В октябре 1918 года, когда сменившая Временное правительство Советская власть обновляла городскую топонимику, проспект стал улицей Марата – в честь французского революционера Жана Поля Марата, это имя она носит и поныне.

memoria_____

В квартире, кроме кухни, было пять комнат (соответственно – пять семей) и – ванная! А в ней – большая ванна с дровяной колонкой. Конечно, не «белее лунного света», как у Маяковского, а коричневая, с желтыми разводами – но кто на это обращал внимание. Она работала, и это избавляло нас от еженедельных ритуальных хождений в бани (Воронежские на одноименной улице или Ямские на Достоевского, до той и другой было минут семь ходьбы) и было предметом зависти жильцов других квартир.

Рядом с нашей была комната белорусов Курчиков: дядя Жора, завгар на каком-то заводе, его жена тетя Таня, домохозяйка, и их дети, Валя и Толя. Валя с 1954 по 1958 год училась в Академии художеств на архитектора, а перед тем окончила строительный техникум, куда, не на занятия, конечно, иногда брала меня, еще дошкольника, и мы ехали с ней на трамвае «учиться» – куда-то в сторону Измайловского проспекта. В Академии Валентина познакомилась с Анатолием Лазаревым, они учились вместе, а когда женились, Толя переселился в нашу квартиру. Курчики-старик к тому времени умерли, и

Подпись на обороте: Моим Нянькам От Тани

они жили в одной комнате с Толей-младшим, а потом и тот женился, а потом у Толи с Валей родилась Таня, и они тоже стали жить в одной комнате впятером, как и мы. Теперь уже я иногда нянчился с Таней, как когда-то Валя со мной. От Курчиков – Лазаревых сохранилась лишь одна фотография, подаренная Таней.

А незадолго до Тани

был Пунтик. Валя со студенческой делегацией угодила за границу, в Прагу, и там ей подарили щенка бедлингтон-терьера, похожего на голубого ягненка. Это была первая собака в моей жизни, с которой, как с дворняжкой, я гулял во дворе и по ближайшим улицам. С «дворняжкой», которой не было цены: таких собак в то время на весь Ленинград было несколько штук. К сожалению, собачья идиллия продолжалась недолго. Родилась Таня, и Пунтику уже не было места в комнате Курчиков. Его продали некой даме с претензией, «из бомонда», и Пунтик зажил в новой квартире подобающей такому псу почти человеческой жизнью. С парикмахером, маникюром и прочими совершенно несобачьими по тем временам прелестями.

Толя Лазарев был не только красавцем (как и Валя – красавицей), но и очень разносторонним человеком, писал маслом (его копия с картины И. Шишкина «Утро в сосновом бору», которую в народе называли «Мишки на лесозаготовках», висела в коридоре квартиры), был артистом кукольного театра в Академии. Он приносил домой, подремонтировать, огромных тростевых кукол и показывал нам их устройство. Мы с ним много общались, а по вечерам играли на кухне в табуреточный хоккей. Между ножек перевернутой табуретки ставилась большая картонная коробка из-под фотобумаги, которая становилась коробкой хоккейной. В ее дне мы проделывали щели, в которые снизу вставляли сделанные из алюминиевой толстой проволоки клюшки. Шайбой была обычная стирательная резинка.

Только, Курчик-младший, едва закончив семилетку, подался в ремесленное училище (оно же – ремесло или ремеслуха), а потом оказался на радиозаводе. Насколько не шли ему, послевоенной шпане, в голову школьные науки, настолько способным он оказался к радиотехнике, будто от природы в голове его уже сидела какая-то схема. Он и после работы вечно сидел в углу комнаты в канифольном дыму и что-то собирал, паял, а потом вдруг получался

телевизор – второй в квартире после нашего, потом другой, с гораздо большим экраном, потом радиоприемник, потом магнитофон (магнитофон, правда, он собрал уже в достаточно зрелом возрасте, будучи женатым. Подвыпив, он развлекался: склеивал небольшой кусок ленты и пускал по кругу, записав какой-нибудь текст, например, «Люська дура!», потом включал звук на полную катушку, открывал дверь в коридор и вся квартира наслаждалась его радостно повторявшимся воплем «Люська дура! Люська дура!...». Все смеялись, включая Люську, его молодую жену)...

А во дворе еще все помнили, что в нашей квартире живет Кура, лучший друг Хрыча, бывшего предводителя дворовой шайки. Что они вытворяли, в какие азартные игры играли, с кем объединялись, собираясь походом на лиговских, об этом я рассказать не могу, это была эпоха первых послевоенных лет. Теперь у нас во дворе была новая компания и другие игры: прятки, в том числе и по подвалам, пятнашки, штандер, казаки-разбойники (с выбеганием на Круглый, бывший Ямской, рынок), футбол-хоккей, ну и, конечно, фантики и ножички. К играм на деньги мы были равнодушны, победа была важнее любой наживы, и такие игры, как пристенок, например, в нашей компании не прижились. Хотя пробовали мы все, что тем или иным ветром занесло в наш двор: и тот же пристенок, когда монета ударялась ребром в стену дома и должна была упасть как можно ближе к лежащей на земле монете противника, и в расшибалочку (чику), когда монеты всех игроков ставились столбиком и нужно было своей битой (у каждого была, как правило, своя, заветная, лучше всего из свинца) разбить эту пирамидку, и в орлянку, где нужно было просто-напросто угадать, на какую сторону упадет подброшенная монетка – на орла или решку. В орлянку теперь, по-моему, играют только футбольные судьи, подбрасывая монету или специальный жетон перед игрой, когда капитаны команд должны выбрать, кто начнет игру и какая половина поля кому достанется.

Здесь же мы получали первые уроки параллельного образования, вмещавшего в себя широкий спектр ненормативной лексики, то бишь мата, начальных знаний о сексуальных отношениях и самый разнообразный улично-народный фольклор. Из кладовых моей памяти до сих пор нет-нет да являются, к месту и не к месту, какие-то фразочки, стишки или обрывки блатных песенок, которые запоминались походя, на слух, с первого-второго раза («Хорошо тому живется, у кого стеклянный глаз. Он не колетса, не бьется, и сверкает, как алмаз!»). Чего не скажешь о школьных стихах, которые постигались и выучивались со скрипом (мозгов): обязателька вызывала отторжение. Если бы я услышал от кого-то во дворе «Вот бегают дворовый мальчик, в салазки жучку посадив, себя в коня преобразив...», я бы это запомнил сразу. Но учить по учебнику было скучно. То ли дело: «В неапольском порту, с пробоиной в борту...»! Впрочем, теперь это уже классика, ее поют барды, причем, у одного порт, как у нас, неапольский, у другого кейптаунский или еще бог весть какой. Или вот: «Задумал я, братишечки, жениться. Жену себе хоро-

шую нашел. Она была веселая, как птица, я в тот же день расписываться шел. Одна нога была у ней короче, другая деревянная была. Я часто-часто плакал среди ночи: зачем меня ты, мама, родила?». Или: «Граждане, послушайте меня. Гоп со смыком – это буду я. Ремеслом я выбрал кражу, из тюрьмы я не вылажу, и тюрьма скучает без меня. Завтра улетаю на Луну, и с собой я девочку возьму. Пусть она крива-горбата, но червонцами богата, и за это я ее люблю...». Часто появлялись «кричалки» с незамысловато сочиненными словами на известные мотивы, даже джазовые: «Нью-Йорк, Чикаго, Лос-Анжелос объединились в один колхоз. Колхозный сторож Иван Кузьмич с навозной кучи бросает клич...». На слуху, конечно, была и знаменитая одесская песенка «На Дерибасовской открылась пивная, там собиралась компания блатная...» про сутенера Ваську-Шмаровоза, его шмар Марусю, Розу, Раю и их пылких приятелей Арончика и Моню. Причем, до нас эта песня дошла от старших товарищей в наиболее, наверное, похабном из всех имевшихся вариантов. Самым приличным был куплет про Арончика: «И приходил туда Арончик, славный мальчик, который ездил побираться в город Нальчик. Он возвращался на машине марки Форда, и шил костюмы элегантней, чем у лорда»... И так далее. Если продолжать – получится веселая детская книжка. И название есть: «Чувих мы клеим столярным клеем!».

Многими годами позже я случайно узнал, что наша любимая «На Дерибасовской» якобы никакого прямого отношения к Одессе-маме не имеет, и что родилась она в Ростове-папе, и называлась «На Богатынской», той, что сегодня именуется проспектом Богатынский Спуск. Кто тут правее, кто левее, пусть разбираются историки блатного творчества, ныне деликатно переименованного в шансон, а мы, случись что, и теперь, в свои семьдесят, будем петь «На Дерибасовской»...

Улица быстро и живо откликалась на события дня, не отставая от юмористов-куплетистов с девизом «Утром в газете – вечером в куплете» (Миров и Новицкий, Шуров и Рыкунин, Рудаков и Нечаев) – детство прошло под их песенки из телевизора и с пластинок). Мы тут же пересказывали друг другу услышанные от других ребят или от взрослых куплеты, анекдоты или частушки. Подаренный Советскому Союзу англичанами после войны фильм «Багдадский вор» оставил после себя анекдот с песенкой, которую мы пели в довольно еще нежном возрасте. Американец, пришедший в кино в шерстяных штанах, на выходе оказался в одних трусах: сидящая рядом бабушка, зацепившись за ниточку, распутала made in USA и смотала в клубочек. Американец пишет жене: «Ах, Мэри, Мэри, Мэри! Как плохо в Эсэсэре. Пока смотрел “Багдадский вор”, то русский вор кальсоны спёр!»... Целая серия частушек пошла гулять по стране после ликвидации опасного шпиона и врага народа Лаврентия Берии. Видимо, 6 лет – уже довольно сознательный возраст, и я помню многие из них до сих пор. Начинались они почти все одинаково: «Берия, Берия, потерял доверие...», а дальше шли варианты: «Не хотел сидеть в Кремле, так лежи в сырой земле!» или «И товарищ Маленков надавал ему пинков».

Не надо забывать, какое это было время: совсем недавно закончилась война, из средств массовой информации были только радио и газеты, а ума мы могли набираться лишь из кинофильмов, книг, пионерских журналов, в школе да во дворе. Теперь все это заменили смартфоны и компьютеры, а такое понятие, как «двор», как сообщество детворы, живущей в одном доме, новым поколениям просто неизвестно. Даже во дворах-колодцах старого бывшего Ленинграда. Дети XXI века зачастую глухи, не чутки к живому слову и больше полагаются на экраны и наушники. Мы же и видели, и слышали друг друга, и кое-что запоминали.

Со временем тематика и география наших увлечений расширялась. Зимой, классе уже во втором, мы ходили по вечерам на улицу Достоевского кататься на «снегурках», которые привязывали к валенкам. Потом переобулись в «хоккейки» и «канадки» и перебрались на стадион «Локомотив», который был здесь же, на Марата, в пяти минутах от дома. Когда я подросток до 40-го размера, примерил, чудом сохранившиеся с довоенных времен, папины беговые коньки. Папа приходил на каток и давал мне уроки, а я, стараясь не упасть, нарезал солидные круги вокруг финтивших в центре катка дворовых друзей Кольки Антонова и Тольки Шорникова.

Лет с 10–11 стал ездить на стадион имени Кирова, на футбол. С отцом, с двоюродным братом Мишей, который был старше меня на год, или с двоюродными пацанами. Ехали – когда на трамвае, когда на автобусе. По Марата ходили пять трамваев, один из них – 34-й, шел до Приморского парка Победы, кольцо было прямо в парке. К нам трамвай приходил уже достаточно забитым болельщиками, но мы как-то втискивались и около часа тащились на нем по Колокольной, Литейному, мимо цирка на Садовую, через Кировский мост, по проспекту Максима Горького до улицы Олега Кошевого (теперь Введенской) и дальше, через всю Петроградскую сторону, на Крестовский остров. Или, как тогда говорили, на Кировские острова. А веком раньше – просто Острова: Крестовский, Каменный и Елагин.

Известные строки Самуила Маршака, написанные в 40-е послевоенные годы, это про нас, про знакомые с детства места:

*Давно стихами говорит Нева.
Страницей Гоголя ложится Невский.
Весь Летний сад – Онегина глава.
О Блоке вспоминают Острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.*

Разъезжая была за углом, наша улица начиналась от Невского, на Острова мы ехали на футбол или в ЦПКО, ну, и так далее...

Второй путь – автобусом № 45. Его кольцо было на Звенигородской, и уже там стояла очередь. Автобус шел по Марата до Невского и дальше на Петроградскую, до моста перед ЦПКО, который соединяет Крестовский и Елагин

На футбол!

острова. Оттуда путь до стадиона был вдвое длиннее, чем от трамвая. Но никого это не смущало. Главное – доехать, а пройти по парку – одно удовольствие. Все пути от автобусов и трамваев сходились в центре парка, у клумбы с большой вазой, похожей на ту, что стоит в Летнем саду (теперь место вазы занял фонтан). И уже оттуда – прямой путь к стоящему перед стадионом памятнику лучшему другу ленинградских болельщиков и петербургских фанатов Сергею Мироновичу Кирову. А потом вверх – по бесконечным ступеням, чтобы очутиться, наконец, у ограждения трибун с проходами на сектора, и оттуда глянуть на пустую еще и, не побоюсь этого слова – изумрудную арену внизу, с белыми очертаниями футбольных ворот и кирпичным овалом беговых дорожек. Над стадионом развивались разноцветные флаги, играла музыка, чередой стояли киоски с мороженым и лимонадом, с пирожками и бутербродами. Это был праздник! Многие приходили на стадион семьями, а то и по несколько семей, чтобы после матча отправиться всем вместе к кому-нибудь домой и вскладчину завершить праздничные гуляния.

Стадион медленно, но уверенно заполнялся, нередко – под завязку. А вмещал он до 100 тысяч зрителей. Самым ярким был день 2 мая – открытие сезона, с речами и физкультурным парадом. Это

Сергей Миронович Киров приветствует болельщиков

На стадионе – яблоку негде упасть. 1960-е годы

был, как правило, второй тур. А первый «Зенит» обычно играл на выезде, где-нибудь

на юге – с тбилисским или киевским «Динамо», «Пахтакором» или «Араратом»... Звучал футбольный марш Матвея Блантера, написанный в 1938 году по просьбе основоположника спортивного репортажа Вадима Синявского, и на поле выбегали команды. Мы уже сидели на своих местах, на длинных, опоясывающих стадион, деревянных скамейках, и глядели во все глаза: как бы чего не пропустить. До «повторов моментов» на цветных экранах было еще далеко. На простейшем, «механическом» табло – названия команд и черные нули. У нас программки – сложенный вдвое листок, и мы уже знаем составы. Надо разглядеть каждого. Ну, Востроилова в черном свитере видно сразу. Рыжий, обожаемый ленинградцами, Бурчалкин-выручалкин, хоть и роста небольшого (170 см), тоже на виду. Вот и остальные выстраиваются по полю: Гек, Данилов, Рязанов, Храповицкий, Васильев, Дергачев, Завидонов... Каждый на своем месте. До 61-го года играли по системе «дубль-вэ»: три защитника, два полузащитника и пятеро нападающих. Именно так располагались игроки и на поле настольной игры, в которую мы играли дома. Позже все стали переходить на прогрессивную бразильскую систему 4–2–4...

memoria

«Зенит» и Бурчалкин. Бурчалкин и «Зенит»... Для ленинградского футбольного болельщика 1960-х это были слова-синонимы. И в этом нет ни капли преувеличения – именно этот невысокий рыжевато-парень покорила сердца взыскательных питерских трибун, именно он стал настоящим любимцем футбольного Ленинграда, хотя и играл он, особенно в начале своей долгой карьеры, в окружении весьма ярких и заметных мастеров.

Бурчалкин не обладал вычурной техникой Рязанова, не был непредсказуем и молниеносен, как Храповицкий, и в

Бурчалкин атакует

Программка матча «Зенит» – ЦСКА, 9 мая 1965 года

Лев Бурчалкин

скоростных данных, пожалуй, уступал реактивному Васильеву. Но были у него свои козыри, свой неповторимый стиль, тот, который и помог ему завоевать искреннюю, непреходящую любовь болельщиков «Зенита».

Пожалуй, именно к его игре наиболее точно можно применить термин «дворовый футбол». И в этом ни в коем случае нет ничего уничижи-

тельного. Просто была в игре Льва Бурчалкина такая беззаветная страсть, такой энтузиазм, такой бесшабашный азарт и увлеченность, каких в матчах команд мастеров и тогда встретить можно было нечасто, а по нынешним временам и подавно. Только мальчишки, часами, до полной темноты гоняющие во дворе мяч, способны столь самозабвенно и безоглядно отдаваться любимой игре...

Всего за «Зенит» в 1957–72 гг. Лев Бурчалкин сыграл 423 матча (из них в чемпионате 402 матча – абсолютный клубный рекорд), забил 82 гола.

Лучший бомбардир «Зенита» в сезонах 1961–63, 65, 69 гг.

Заслуженный тренер России.

Капитан «Зенита» в 1963–64, 1967–71.

Дмитрий Догановский

memoria

Болели громко, сотысячный стадион то взрывался и ревел, то замирал, то облегченно выдыхал, когда «проносило». Это была стихия, без заранее подготовленных акций и провокаций, без труб и барабанов, без, извините за выражение, баннеров и файеров. И без драк на трибунах. Хотя и подшофе народу было прилично. Стихии праздника позже, уже на «Петровском», пришлось на смену богато разукрашенное и затейно организованное пиршество буйства и разнузданности. Слов, однокоренных со словом «культура», я просто не стану употреблять. Нас, детей 11–12 лет, родители спокойно отпускали на стадион, не боясь, что кто-то обидит, тем более – избыет. Да и в целом, надо сказать, жизнь в городе была гораздо безопасней, чем ныне. Никто не водил нас за руку в школу, в кино или в Дом пионеров, гуляли мы тоже самостоятельно, и родители далеко не всегда знали о наших планах. Потому что было в жизни больше порядка и меньше того самого хаоса, который теперь лукаво называется демократией.

Ездили мы, конечно, не на каждый матч, чаще по выходным. Будние дни были заполнены школой, кружками, спортивными секциями, играми во дворе, для путешествия на стадион времени не хватало: все-таки часа два туда, часа два с половиной на футбол, и еще не менее двух – обратно. Но! – в наших квартирах уже был телевизор, и были футбольные репортажи Виктора Набутова, человека если не великого (теперь каждого попугая, орущего из телевизора, или посредственного футболиста, из которого «лепят» нового Пеле, принято называть если не великим, то хотя бы звездой. Звезды эти так и сыплются с небес на бrenную землю, но память о них лет через десять сохраняется разве что среди ближайших родственников), то – легендарного. Сегодня все знают Геннадия Сергеевича Орлова. В 60-е все знали его предшественника Виктора Сергеевича Набутова. А папа мой звал его лично.

На Зимнем стадионе работал папин приятель, если не ошибаюсь, даже одноклассник – Сергей Румянцев. Насколько помню – был он заместителем директора. Папа к нему нередко заходил: то за контрамаркой (тогда на

Зимнем часто проводились и самые разнообразные соревнования – по боксу, волейболу, баскетболу, легкой атлетике, и большие концерты; в 62-м, например, папа с мамой ходили на знаменитого Бенни Гудмена), а то и без дела. А когда «без дела», тогда на столе появлялась, разумеется, бутылочка. И третьим иногда становился Виктор Сергеевич, человек их поколения, который заглядывал на Зимний и по долгу службы, и на огонек. Тем более – здание радиокомитета, где он регулярно бывал, находилось в ста метрах, только Манежную площадь перейти.

Слушать репортажи Набутова – баскетбольные по радио, футбольные из телевизора – это было наслаждение. Прекрасная речь, тонкое знание всех нюансов игры, неожиданный юмор. «...Проходит по центру, бьет!.. Да-а, вот если бы на эти ворота поставить вторые, а потом еще одни, мяч лег бы точно-хонько в правую девятку...». Я надеюсь, что найдется автор, который об этом легендарном и героическом человеке напишет книгу. Он того достоин. Ограничусь фрагментом из Википедии, в надежде, что этот текст отредактирован его сыном Кириллом.

memoria

Виктор Сергеевич Набутов. 28 марта (10 апреля) 1917, Петроград – 19 июня 1973, Ленинград – советский футболист (вратарь), впоследствии – радио- и телекомментатор.

С детства занимался спортом, играл в теннис, баскетбол, бильярд. Выступал за сборные Ленинграда по футболу, баскетболу, волейболу, хоккею с мячом и легкой атлетике. В 17 лет получил звание мастера спорта по волейболу.

Виктор Сергеевич Набутов

После убийства Кирова семья Набутовых была сослана в Оренбург, а глава семейства Сергей Григорьевич был расстрелян по ложному обвинению. В 1936 году Набутов был вызволен из ссылки руководителями спортобщества «Динамо» и в 1937 играл в чемпионате СССР по футболу за ленинградское «Динамо». В 1938–1939 годах Набутов выступал за команду «Электрик», с которой вышел в финал Кубка СССР в 1938 году.

В 1940 году Набутов вернулся в «Динамо», где отыграл еще один, предвоенный сезон. Еще до начала войны окончил с отличием Ленинградский электротехнический институт. С началом Великой Отечественной войны он ушел на фронт, командовал бронекатером, воевал на Ораниенбаумском плацдарме. 31 мая 1942 года участвовал в «блокадном матче» между «Динамо» и командой Металлического завода, проходившем на стадионе «Динамо».

После войны Набутов вернулся в «Динамо» и играл там до 1948 года. В 1948 году, закончив играть из-за травмы, начал работу комментатора. Сначала он вел футбольные радиорепортажи, а с появлением телевидения стал телекомментатором.

В начале 1950-х годов Набутов записал цикл блатных песен. Записи стали распространяться, и дело дошло до суда. Набутов был оправдан, но уволен с работы.

Впоследствии он снова стал комментировать матчи, но в 1967 году был вновь отстранен от микрофона после сообщения о перебоях с финансированием строительства дворца спорта «Юбилейный».

Жизнь Набутова трагически оборвалась 19 июня 1973 года.

Похоронен на Серафимовском кладбище.

19 июня 2003 года в Санкт-Петербурге в день 30-летия смерти на стене дома № 3 по Пушкинской улице открыта мемориальная доска в честь Виктора Набутова.

memoria

Возвращаюсь к нашим будням. Дела у нас были не только во дворе. В теплое время компанией бродили по окрестным улицам, где знаком был каждый дом, каждый магазинчик, на копейки покупали в булочной горсть развесного монпансье или барбариса, изучали новые афиши кинотеатров, заглядывали в музей Арктики на углу Кузнечного переулка, с подвешенным у самого входа к потоку самолетом Ил-2 (захватывающую историю создания этого самолета через много лет, в 2013-м, я прочту, готовя к изданию двухтомник Г.А. Копытова «Керберы. Фамильный код. XIV–XXI вв.», издательство «Петербург – XXI век»), с чучелами белых медведей и макетами ледоколов, рассматривая все это в обстановке царившего здесь северного безмолвия, общаясь больше жестами, чем шепотом, а потом, отодвинув тяжелую дверь, вырвавшись из зимы в звенящий трамваями солнечный день, бежали, в поисках острых ощущений, в самый конец нашей улицы, где, сразу за Звенигородской, отдельно от города существовал огромный пустырь – бывший Семеновский плац.

До войны здесь был ипподром, от которого после немецких обстрелов и бомбежек не осталось ни одного целого строения. Зато имелась огромная лужа, целое озеро, по которому можно было плавать на любых подручных средствах. Потом на месте этой лужи началось строительство нового ТЮЗа, который открылся в 1962 году, к 40-летию Всесоюзной пионерской организации имени (разумеется) В.И. Ленина, который, как нас учили, очень любил детей. Мне с одноклассниками удалось побывать там раньше других, еще до открытия театра, на субботниках по уборке мусора. А во время летней практики мы сажали кусты и деревья в будущем парке, который теперь окружает ТЮЗ. Прошло более полувека, и теперь в этом разросшемся старом парке ничто не напоминает ни о войне, ни о строевых смотрах Семеновского полка, ни о казни петрашевцев в декабре 1849 года, в числе которых был приговоренный к четырем годам каторги Достоевский (не случайно же Ямскую, находящуюся неподалеку, назвали потом его именем), ни, тем более, о другой страшной казни: именно здесь были повешены пятеро народовольцев, организаторов убийства царя Александра II: Желябов с женой – Софьей Перовской, Михайлов, Кибальчич и Рысаков. Катаясь на самодельных плотах, мы видели то, что видели, и даже представить

себе не могли, какие дела вершились некогда на месте этих развалин. В том числе и в годы войны, которая снесла плац-ипподром с лица земли. Вот короткая цитата из книги «Прожектористы – защитники Ленинграда», которую я еще буду не раз цитировать, когда речь пойдет о службе родителей в прожекторных войсках. Ее автор А.З. Прищепов служил в 1940–41 годах в одном с папой полку, а может быть, и в одной роте. *«В 1944 году наш полк по ленд-лизу получил первые два радиопрожектора английского производства РАП-150... Технику мы осваивали на ипподроме, жили в неотапливаемом доме по соседству, там же стояла зенитная батарея. На этом месте теперь находится Театр юного зрителя».* Еще один штрих к истории Семеновского плаца, или, согласно современной петербургской топонимике, Пионерской площади. Теперь здесь, кроме ТЮЗа, лицом к Загородному проспекту стоит памятник великому русскому писателю А.С. Грибоедову, автору, как принято говорить, бессмертной комедии «Горе от ума». Видимо, каждый пионер, идущий в театр, должен был вспомнить название данной пьесы и призадуматься...

memoria

Семеновский плац создан в конце XVIII – начале XIX веков на территории слободы лейб-гвардейского Семеновского полка в ходе строительства комплекса новых полковых казарм. Плац занимал участок между современным Загородным проспектом, Звенигородской и Рузовской улицами, на юге примыкал к Обводному каналу, вдоль которого был насыпан вал для полкового стрельбища. В XIX в. использовался для учений Семеновского и квартировавших по соседству лейб-гвардейских Егерского и Московского полков.

В 1830-х годах по западной стороне Семеновского плаца проложены подъездные пути Царскосельской железной дороги, близ Загородного проспекта возведено здание Царскосельского вокзала (в 1902–04 гг. на этом месте построен Витебский вокзал).

22 декабря 1849 г. на Семеновском плацу совершен обряд гражданской казни над петрашевцами, 22 февраля 1880 г. повешен революционер народник И.И. Млодецкий, совершивший покушение на министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова, а 3 апреля 1881 г. здесь были казнены народовольцы С.Л. Перовская, А.И. Желябов, Н.И. Кибальчич, Т.М. Михайлов и Н.И. Рысаков.

В 1880 г. на восстановленной половине Семеновского плаца создан ипподром «Общества охотников конского зимнего бега». С 1884 на ипподроме проводились соревнования велосипедистов, 12 сентября 1893 прошел первый в Петербурге футбольный матч. Западная часть плаца (между ипподромом и железной дорогой) с 1898 стала местом праздничных народных гуляний (переведены сюда с Марсова поля). На рубеже 1950–60-х гг. на месте разрушенного во время войны ипподрома создана Пионерская площадь.

По материалам энциклопедического справочника «Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград». – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1992.

memoria

Новый ТЮЗ для нашего поколения так и не стал своим. Нашим ТЮЗом остался старый брянцевский театр на Моховой. «Два клена» по сказке Е.Л. Шварца, «В садах лицей» с Евгением Шевченко в роли Пушкина – незабываемы. А в новый, пережив эпоху взросления, мы ходили уже со своими детьми... Кстати, теперь иногда опять бываем в старом, учебном, отданном театральному институту, чтобы посмотреть на нынешних студентов. Вот такой поворотный круг.

Взгляните на карту города и представьте себе улицу Марата в облике человека с цилиндром на голове и в резиновых сапогах. А между ними, сверху донизу, одеяния, символизирующие моду нескольких эпох, вместе с невскими ветрами пронесшихся над нашей центрально-провинциальной улицей. Резиновые сапоги – чтобы не утонуть в той самой луже на бывшем ипподроме, из эпохи 50-х годов прошлого века. Вместо цилиндра, упирающегося в парадный Невский, можно представить себе любой другой убор из дорогих магазинов энд бутиков. Да и резиновые сапоги улица наша носила недолго. Начиналось-то все с печатавшего шаг военного сапога, а нынче здесь, в парке с ТЮЗом и океанариумом, совсем впору выходные туфельки.

Если же взять улицу имени якобинца и «друга народа» (первого из вождей, друживших с народом) Жана-Поля Марата в ретроспективе историко-литературной, то можно смело назвать ее Бунтарской, или, по контрасту, проспектом Царской милости. Потому что, в отличие от Марата, заколотого кинжалом, без суда и следствия, в собственной ванне дворянской женщиной Шарлоттой Корде, приговоренные к смертной казни и высочайшим образом помилованные россияне Радищев и Достоевский, в итоге, ушли из жизни без посторонней помощи. Подошло бы и не менее смелое название: улица Скорби. Достаточно добавить в начатый список Пушкина, получившего пулю на дуэли, или Горького, отравленного, по слухам, врачами лучшего друга советских писателей. И еще и еще...

Александр Николаевич Радищев, кстати, счастливо проживал со своим семейством здесь же, на Николаевской, в доме № 14. До тех пор, пока не написал и не отпечатал на купленном специально для этого случая станочке крамольные «Путешествия из Петербурга в Москву». За 9 лет до рождения Александра Сергеевича, который впоследствии неоднократно проделывал этот путь между столицами туда и обратно и имел право отнестись к сочинению предшественника весьма критически: *«Путешествие в Москву, причина его несчастья и славы, есть, как уже мы сказали, очень посредственное произведение, не говоря даже о варварском слоге. Сетования на несчастное состояние народа, на насилие вельмож и проч. преувеличены и пошлы...»*. Вот так! Но Пушкин не был бы Пушкиным, если бы из-под его пера не вышли и другие строки: *«Вослед Радищеву восславил я свободу и милосердие воспел»*.

Знал ли Пушкин, направляясь от дома № 25, что на углу Кузнечного, в сторону Невского, и проходя (или проезжая) мимо 14-го дома, что здесь жил Радищев? Думается, размышлял об ином: как примирить сестру Ольгу с отцом и мате-

рю – Сергеем Львовичем и Надеждой Осиповной. 30-летняя Ольга, вопреки воле родителей, имела несчастье тайно обвенчаться с небогатым дворянином Николаем Павлищевым, и на долю любимого брата Александра была возложена миссия примирения. Теперь этот дом 25, где была квартира Павлищева, из-за установленной на нем памятной доски зовут «домиком няни» – Арины Родионовны Яковлевой, взрастившей два поколения Ганнибал-Пушкиных: Надежду Осиповну и троих ее детей – Ольгу, Александра и Льва. Да еще своих четверых родила. Последние месяцы жизни Арина Родионовна провела в семье Павлищевых, здесь, в возрасте 70 лет, она скончалась летом 1828 года.

Стены этого непримечательного двухэтажного особнячка, где ныне обитает редакция газеты «Санкт-Петербургские ведомости», предводимая главным редактором Дмитрием Юрьевичем Шерихом, можно было бы обвешать различными досками вдоль и поперек, и на всех была бы стандартная фраза: «Здесь бывал (а)...»: Максим Горький, Леонид Андреев, Александр Куприн, Тэффи, Александра Коллонтай... В начале XX века здесь находилась некая весьма невзрачного вида кухмистерская, которую «пишущая братия» почему-то выбрала для своих «банкетов» с обязательным поеданием рыбы лабардан, в переводе на современный – трески, особым способом приготовленной.

К чему бы это я упомянул здесь, да еще в такой компании, редактора «Ведомостей»? – резонно спросит читатель. Причины есть. Именно Д. Шерих – автор книги, посвященной улице моего детства – «По улице Марата». А первая его книга, тогда 24-летнего молодого человека, – «Городской месяцеслов», стала в 1993 году первой книгой издательства «Петербург – XXI век», и я имел честь эту книгу редактировать. А еще в этой газете трудится в должности редактора службы информации мой старинный приятель и коллега Сергей Владимирович Михельсон, вместе с которым мы в 1970-е годы работали в славном «Скороходовском рабочем».

Вот такие, если продолжать цитировать А.С. Пушкина, «странные сближения». Все смешалось на улице Марата... Но вернусь в нашу квартиру.

За комнатой Курчиков была комната Голуновых. Дядя Володя, тетя Нюра и их дочь с сыном Сережей, ровесником Гены. Тетя Нюра с первого дня отчего-то невзлюбила бабушку, и та отвечала ей взаимностью. Время от времени на кухне между ними случались свары, впрочем, без серьезных последствий. Но бывали и праздники, которые всех как-то объединяли. Например, как ни странно для того времени, Пасха. Кроме одиноко живущей в своей комнатке тети Раи, откровенно верующих в квартире не было, но к этому дню все хозяйки, каждая по своему рецепту, делали из творога «пасху» и пекли куличи. Причем – во всех свободных кастрюлях, от больших суповых до маленьких, из набора алюминиевой игрушечной посуды. В комнате тети Раи всегда было полутемно, горела лампадка, тут я впервые увидел иконы. И еще одно смутное, то ли сон, то ли воспоминание: мы с тетей Раей едем куда-то на машине «Победа», а потом входим в собор, причем, не в какой-то, а точно – в Никольский. Помню только огни люстр где-то в вышине и мерцающие огоньки свечей вокруг...

Вообще-то обстановка в квартире была довольно дружелюбной, а коридор и кухня, освобождавшаяся вечером, были местом детских игр – после того, как вслед за мной в квартире появились другие дети: сначала Сережа у Голуновых, за ним – наш Гена, потом Таня Лазарева, а затем и другие. Но в первые пять-шесть лет, с 1947 по 53-й, в квартире царствовал я. Как единственному малолетнему, мне позволялось всё. Мне всё разрешали, со мной играли и гуляли. Я мог зайти к Курчикам во время обеда, залезть на колени к суровому дяде Жоре и начать вылавливать руками упругих сметков из его тарелки с кислыми щами. Тетя Таня, его жена, заглядывала к маме и говорила: «Женя, глянь-ка, как Гринька молотит! А ты говоришь – ничего не ест».

Ел я действительно плохо и всегда был худым. Мама переживала, уговаривала и упрашивала, предлагала по ложечке за папу и за маму, нарезала «паровозики» из бутербродов. И грозила ремнем, когда теряла терпение. Ремня я не боялся, потому что никогда его не пробовал.

Потом, правда, когда мне было лет десять-одиннадцать, отец меня однажды выпорол. История довольно забавная. И первая проба на деньги, которые и по сей день не «липнут» к моим рукам. Во дворе на дровах (но травы не было, был снег) мы с Колькой Антоновым за несколько дней до Нового года нашли елку. Не то чтобы выброшенную, а совершенно целую. Кто ее туда подбросил? Не иначе, какая-то нечиста сила. Колька, в отличие от меня, тюфяка, был парнем предприимчивым, тут же и предложил: «Давай продадим!». Мы встали на улице около нашей подворотни, и стали продавать. Подошла пожилая тетенька с кошелками: «Почем елка?». «Десять рублей», – говорит Колька. – «А до дому донесете?». И добавила еще два рубля. Донесли мы ей елку до Разъезжей, второй дом от Марата, а деньги поделили поровну, по шесть рубликов. Дело было еще до денежной реформы 1961 года. То есть, на привычные последнему советскому поколению деньги – рубль двадцать, или по 60 копеек на брата. Но дело не в сумме, а в том, как с умом ее потратить. Колька положил свои рублики в карман, я же, как честный малый, выложил свою долю на телевизор: вот, мол, заработал, полюбуйте, дорогие родители. Мне и в голову не пришло оставить эти деньги себе на мороженое. Такое было воспитание. При том, что я не очень-то помню, чтобы меня как-то специально «воспитывали».

Родители пришли с работы и полюбовались. Когда картина прояснилась, мама побежала к Колькиной матери, а папаша взялся за ремень и одним разом, но на всю жизнь, выбил из меня всякое желание заниматься коммерцией. Кольке, конечно, тоже досталось, но, видимо, меньше. После неудачной попытки поучиться после восьмого класса в техникуме, после окончания школы рабочей молодежи, после одного курса в Горном, где он учился «на маркшейдера», наш Альберт Ольшанский (это была его мечта – вместо Кольки Антонова сделаться Альбертом Ольшанским) окончил-таки Торгово-экономический институт. Как, кстати, и мой двоюродный брат Миша. И оба «плохо кончили», хотя и не были поэтами.

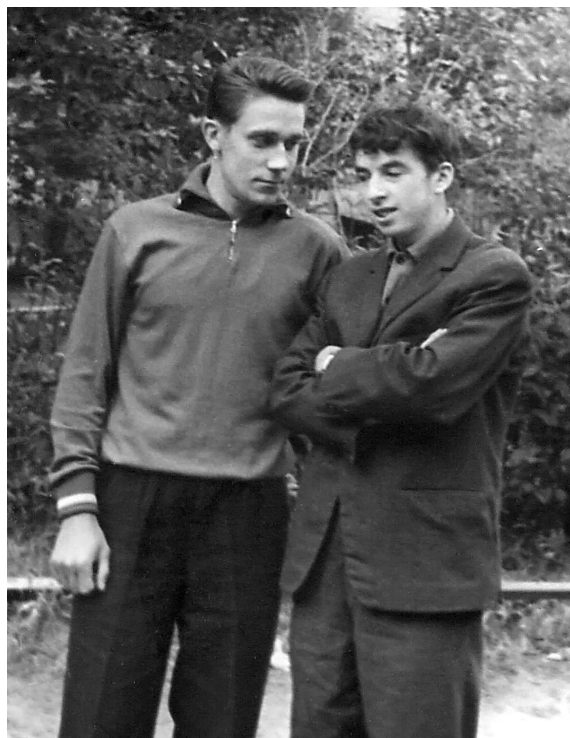
Колька после института стал работать директором вагона-ресторана и довольно скоро проворовался, попал в тюрьму, вышел, опять попал в какую-то историю и умер в расцвете лет. А может быть, спился, как его отец, приходивший иногда домой пропившимся до нижнего белья. Весь двор разбегался – «Дядя Саша идет!». Мы выглядывали из-за углов, как ковыляет к своей лестнице в углу двора Колькин отец. Вместе с нами исчезала из Колькиного окна на первом этаже сухонькая головка его бабушки, часами наблюдавшей за нашими играми во дворе. Ужасы эти, правда, продолжались не долго: мы еще учились в начальной школе, когда дядя Саша помер. А потом у Кольки появился отчим. «Прихожу домой, – хвастался Колька во дворе, – а на стуле китель висит, морского офицера!». Кителя этого мы на его отчима никогда не видели, но вскоре узнали, что работает он гардеробщиком в ресторане на углу Литейного и Некрасова. Поздно вечером, когда он приходил с работы, они с матерью раскладывали на столе стопками чаевые медяки, чтобы потом обменять их на бумажные деньги. Мать же Колькина работала на заводе, где делали коньки, и не

Коля Антонов. Начало 1960-х

случайно он был на катке главным финтилой: каждый год у него появлялась новенькая пара канадок.

Мои «предки» с родителями с Кольки и Тольки были, конечно, знакомы, но тесно не общались. Хотя бывали исключения. Я мог, например, прибежать вечером с улицы, а дома за столом сидят папа с дядей Колей, Толькиным отцом. На столе бутылка водки, хлеб, копченая треска (лабардан!) – куплено все по пути с работы в гидравлике – гастрономе, о котором речь впереди. Шли с

Мы с Толей Шорниковым во время его армейского отпуска. 13 сентября 1966 года

работы – папа с фабрики фотобумаг, а дядя Коля со своей мебельной, и на Заставской встретились. В одной войне воевали, им было о чем поговорить...

Мой брат Миша, не менее своего коллеги по торговому институту любивший хруст новеньких купюр и всякого рода предпринимательство, продержался подольше Кольки, не сдюжил уже в 90-е, когда на него на какой-то левой таможне обвалились шальные деньги. Широко разгулялся, но больно упал, и лежит теперь на еврейском кладбище, поглядывая со своего портрета на высокий черный мраморный памятник, поставленный в 40-м году нашим общим дедом Борисом нашей бабушке Хасе. А бабушка Хася, которую мы знали только по фотографиям, с укоризной поглядывает на него сверху.

Когда были мы совсем маленькими, о Хасе мы ничего не знали, нашей бабушкой, по линии папы, была вторая дедова жена, бабушка Циля, именно она до 1947 года была прописана в этой комнате на Марата, где мы жили теперь.

Единственное окно нашей комнаты, а также окна Курчиков и Голуновых (их комнаты были побольше и имели по два окна) выходили на улицу. Если смотреть с ее противоположной, четной стороны, на наш дом, эти пять окон находятся слева от арки, наше – крайнее, за стеной нашей комнаты уже 61-й дом. Теперь в нашей квартире клиника эстетической стоматологии, вход в которую сделали, расширив одно из окон Курчиков. А в нашей комнате, на месте печки, регистратура. Смешно и грустно.

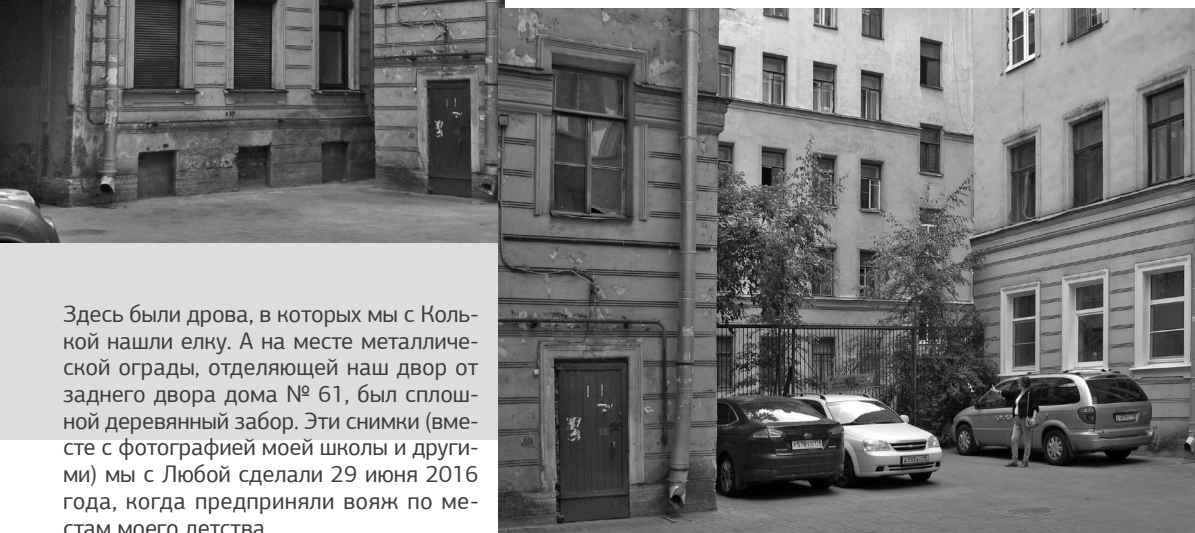
В двух других комнатах, окнами во двор, жили тетя Рая Строганова (по моим тогдашним понятиям – старушка, которая исчезала летом, уходя «в леса», и появлялась к зиме, но зато у нее не переводились грибы, клюква и брусника) и тетя Шура, старший дворник. В доме был еще просто дворник (дворничиха), если не ошибаюсь – тетя Нюра, и вдвоем с тетей Шурой они поддерживали во дворе и на улице, на нашей части тротуара, идеальный порядок. Особенно замечен был их труд зимой, когда с раннего утра за окном можно было услышать разнообразные шорохи и скрипы. Деревянными лопатами они насыпали свежее выпавший снег на большие металлические листы и за веревку волокли этот груз на улицу, сооружая на мостовой вдоль тротуаров аккуратные линии сугробов. Утром, когда я отправлялся в школу, а бабушка в магазин, эти сугробы уже сгребала своими лапищами снегоуборочная машина.

По тротуару, выложенному большими, почти метр на метр, серыми каменными плитами, мы шли направо, до Социалистической, на углу которой, в доме 65/20, был ближайший гастроном, в народе именовавшийся «гидравликом». Почему так? Ответить никто не мог. Гидравлик и гидравлик. И все-таки, через многие годы, ответ нашелся: в книге Дмитрия Шериха «По улице Марата», изданной в 2004 году, в главе о самом, наверное, необычном и «затейливом» строении на нашей улице. Приведу ее целиком, ведь все, о чем идет здесь речь, находится в пределах нашего квартала, на землях которого еще в середине XIX века располагались огороды купчихи Марьи Васильевны Сидоровой:

Наш дом. Слева от арки –
пять окон нашей квартиры

Вход
на чер-
ную лестни-
цу, куда выходи-
ла дверь нашей кух-
ни. Справа от водосточ-
ной трубы – подвал, где мы
хранили дрова. Выше – окна ком-
нат тети Шуры и тети Раи. А правее,
в нише, окно кухни, которого на снимке
не видно

Здесь были дрова, в которых мы с Коль-
кой нашли елку. А на месте металличе-
ской ограды, отделяющей наш двор от
заднего двора дома № 61, был сплош-
ной деревянный забор. Эти снимки (вме-
сте с фотографией моей школы и други-
ми) мы с Любой сделали 29 июня 2016
года, когда предприняли вояж по мес-
там моего детства

«Затейливый дом № 63 сразу бросается в глаза. Этакая игрушка, барский
особнячок – особенно на фоне скучноватой окружающей застройки.

Это и есть особняк. Принадлежал он уроженцу Саксонии Курту Зигелю,
известному в столице инженеру и предпринимателю. Вообще-то во владе-
нии Курта Богдановича находился обширный участок между Николаевской и
Ямской улицами – и весь этот участок был по его заказу застроен: производ-
ственные корпуса завода “К.Б. Зигель”, складские помещения, особняк... Боль-
шую часть работ осуществил известный архитектор Иероним Китнер.

Предприятие Зигеля открылось в столице еще в 1877 году. Занялся тогда
саксонец оборудованием для подачи воды и газа, устраивал вентиляцию и изго-
тавливал “механические прачешные”. Поработать ему пришлось немало, и не
только в Петербурге. В Екатеринодаре, например, Зигель построил первую
водопроводную станцию.

А Санкт-Петербург обязан Зигелю одной из своих достопримечательно-
стей. И хотя находится она не на улице Марата, умолчать о ней нельзя. Вход
на зигелевское предприятие со стороны Ямской улицы (ныне, напомним, улица
Достоевского) с начала XX века украшают два симпатичных бронзовых мед-
ведя. Оба Топтыгина
стоят на задних лапах
и обнимают при этом
дубовые стволы.

В 1917 году завод
Зигеля был национали-
зован; в середине XX
века предприятие пере-
шло на выпуск прибо-
ров и систем времени.
Теперь оно называется
“Хроноotron”».

Особняк Курта Зигеля. Улица Ма-
рата, 63

Вот так и случилось, что
магазин, ближайший к зда-
нию завода, выпускавшего
гидравлическое оборудова-
ние, был, «на местном диа-
Вход с медведями

лекте», назван гидравликом, хотя, конечно, на его вывеске этого затейливого слова никогда не было.

У гидравлика мы с бабушкой расставались. Она заходила в магазин, а я поворачивал направо, на Социалистическую улицу. В спину мне поддувал ветерок с запахом горелого шоколада, веявший с кондитерской фабрики имени

жены В.И. Ленина Крупской (наверное, думал я, Надежда Константиновна очень любила сладкое). Переходил улицу Достоевского, и вот он, в нескольких шагах, дом 16, школа № 297. Шестиэтажный, построенный в 1912 году доходный дом, не обремененный, в отличие от соседнего 14-го, «архитектурными излишествами». Внешне примечателен разве что строгими формами, линией барельефов под окнами 3-го этажа и треугольным фронтоном. Внутри – тоже ничего особенного, кроме единого пространства двух верхних этажей, которое в наши школьные годы было спортивным залом. Или зрительным – в дни каких-либо праздников. Что могло быть в этом огромном помещении обычного доходного дома до того – можно только догадываться. Если, конечно, спортзал – не результат капитального ремонта.

По некоторым сведениям, в этом доме жил в 1914 году поэт Мандельштам, а в 1915–16-м – изобретатель телевидения В.К. Зворыкин, в то время, когда он был преподавателем Офицерской электротехнической школы. Теперь там бывают другие люди: в здании поселилась гостиница «Инжэкон».

Гораздо более знамениты два других дома на бывшей Ивановской.

Первый – соседний с нашей школой дом № 14, в нем находилась типография, где некогда, с 1912 по 1914-й год, печаталась газета «Правда», а в 50-е годы – «Вечерний Ленинград» и другие городские газеты. День выхода первого номера «Правды» – 5 мая по новому стилю, в советское время шумно праздновался журналистами, как День печати, но в смутные времена одним майским праздником стало меньше, он был перенесен и затерялся где-то в недрах календаря; при этом В.И. Ленин был переименован в П.А. Романова (он же Петр I), а большевистская печать и печать вообще – во всероссийскую. Память об исторических событиях, происходивших в этом здании, была впечатана в мемориальные доски, висевшие на его фасаде. После ремонта дома и преобразования его в бизнес-центр доски исчезли. Что логично: между тру-

Помещение гидравлика теперь занимает отделение «Сбербанка»

дом и капиталом отношения всегда были непростыми. В данном случае, как это случается чаще всего, победил капитал.

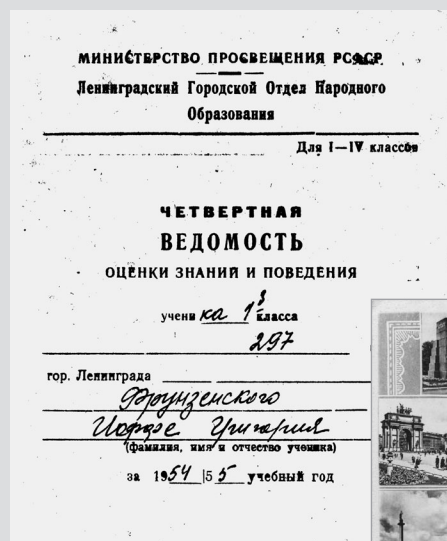
Второй дом – № 7, в котором уже несколько десятилетий «квартирует» 321-я школа, имеет более чем 200-летнюю историю. С 1817 года здесь размещался Благородный пансион, а затем, вплоть до революции – Первая Санкт-Петербургская классическая гимназия. Здание расположено на пересечении с улицей Правды, в свою очередь – бывшей Кабинетской. Такое серьезное название улица получила потому, что здесь находилась некогда Дворцовая слобода, в которой селились служащие кабинета Его Императорского Величества. Надо заметить – забавное соседство: на параллельной Ямской улице (ныне Достоевского), в Ямской слободе, жили извозчики (отсюда же название Ямских бань и Ямского рынка), которые разъезжались ранним утром по городу с Разъезжей улицы, пересекавшей Ямскую и Кабинетскую. Одни – на Невский и Лиговку, другие – в сторону Фонтанки, а оттуда в Коломну или в Адмиралтейскую часть, в том числе и к Зимнему дворцу.

Однако, я немного заблудился: шел в свою 297-ю школу, а попал в 321-ю, в которой, кстати, пару лет, до нашего переезда в новую квартиру на Краснопутиловской, успел поучиться Гена. И это не случайно: всё в нашем, как сказали бы теперь, микрорайоне было рядом: и школы, и районная библиотека (в здании 321-й школы), и стадион «Локомотив», и наш любимый кинотеатр «Победа» на Разъезжей, в ста метрах от Лиговки. В «Победе», кроме кинозала, был малый зал, в котором перед сеансами проводились небольшие концерты. Недавно узнал, что «Победой» этот кинотеатр стал называться после войны, в довоенное время у него было другое, не менее советское название. А рассказал мне об этом человек, который жил в 30-е годы неподалеку от кинотеатра и с которым мы, как выяснилось, многократно пересекались в нашем детстве, правда, не во времени (поскольку он на 17 лет старше меня), а в пространстве: наши дома находились друг от друга в пяти минутах ходьбы.

С Александром Залмановичем Кониковым нас связали несколько лет назад издательские дела. Человек он не просто интересный – удивительный. Выпускник ЛГУ 1953 года, кандидат геолого-минералогических наук, несколько десятилетий посвятивший исследованию геологии Сибири, Урала и Карелии, он в 2000 году (в 70 лет!) закончил Петербургский институт иудаики по специальности филолог-преподаватель, и за прошедшие годы прибавил к своему солидному списку научных работ по геологии ряд переводов с иврита, а также публикаций по вопросам иудаизма, например, о происхождении названий «библейских» минералов.

– Кинотеатр «Победа», – рассказал Александр Залманович, – до войны носил название «Молот», я ходил туда с шести лет, благо, он был рядом с нашим домом 35/37 по Коломенской улице. Мама давала 50 копеек на билет. Запомнились «Три поросенка», «Партийный билет», фильмы Чарли Чаплина...

А еще был на улице Правды Дом культуры пишевинов, где тоже было кино, а на Загородном проспекте – кинотеатр «Правда», в 1989 году преобразованный

Наш 4-6. Я второй справа в среднем ряду. С большинством из этих ребят я проучился в школе 8 лет. Звезд с неба никто из нас не хватал, учились посредственно, на три с плюсом. Те же, кто в среднем успевал на четыре, а таких было трое или четверо, в основном девочки, назывались отличниками

Дома № 14 (бывшая типография) и 16 (бывшая школа № 297) по Социалистической улице

Дом № 16

Дом № 7 по Социалистической улице – школа № 321

в Филармонию джазовой музыки. Да и до Дворца пионеров – в Аничковом дворце, на пересечении Невского и Фонтанки, в котором мы с Геней тоже, каждый по-своему, отметились, было рукой подать. Гена в свои школьные годы (все 10 лет) танцевал в дворцовом ансамбле песни и пляски, был его солистом и дважды побывал с ним в Артеке. (В одной из последующих глав он расскажет об этом сам.) Мой опыт был скромнее: в пятом и шестом классе я трудился здесь в кружке выпиливания и выжигания. Но к седьмому мне надоело пилить, и я подался в локомотивскую секцию легкой атлетики, на что бабушка Ксения немедленно отреагировала в своем духе: «А что не в тяжелую? Все ищешь, где полегче?».

Бабушка умела сказать-припечатать. В ее памяти было немало фразочек, подхваченных в разные годы в разных местах, и на Урале, и на Кубани, и в лагерях, которые она, всегда кстати, ввертывала в разговор. Мы иногда не понимали, что значит то или иное слово в ее изречениях, но смысл, благодаря интонации, был понятен, хотя и не всегда приятен. Вот, наверное, из лагерного: «Ты человек или милиционер?». Это когда мы с братом чересчур досаждали ей своими детскими выходками. Или, в похожей ситуации, но помягче, с кубанским акцентом: «Дурная голова ногам покою не дает». А на градус выше, уже выходя из себя: «Да чтоб тебя рóзарвало!». До сих пор разгадываю незамысловатое, на первый взгляд, высказывание, смесь русского с украинским: «Ума нема – беда неловка». Левая честь понятна. А вот дальше, что из этого «ума нема» следует? «Неловка» – от «ловкий» или от «ловить»? Перевод на украинский ничего не проясняет. И что? Ума нет – беда не страшна? Или: нет ума – беда сплошная? Если вспоминать интонацию, с которой это говорилось, получается: ну, дурак и дурак, чего с него взять? Неожиданный эффект дала попытка перевода на английский: «Ума нет – нет проблем». У них там за что ни возьмись – все отлично, по problem! А у нас: «Ни мужик, ни баба – Терентий». Это тоже из бабушкиного. Задолго до сексуальной революции.

И я возвращаюсь, уже возвратился, к бабушке. Тем более, что кто-то из читателей моих, если таковые найдутся, может спросить: к чему бы я завел весь этот разговор про нашу комнату, про ванную, про дрова и репродуктор, про тетю Раю и тетю Шуру, а о бабушке вроде бы и забыл, заболтался в своих ностальгических мемуаризмах. А заболтался не случайно: ведь бабушка, приехав в Ленинград, стала членом нашей семьи, обитателем этой комнаты и этой квартиры, частью нашего коммунального сообщества, которое жило своей особенной жизнью, где все были друг другу почти родственниками, где умирали старики, становились взрослыми вчерашние дети и рождались новые...

Вот как-то сама собой вырвалась фраза: «где умирали старики», и что-то зашло внутри. Вспышками из детского сознания являются эти седые люди, между ними и мной – материальные сантиметры, а сохранившиеся ощущения – мы, я и он, я и она, живем в каких-то разных мирах, и так оно и должно быть, и не помню я у себя, ребенка, потрясения при виде умирающих, а потом уже и ушедших в мир иной людей, соседей, почти родственников. Хотя, казалось

бы, для ребенка смерть должна быть чем-то не просто непонятным, но ужасным. Гроб с тетей Таней Курчик стоял на столе в их комнате («Где стол был яств...»), но помню не столько эту картину, а как его выносили – через окно прямо на улицу... Дядя Володя Голунов умирал, задыхаясь, рядом с ним лежала огромная брезентовая подушка с кислородом, он так и остался в памяти вместе с этой подушкой... Маленькая, беленькая, почти прозрачная старушка, мать тети Шуры, на белых простынях под белым одеялом – такое светлое воспоминание, не отягощенное печальными мыслями... Хотя – кто из нас в детстве, пытаясь заснуть, не задумывался о предстоящем, пусть и не скоро, собственном конце. Мысль эта казалась нелепой, но в груди замирало, и только подкрадывшийся сон смывал из сознания наваждение ужаса.

Первое потрясение, связанное со смертью, случилось позже, когда мы заканчивали седьмой класс и сдавали свои первые в жизни экзамены. На Загородном проспекте есть садик, или сквер, у которого, по-моему, никогда не было ни имени, ни названия, находится он напротив нынешней Джазовой филармонии, в те годы – кинотеатра «Правда», и свой второй вход-выход имеет через дворы на Социалистическую улицу – совсем рядом с 321-й школой. На одной из скамеек в этом садике сидела девочка из этой школы, наша ровесница, и готовилась к экзаменам. Она и представить себе не могла, что какой-то негодяй уже проиграл в карты ее жизнь. Он появился в садике из двора со стороны Социалистической, подошел к ней, сел рядом и достал нож... Так описывали потом эту картину. А через несколько дней в школе стоял утопающий в цветах гроб, проститься с девочкой пришли ребята из всех ближайших кварталов...

Сегодня наше жительство впятером в 14-метровой комнате может показаться ужасом, но мы так жили, и не жаловались. Сюда, в эту комнату, бабушка приехала после десяти лет, проведенных на лагерных нарах, и почти трех – в целинных бараках. Водопровод, газ, ванная, всегда теплая печка и нормальная еда после десяти голодных лет в лагерях, наконец, безграничный город, окружавший нашу маленькую квартирку, – теперь все это могло показаться раем. Потом, в 63-м, когда мы переедем в 4-комнатную (36-метровую) квартиру в хрущёвке, на углу Краснопутиловской и Кубинской, у бабушки появится, пусть маленькая, но своя, пятиметровая комнатка.

С приездом бабушки стали восстанавливаться семейные связи, разорванные войной и лагерем. Младшего брата она не видела с 38-го года, когда Николая мобилизовали в армию на переподготовку. Там же, на Кубани, в станице Старощербиновской, она рассталась с сестрами Зиной и Шурой, которые не порвали с ней почтовую связь и поддерживали ее во все последующие ненастные годы. Но главное – она ничего не знала о судьбе своей младшей дочери Виты – Виолетты, которой 27 марта 1943 года, в день ее ареста, было всего-навсего одиннадцать лет.

К счастью, Виолетта найдется, подробнее об этом и о много другом – чуть позже, а на улицу Марата мы вернемся еще не раз...

Глава третья.

Невьянск – Карабаш. 1917–1921

Итак, в 1970 году у бабушки завязалась переписка с пионерами и комсомольцами из средней школы № 1 города Карабаш. Как нашли ее пионеры – не знаю. Быть может, накопили что-то в архивах. Но скорее всего, по совету бабушкиных сестер Зинаиды или Александры, которые там жили. Потом еще несколько лет ребята поздравляли бабушку с революционными праздниками, а однажды прислали альбом с отчетом о своей работе и фотографиями.

Первая открытка – со штампом 5.11.70. Адресована Фирсовой Ксении Герасимовне. На лицевой стороне на красном фоне силуэт «Авроры», золотые серп и молот со звездой и надпись: «СЛАВА ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЮ». Довольно традиционный для тех лет изобразительный ряд. Послали авиапочтой, чтобы успела к 7 ноября. На обороте текст:

«Уважаемая Ксения Герасимовна!

Поздравляем Вас с праздником, желаем Вам хорошего здоровья и большого личного счастья!

Мы обращаемся к Вам с большой просьбой. Опишите, если это Вас не затруднит, о Вашей далекой комсомольской юности, о том, как Вы начинали историю карабашского комсомола. Если можно, вышлите своё фото любимых лет. Нам очень хочется не только узнать о судьбе первых комсомольцев нашего города, но и оформить в Ленинской комнате стенд о Вас, первых комсомольцах Карабаша.

С уважением к Вам продолжатели Вами начатых дел пионеры и комсомольцы СШ №1».

Письмо К.Г. Ефремовой пионерам и комсомольцам школы № 1 г. Карабаш

«Дорогие ребята, получила Вашу открытку с поздравлением и очень была тронута. Большое спасибо за поздравление, интересно, кто натолкнул Вас на эту мысль – обратиться ко мне с вопросом о комсомольской юности и где Вы взяли мой адрес.

Сейчас я уже старая, забыла многие фамилии, но о том, что сохранилось в памяти, я с удовольствием напишу. Но возможно я Вас разочарую тем, что в Карабаше прожила только 3 года,

г. Невьянск. Собор.

Так выглядели главные достопримечательности Невьянска в те годы. Наклонная Невьянская башня, Спасо-Преображенский собор и часовня в память о погибшем от бомбы народовольцев царе Александре II

(читай: Екатеринбургского уезда Пермской губернии. – Г.И.). Отец мой еще до революции был связан с партией большевиков, работал машинистом силовых установок, 2 старших брата тоже работали на артиллерийском заводе. Один (Петр. – Г.И.) слесарем, а другой после ранения на фронте то ли бракером, то ли счетоводом. Старший брат (Михаил. – Г.И.) был крепко связан с отцом. А мы еще были бестолковые юнцы. Но в 1916 году у нас была большая забастовка на заводах. Приезжали казаки для усмирения, и не одному из наших парней удалось попробовать казацкой плетки.

У отца нередко собирались передовые рабочие и обсуждали стачечные, да и другие дела, а мы использовались как наблюдатели, т. е. около дома устраивали шумные игры, а сами наблюдали за происходящим. Несмотря на то, что мы еще были молоды с братом (Николаем, родившимся в 1910 году. – Г.И.), мы уже понимали, что тоже должны organizоваться на помощь родителям, и старшие нам указали дорогу. По настоящему времени наши попытки покажутся примитивными, но тогда это имело смысл.

В рабочем поселке, где мы жили, такой молодежи от 16 до 22-23 лет было человек 40. Кто работал, кто учился, а многие девушки, в том числе и я, находились дома, помогая матерям, т. к. семьи в то время были большие, самое меньшее 5 человек, а у некоторых и до 10.

Старшие рабочие во время стачки, выставя свои требования об улучшении условий труда, повышении заработной платы, потребовали, чтобы в поселке была построена баня. Частично требования были удовлетворены, а так же через некоторое время была заложена и баня.

Но вот наступил 1917 год и Февральская революция.

приехала в 1918 г. осенью и осенью 1921 г. выехала в Свердловск (то есть в Екатеринбург, который стал Свердловском в 1924 г. – Г.И.), поздней я еще жила в Карабаше, но тогда уже у меня было двое детей.

Когда началась Февральская революция в 1917 г., я со своей семьей проживала в г. Невьянске Свердловской области

Дети, трудно Вам объяснить на словах, ведь это был период энтузиазма, хотелось что-то сделать такое, как говорится, обнять весь мир. Несмотря на то, что мы были голодны, а голодны мы были, начиная с 1915 года, т. к. была война, а Невьянск город промышленный, и прилетающие к нему Нижний Тагил, Верхний Тагил и т. д. сельским хозяйством не занимались, своего хлеба не было, все привозное, а привозить было неоткуда, т. к. крестьянство, мужчины, отправлены на фронт, обрабатывать землю было некому, и начались неурожаи. Но нам было как-то все нипочем. Помещение бани было построено, но внутри не оборудовано. Мы под руководством старших добились, чтобы это помещение отдали нам в наше распоряжение. Что я хочу сказать этим? А то, что это были первые побеги нашей молодежной организации. Мы были счастливы, мы имели возможность организовать себе клуб и заняться каким-то делом. Денег у нас не было. Кто-то из старших посоветовал организовать драматический, хоровой и музыкальный кружки, началась подготовка. К 1-му мая 17 г. у нас уже была готова постановка, кажется, "Медведь" Чехова, и концертное отделение. На первое мая мы дали праздничный концерт, а позднее – платный. Заработанные деньги у нас пошли на украшение клуба и на всякие мелочи, поделку декораций, а костюмы для постановок делали сами или доставали. У кого были старинные костюмы, зеркала, стулья, шторы, портьеры – все ташилось из домов вновь испеченных артистов. Это было горячее время, везде нужно было поспеть, нигде не опоздать, все делать. К 1-му мая нужны были лозунги, плакаты: все делали своими силами. Нужно было разучивать новые незнакомые песни, подготовиться к демонстрации.

Точно не помню, в июне или июле приехал представитель из Свердловска (тогда еще Екатеринбурга) и, проведя собрание, предложил организовать союз рабочей молодежи. Какой-то был предложен устав, сейчас не помню, дали нам уже настоящее помещение и началась организационная работа, а позднее нам горкомом партии давались всевозможные задания, написание плакатов, пошив и вышивка знамен, все делалось молодежными руками. Когда у нас не было денег, организовывали концерты, постановки.

При гимназии было организовано отделение по повышению знаний, принимались в это отделение окончившие не менее 3 классов и не более 4-х. Преподавались все предметы, что и в гимназии, но в уплотненном виде. Весной 1918 г. мы окончили это отделение, сдав экзамен за 4 класс гимназии экстерном, и стали грамотными людьми. Как в сказке, но это было неоспоримая.

А в июне 1918 г. выступил Колчак (здесь память бабушку подвела: армии Колчака заняли Урал позже, в марте-апреле 1919 г., и

оставили его после Челябинской операции 17.07–04.08.1919 г. А в июле 1918 г. по Уралу прошла Бела́я армия, совместно с чехословацким корпусом взявшая Екатеринбург 28.07.1918 г. – Г.И.), и наши мальчишки, члены „союза рабочей молодежи“, почти все ушли в армию. А мы, девочки, остались, и тоже везде нужны были деньги, устраивали праздник цветов, доставали цветы из садов, а порой просто ромашки, васильки, делали небольшие букетики, укладывали в корзинки, девочки несли цветы или еще специально делались жетоны, вроде теперешних значков, прикалывали на грудь встречных, а у мальчишек в руках или на ленте через плечо была опечатанная кружка, куда гражданин или гражданка, получившие букетик цветов, обязан был опустить какую-то сумму денег, и эти деньги шли уже в пользу государства.

12 июня в Невьянске кулаки подняли восстание, это было так неожиданно. Все работники горисполкома и горкома партии находились на рабочих местах. Здание, где находились эти учреждения, было оцеплено белыми и кулаками с пулеметами, и вообще до зубов вооруженными людьми, и все работники в количестве 46 человек были арестованы. А когда наша Красная Армия стала подходить к Невьянску на помощь, то арестованные все были кулаками расстреляны. Это был первый большой урон, помимо войны. Когда наши войска пришли и устроили эту банду, первое, что нам пришлось делать, – это организовать похороны погибших. Конечно, все делалось под руководством старших, т.к. у нас еще своего опыта было мало».

О восстании в Невьянске бабушка повествует здесь коротко, тем не менее, интересно сопоставить ее рассказ с воспоминаниями, гораздо более подробными, других участников тех событий.

Очерк Н.М. Матвеева о восстании был впервые опубликован в книге «В борьбе за власть Советов. Воспоминания коммунистов – участников Октябрьской революции и гражданской войны на Урале»: Свердловск, 1957. А затем, со ссылкой на первоисточник, перепечатан за границей – уже под другим идеологическим соусом, в 3-й книге серии «Исследования новейшей русской истории»: «Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919. Документы и рассказы». Под общей редакцией А.И. Солженицына. Париж, 1982.

Невьянское восстание

Из воспоминаний Н.М. Матвеева:

Когда начался контрреволюционный мятеж чехословацкого корпуса, спровоцированный империалистами, Невьянск обезлюдел. Почти все коммунисты и сознательные рабочие – не менее 700 человек – ушли на фронт с отрядами Красной гвардии. В городе не осталось никаких вооруженных сил, за исключением так называемых автомобилистов, с которыми и связана история контрреволюционного невянского восстания.

Автомобилистами у нас называли технический персонал и охрану военнизированных автомастерских, эвакуированных в Невьянск из города Луги под Петроградом в связи с наступлением немцев в феврале 1918 года. Это были преимущественно замаскированные белогвардейские офицеры, разного рода авантюристы, недоучившиеся студенты из породы маменькиных сынков – словом, все те, кто отсиживался в тылу, дожидаясь удобного момента, чтобы свести счеты с Советской властью. Среди подобной публики меньшевики и правые эсеры пользовались исключительным влиянием. Большевиков здесь не было: они воевали на фронте с врагами революции.

Всего в автомобильных мастерских насчитывалось около 300 человек. Оружие они имели в избытке и самое разнообразное: винтовки, револьверы, пулеметы и несколько броневых автомобилей. Надо сказать, что поведение автомобилистов сразу внушило нам – коммунистам – подозрение. Они упорно сторонились рабочих, но зато завели крепкую дружбу с кулаками и торговцами, выменивая у них водку на оружие. Напившись, орали похабные песни и грозились: – Вот погодите, мы ваших комиссаров скоро подкомиссарим.

Подозрительное поведение автомобилистов заставило нас обсудить этот вопрос на собрании актива. Но тут мнения разделились. В защиту автомобилистов, как это ни странно, выступил председатель исполкома большевик Каскович. Он уверял всех нас, что опасаться совершенно нечего, что автомобилисты хорошие ребята, а их начальник Елисеенко и вовсе свой парень. Касковича поддержал директор Невьянского завода Кузнецов. Однако большинство членов исполкома высказалось за разоружение.

Касковича отрядили в Екатеринбург к военному комиссару Ф. Голощекину за помощью. Тот одобрил наше решение, но помочь ничем не смог. А собственных сил у нас не было. 8 июня 1918 года накануне мятежа, мы отправили на фронт последний отряд красновардейцев. Этим и воспользовались автомобилисты...

Между тем в городе распространился слух, будто бы сообщение между Невьянском и Екатеринбургом прервано. Контрреволюционеры восприняли этот слух как сигнал для выступления против Советской власти.

12 июня 1918 года, часов в одиннадцать утра, вооруженная до зубов банда автомобилистов ворвалась в здание исполкома Совета и открыла частую стрельбу. Наш народный судья П.П. Шайдаков с криком «измена!» выскочил в окно, но бандитская пуля догнала его, и он повис мертвым на прутьях железной ограды. Мятежники под усиленным конвоем препроводили нас вначале в так называемую красную комнату заводоуправления, а затем ночью в арестный дом бывшего волостного правления...

Мятеж продолжался всего пять дней, но размеры его были довольно значительными. Автомобилистов и буржуазию Невьянска активно поддерживало кулачество близлежащих волостей: Быньговской, Таволжанской, Шуралинской, Верхне-Тагильской, Рудянской, Верхне-Таволжанской. Кроме того, невянские контрреволюционеры обратились за помощью к белочехам, а также к антисоветским элементам в Екатеринбурге, которые как раз в это время тоже пытались организовать вооруженное выступление.

Программа мятежников определялась типично эсеро-меньшевистскими лозунгами: «Долой комиссародержавцев-большевиков! Вся власть Учредительному собранию!» Организационным центром мятежа являлся так называемый

мый военный штаб, куда вошли представители от автомобилистов, городской буржуазии, бывшего царского чиновничества, кулаков и соглашательских партий. Штаб сформировал белогвардейскую дружину, которая вместе с кулацкими отрядами насчитывала до пяти тысяч человек.

В деревне от имени военного штаба действовал организованный эсерами Крестьянский союз. Советы были повсеместно разогнаны, около 60 партийных и советских работников арестованы и доставлены в Невьянск на расправу.

Не довольствуясь этим, мятежники предприняли попытку овладеть Нижним Тагилом. К счастью, один из наших телеграфистов успел предупредить кого следует. Красногвардейский отряд Нижне-Тагильского Совета встретил налетчиков плотным ружейно-пулеметным огнем и заставил их отступить...

На пятый день мятежа к Невьянску подошли отряды екатеринбургских и нижнетагильских красногвардейцев с бронепоездом. Мятежники хотели устроить крушение, пустив навстречу бронепоезду платформу с песком. Но красногвардейцы вовремя заметили опасность и свалили платформу под откос. Бронепоезд продвинулся вперед и открыл огонь из орудий и пулеметов.

За ним пошла в атаку пехота. Мятежники не выдержали и в панике бежали из Невьянска по направлению к Рудянке.

Перед уходом они намеревались расправиться со всеми арестованными, но не успели. Пострадали только те, кто сидел вместе со мной в волостном правлении. Из них погибли мучительной смертью комиссар труда И.А. Долгих, директор цементного завода Л.С. Чижов, работник военкомата А.Д. Котляков, комиссар просвещения и юстиции Н.П. Мартынов, уполномоченный наркомпрода Сбарский, член продовольственной управы Н.И. Шведов, красногвардеец П.И. Быстров, директор кожевенного завода А.И. Дерябин – всего 11 человек. Тяжело было переносить горечь утраты лучших наших товарищей, но мы отомстили врагу за их кровь.

Кровь за кровь. Такая война шла в те месяцы на Урале. Невьянский мятеж был одним из перепадов в этой войне, в которой одерживали верх то белые, то красные. Но ровно через месяц красные нанесли удар, который станет не просто одним из эпизодов Гражданской войны, он станет фактом мировой истории и потянет за собой цепь других событий, которые происходят по сей день.

28 ноября 2015 года, в день, когда я пишу эти строки, в Петропавловской крепости вскрыли могилу Александра III с тем, чтобы взять образцы для анализа ДНК. Последнее на сегодняшний день звено в той самой цепи, первым из которых стало убийство в Екатеринбурге отрекшегося от царского престола гражданина Николая Романова и его семьи. Произошло это в ночь на 17 июля 1918 года, через считанные дни после освобождения Невьянска от мятежников.

В эту ночь бывшие Государь с Государыней ответили за все свои злодеяния, а заложниками этих злодеяний стали их невинные дети. И не так уж важно, кто конкретно стрелял в подвале Ипатьевского дома. Николая Кровавого, царя-палача – к этим определениям после его канонизации добавилось еще одно: «святой изверг» – убили те, чьи отцы были затоптаны на Ходынском поле

17 мая 1896 года (по официальным данным погибли 1389 человек, по неофициальным – до 5000); те, чьи товарищи, шедшие к Зимнему дворцу с портретами царя, были расстреляны 9 января 1905 года (по официальным данным 130 убитых и 299 раненых, по неофициальным в несколько раз больше); те, кто уцелел 4 апреля 1912 года, в день Ленского расстрела мирного шествия рабочих (убиты по разным данным от 150 до 270 человек); родственники погибших в еврейских погромах, направлявшихся царем-антисемитом (по самым скромным подсчетам: убитых – 21 000 человек, раненых – 31 000); родные тех сотен тысяч российских солдат и моряков, что погибли в бездарно проигранных Японской и Первой мировой войнах. Всего во время подавления восстаний и разгона демонстраций за годы правления Николая II убиты более 17 000 и ранены около 28 000 человек, в течение 1905–1912 годов в тюрьмах умерли 30 424, покончили самоубийством 928 человек. Кровь за кровь. В историческом смысле это было отмщение. В духовном – Божье возмездие.

«Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его» – Откр 22, 12.

Ныне Николай – «Царственный страстотерпец». У Русской православной церкви в 2000 году были свои резоны для того, чтобы причислить к лику святых семью последнего императора России, несмотря на многочисленные протесты и сомнения общественности. Хотя и в самой Церкви по этому поводу единого мнения не было. Решающим, судя по тому, как развивались события, оказалось мнение первого президента России Ельцина, непосредственного участника и волею Политбюро ЦК КПСС исполнителя решения о сносе Ипатьевского дома в Свердловске (22–23 сентября 1977 года), в подвале которого произошла трагедия. Будучи в то время первым секретарем Свердловского обкома, он «вынужден» был дать ход этому делу. Слова типа «вынужден» возникли многими годами позже, а в 1977-м верный ленинец и подумать не мог о том, чтобы поставить под сомнение решение Политбюро. Однако про Политбюро со временем как-то забыли, и всякий раз, когда возникал разговор о сносе проклятого дома, говорили просто: его снес Ельцин. Времена изменились, а пятно осталось. Об угрызениях совести говорить не буду, не верю, но замолить грех и покаяться сам... (нет, не Бог) велел. Так и возникла, судя по всему, идея канонизации. Для этого надо было забыть все разговоры о никудышном царе, отрекшемся от России, и свести всю его биографию к тому периоду, когда после отречения семья Николая находилась в неволе. И была, к июлю 18-го года, фактически приговорена. Бывший царь и его потомки большевикам, да еще в той обстановке Гражданской войны, когда города на Урале постоянно переходили из рук в руки, были совершенно не нужны. Как несколько ранее, после отречения, ненужными они оказались английскому монарху Георгу V, двоюродному брату Николая, с которым они были, по крайней мере, внешне, похожи, как братья близнецы. Брошенный родственниками, после Октябрьской революции Николай был обречен. И тем не менее...

На ухоженных руках последнего российского императора – кровь сотен тысяч убитых людей, и не важно, по его ли приказам, или при его молчаливом согласии, как 9 января, было это сделано. И не они ли истинные страсто-терпцы, те, кто был убит в день, названный Кровавым воскресеньем, когда Государь-батюшка (трусливо, скрывшийся в Царском Селе еще 6 января, но хорошо осведомленный о предстоящем шествии рабочих) пустил события на самотек. Так было, но те, кто принимал решение о канонизации, лукаво решили обмануть и себя, и православную общественность, сообщив всему миру, «что государя в это время вообще не было в Петербурге, он никак не был причастен к этому расстрелу и не мог отдать такого приказа – он даже не был в курсе происходящего».

Царь, по Священному Писанию, – «умыл руки», фактически отдав власть военным, жандармам и градоначальнику, сделавшим с беззащитными семьями рабочих то, что сделали с Иисусом Христом первосвященники.

«...Пилат говорит им: Царя ли вашего распну? Первосвященники отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря» – Ин 19, 15.

«Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы» – Мф 27, 24.

Тем, кого не убедят даже эти библейские строки, предлагаю обратиться к документальной основе тех событий. Например, к хранящемуся в Российском государственном историческом архиве личному фонду экономиста, коллежского асессора Анатолия Алексеевича Клопова (ф. 1099), негласного советника и референта последнего российского императора на протяжении 20 лет. Время от времени Николай давал Клопову аудиенции, кроме того, Клопов написал царю с 1899 по 1917 год более 150 писем. Хорошо знавший Россию от самых низов до вершин власти, Клопов довольно объективно оценивал события, происходившие в стране, а прогнозы его чаще всего оказывались пророческими. Все эти письма опубликованы в книге «Тайный советник императора» (СПб.: «Петербург – XXI век», 2002). И если бы царь более прислушивался к своему тайному советнику и менее – к своему осторожному, подобострастному и лицемерному окружению, не было бы ни событий 9 января, ни отречения в 1917 году, и жили бы мы сегодня в другой России, преемнице того государства, которое в начале XX века по темпам своего развития опережало все европейские страны. В чем, кстати, была и немалая заслуга государя. Увы, провалы в сфере политики, и внешней, и внутренней, привели в итоге к падению императора и разгрому империи. Не повезло России с последним царем. Это на склоне лет признал даже Василий Шульгин, монархист и по долгу, и по убеждениям. В 1965 году на экраны страны (буквально на несколько дней) вышел фильм Фридриха Эрмлера «Перед судом истории». «Подсудимым» был Шульгин, но держался старик с таким достоинством, что оказался почти что обвинителем. В том числе и монарха, сказав так: Николай II был рожден на ступенях власти, но он не был рожден для власти.

Несколько выдержек из писем Анатолия Клопова царю в дни, предшествующие расстрелу рабочих 9 января. В послании от 28 декабря 1904 года речь идет об указе Николая II от 12 декабря «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка».

«...Каждый прочитавший несимпатичное правительственное сообщение по поводу Указа 12 дек. пережил тяжелое чувство неудовлетворенности. Мы сразу инстинктивно почувствовали, что наши книжники и фарисеи употребили все для того, чтобы Ваш искренний порыв – совершенно законный и логический – призвать к делу нашего устройства наряду с чиновниками и вольных, местных людей, незараженных чиновничьим ядом – был ослаблен до минимума, и они этого добились».

Уже носят злоешие слухи, что чиновники поведут и это живое дело келейно, что они намереваются направить и его на обыкновенный шаблонный путь, т. е. в канцелярию».

И далее:

«Было бы величайшей ложью утверждать, что в нашем обществе и среди самого народа обстоит все благополучно и у нас совсем отсутствует беспокойный элемент. Нет, он существует и растет, но он вовсе не страшен, и мы с ним рано или поздно сами справимся гораздо лучше всяких жандармов. Но можем это сделать только тогда, когда будем признаны за взрослых, полноправных граждан, когда в укладе нашей жизни совсем исчезнет принцип: “руки по швам”, когда вместо него будет твердо стоять принцип законности, гарантия свободы личности, совести и слова. При этих условиях часть обязанности по охранению государственного и общественного порядка ляжет сама собой на нас самих, на общество. Теперь же, когда чуть не всех нас поголовно считают бунтовщиками, мы являемся только пассивными наблюдателями во время разных политических волнений; у нас связаны руки, мы бессильны».

Письмо от 8 января 1905 года – уже крик души. Прозвучавший, но не услышанный.

Ключевой абзац:

«Как только начались стачки рабочих, невольно явился вопрос – что делать в данную минуту? (Стачки начались 3 января, с забастовки на Путиловском заводе. – Г.И.) Выход, по моему мнению, представляется двоякий: или прибегнуть к репрессиям, или отнестись к этому явлению спокойно, с добрым чувством, употребив энергично все средства к удовлетворению законных требований рабочих. Справедливость и логика требуют конечно предпочесть второй способ, так как одна строгость может вызвать еще большие беспорядки. Вы знаете, Государь, всюду носится слух, что завтра народ собирается идти с крестным ходом к Зимнему Дворцу для подачи Вам челобитной. Один такой слух невольно вызывает чувство глубокой симпатии к такому народу, который и в минуты раздражения проявляет простодушие и мудрость. Вот почему Ваше сердечное отношение к нуждам рабочих и строгий твердый приказ администрации – разобрать безотлагательно все претензии рабочих, при обязательном участии выборных от них депутатов, должны произвести самое

благотворное действие на волнения рабочих и в то же время успокоительно повлиять на общее настроение общества».

memoria

Даже императорская фамилия Романовых, в сущности, – немецкая. Пламенный русский партиот Александр III (отец Николая II. – Г.И.), женатый на датской принцессе, был сыном принцессы гессенской, внуком сестры прусского короля, правнуком вюртембергской принцессы, а прабабушка его была Екатерина II, урожденная ангальт-цербстская. При таких предках он, как уверяют, был доволен хотя бы тем, что фактическим отцом его прадеда, Павла I, был не гоштинский принц Карл Петр Ульрих (император Петр III), а Сергей Васильевич Салтыков.

Юрий Пирютко «Петербургский лексикон». Центрполиграф, 2010

memoria

Государь не услышал слов русского патриота, царь-инородец более прислушивался к своему семейному окружению, и остался в Царском. На следующий день прозвучали первые залпы первой русской революции...

После Кровавого воскресенья Николай II не появлялся на публике 8 лет – до торжеств в честь 300-летия дома Романовых в 1913 году.

Возвращаюсь к воспоминаниям бабушки.

«В начале сентября 1918 г. Невьянск был взят белыми войсками, там было много чехов. Отец мой партией был направлен в тыл, а братья сражались в рядах Красной Армии. Старший брат погиб в Гражданскую под Селезнями, рядом с нашим селом, а второй брат провоевал 5 лет и демобилизовался в 1922 г. В 33-м году был убит кулаками на станции Рудянка (имеется в виду Нейво-Рудянка, ныне – поселок городского типа, расположенный на реке Нейва в 80 км от Екатеринбурга и в 20-ти от Невьянска по железной дороге. Основан в 1810 году во время строительства металлургического завода. В поселке имеется железнодорожная станция, расположенная на магистрали Екатеринбург – Серов. – Г.И.).

Так вот, благодаря тому, что наша семья оказалась красной, как тогда говорили, мы попали под репрессию, т. е. все имущество у нас было забрано комендатурой и был поставлен вопрос: если в течение 3-х дней не явится отец, то мы с матерью будем арестованы. С помощью товарищей отца, которые были оставлены для подпольной работы в Невьянске, нам удалось выехать на родину, в село Тютняры, там мы узнали, что отец работает в Карабаше на руднике. Карабаш был тоже под белыми. Через некоторое время мы связались с отцом и он забрал нас к себе.

Приехав в Карабаш, я поняла, что отец напрасно время не проводит. У них был уже организован партизанский отряд, который вел по возможности свою работу. Была группа таких партизан, которые жили в лесу, а отец мой работал машинистом

электростанции. Управляющим рудника в то время был Антонов, довольно странный человек: он работал у белых и в то же время помогал партизанам. Вот пример. Допустим, 10-го числа должен приехать карательный отряд. Он вызывает моего отца и говорит: «Гурьяныч, забирай своих ребят и отправляйся дней на 5–6 в лес, придут каратели». И они уходили в подполье, зная, что им надо делать.

Я, как приехала, тоже познакомилась с мальчиками и девочками моего возраста, узнала их взгляды, и у нас организовалась группа, которая нередко старшими использовалась. Например, нужно было в лес передать какие-либо указания, мы были связными. Отец мой был еще председателем кассы взаимопомощи семьям красноармейцев погибших. Работы у него было много. И профсоюзная организация тогда существовала. Там работал председателем Петр Иванович Серов (у него одна нога была, а вторая деревянная).

Если у вас, ребята, у кого-нибудь есть дед или бабушка, спросите у них об этих людях.

Вместе с Серовым работали Ермил Григорьевич (фамилию не помню) и мой отец Герасим Гурьянович Фирсов. В Завкоме была пишущая машинка, и отец решил меня использовать как машинистку. Недели 2 сидела и днями и вечерами, колотила по клавишам, а потом приспособилась, и тут уже все воззвания и какая бы не требовалась переписка, она ложилась на меня. Завком помещался в здании, где за стенкой была милиция, это соседство было крайне неудобно, так как был смежный ход. Правда, я всегда, когда выполняла какую-нибудь работу, закрывала дверь на задвижку, но были и такие случаи, когда совершенно неожиданно начинают барабанить в дверь. В столе в ящиках у меня было двойное дно. Я моментально из машинки вынимала работу, убирала в ящик, а наготове у меня всегда было что-нибудь вроде любовного письма или песни, как будто потому и не открывала, что не хотела, чтобы видели, что я занимаюсь пустяками.

Зарплаты мне никто не платил, т. к. у Завкома не было средств, и к моей работе не придирались. Иногда начальник милиции сам приносил мне кое-что напечатать секретное, надеясь на мою честность и скромность, а мне это было на руку, и я лишний экземпляр печатала и передавала отцу для сведения, а иногда присваивала черновик, говоря, что уничтожила.

Так прошел 18-й год и начался 19-й, а в июле пришли наши войска. Дня за 2 до прихода войск отец исчез, не предупредив нас ни о чем. Мы с матерью целыми ночами ожидали бог знает чего, и вот накануне прихода войск отец присылает человека, который нам разъяснил, что идут бои по эту сторону Перми, а наутро нам сообщили, что нужно организовать встречу бойцам,

и в 10 часов утра масса народа направилась на встречу. У кого что было покушать, захватили с собой. Как сейчас помню, день был прекрасный, солнечный, запах трав и цветов кружил голову. (Много лет я прожила, много видела природы, но нигде так хорошо и одурманивающе не пахнут цветы и травы, как на Урале.)

И вот, пройдя километров 10, мы встретили бойцов, среди которых наших карабашцев не было, но все равно казалось, что это пришли наши близкие родные. То был праздник, какого я в жизни больше не переживала. Может быть, этому способствовала молодость.

Но первый праздник нам был омрачен на другой же день. В начале, как только белые заняли Карабаш (то есть, год назад, 11 июня 1918 г. – Г.И.), там осталось много молодежи, некоторые дезертировали из армии, некоторые по ранению, и вот комендатура объявила, что все, кто явятся и добровольно зарегистрируются, останутся не тронутыми (тогда еще партизанского отряда не существовало, подсказать, что это может оказаться ловушкой, было некому). И вот 96 человек встали на учет. Первое время их не тронули, а спустя месяца полтора приехал карательный отряд и они ночью, с постели, кто одет, но не успел обуться или в одном сапоге, были забраны с саблями наголо и угнаны неизвестно куда, и целый год никто не знал, куда их угнали, разыскивали, но все оказалось бесполезно. Потом организовали кассу взаимопомощи, которую вел мой отец, по силе возможности помогая их семьям. А когда пришли наши, отец был назначен ревкомом, и в эту же ночь пришел старичок с кордона и рассказал, что где-то недалеко от Коробковского рудника была шахта глубиной 90 метров, и вот каратели загнали всех 96 человек. Как старичок сторож рассказывал, трое суток был слышен плач и стоны, но ему крепко было наказано молчать, и он молчал.

Наутро отец с товарищами поехали туда. Уточнили все, и была организована выемка всех убитых и похороны. Многие родственники узнавали своих. Молодежи было много работы: помогали делать гробы, копать братскую могилу, а многие участвовали и в выемке тел из шахты. Похороны были торжественны, но и очень печальны, был дан салют. Мы стреляли из винтовок, которые нам дала военная часть, оставшаяся для наведения порядка, познакомив нас предварительно с тем, как обращаться с винтовкой. Похоронили на Соймановском руднике. Вы, наверное, ходите на эту могилу, она была сделана нашими руками».

Тут прерываю воспоминания бабушки, которой довелось стать очевидцем и в какой-то степени участником ужасных событий в Невьянске, а затем – заключительных дней карабашской трагедии – двумя эпизодами Гражданской войны, сравнимыми своими масштабами и жестокостью разве что

Первоначальный памятник 96 павшим Карабашским рабочим, 1926 г.
(из фонда архивного отдела администрации г. Карабаша)

Фотография из книги «Карабаш. Годы и судьбы»

со зверствами адмирала Колчака. Участники похорон 96-ти еще не знали тогда жутких подробностей той резни, которую устроили белогвардейцы в июне 1918 года. В наши дни, когда историю поставили с ног на голову, когда историки порой взмахом превозносят благородство и беззаветную преданность Родине белогвардейцев, когда в кумиры возводятся такие самодовольные маньяки и убийцы, как Колчак, куда-то на задний план отошли беззаветность и мужество бойцов Красной Армии. И доблести, и жестокости было немало с обеих сторон: время все расставит по местам. Чем объективнее мы будем, тем скорее восстановим историю XX века такой, какой она была. С трагедией 96-ти, устроенной белыми казаками в 1918-м в Карабаше, и с «черными досками» – мором, устроенном большевиками в начале 30-х годов на Кубани для усмирения потомков тех казаков, что воевали одиннадцать-двенадцать лет назад, причем, не только на стороне белых. О Кубани речь впереди.

А пока – хроника тех чудовищных по своей жестокости событий, свидетелем финала которых стала моя 19-летняя в 1919-м году бабушка.

Из исторического очерка о городе Карабаш

...Наступил страшный период разгула белогвардейской контрреволюции. Белогвардейцы развернули массовый террор. Они жестоко мстили трудящимся Кыштымского горного округа за попытку утвердить новый общественный строй.

В Карабаше власть белогвардейцев утвердилась 11 июня 1918 года. Вечером этого дня в город ворвалась сотня поручика Глинского и начала расправу. Немедленно создается Комитет безопасности под руководством механика Рихтера. Комитет издал приказ об аресте всех активных сторонников советской власти. В течение нескольких дней было арестовано около 170 человек.

Слухи о невыносимых условиях, в которых находились арестованные, скоро разнеслись по городу и рудникам. 15 июня на площади перед домом, где находились заключенные, собралось 2000 рабочих. Они потребовали немедленно

освободить арестованных. В связи с тем, что белые имели в Карабаше еще много сил, арестованных освободили под подписку о невыезде.

Но вскоре начались новые аресты. У ряда рабочих обнаружены спрятанные винтовки. Арестовали братьев Ивана и Афанасия Логутенко – активных участников революционных событий в Карабаше. Афанасий являлся организатором первой комсомольской группы на заводе. Братья Логутенко воевали с белочехами, а затем вернулись на завод для работы в подполье.

Военно-полевой суд приговорил братьев Логутенко и ряд других рабочих, также хранивших оружие, к смертной казни. Их вывезли из города.

В двадцатых числах июня в Карабаш прибыл крупный карательный отряд белых. Начались массовые аресты. Аресту подверглись 96 человек. Среди них заместитель председателя Карабашского Совета В.М. Тетерин, члены Совета Н.С. Сырейщиков, В.Н. Глазков, С.А. Казанцев, активисты А. Ичев, братья Петр и Александр Гужавины, А. Брялин, И. Тараканов, С. Ерошкин, Ф. Мишин, красногвардейцы Н. Волков, Г. Шипулин, И. Зотов, и другие.

Всех арестованных заключили в здание Совета Соймановского поселка. Здесь они просидели несколько дней. Почти круглые сутки велись допросы, зверские пытки. Вскоре каратели объявили, что арестованные будут отправлены в Челябинск, через Миасс по железной дороге. Для их сопровождения был вызван многочисленный конвой из белоказачков. Арестованных поодиночке выводили и строили в колонну. Белоказачки окружили колонну тесным кольцом, обнажили сабли, оцетинились штыками и повели арестованных на станцию.

С большим трудом арестованные добрались до реки Миасс. Казаки не повели их по мосту, а погнали вброд, не позволяя выбираться из воды. Затем белоказачки придумали новое издевательство – приказали ускорить шаг и перейти на бег. Отказавшихся бить избили. Один старик, видевший это, впоследствии рассказывал: «Многие арестованные бежали, подгоняемые плетками, некоторые не могли идти. Казаки привязывали их поводками к седлам и волочили по земле».

В таких условиях арестованные прошли 35 километров и глубокой ночью остановились недалеко от села Тургой. Здесь находился законсервированный рудник с несколькими заброшенными бараками. В них арестованные провели две ночи.

Перепившиеся казаки врывались в бараки и зверски избивали арестованных. Пьяная оргия карателей закончилась тем, что они стали уводить рабочих группами в соседний лес, возле которого находились две заброшенные шахты. Казаки подводили к краю шахты по 2–3 человека и рубили их саблями. Некоторые, обреченные на смерть, сами бросались в шахту. Первым бросился Василий Тетерин. За ним, обнявшись, вместе прыгнули в шахту братья Щербаковы.

Исключительную силу воли проявила Марина Яковлевна Логутенко. Когда каратели зарубили у нее на глазах 17-летнего Ивана Тараканова, Марина Яковлевна схватила камень и с проклятьями бросилась на убийцу. Один из казаков подскочил к ней на лошади и с силой ударил саблей по голове. Женщина мертвой рухнула на землю.

Заполнив телами убитых одну шахту, каратели рубили арестованных у другой. После этого они долго забрасывали шахты камнями, чтобы случайно не оставить в живых кого-либо. Но среди зарубленных и замученных на смерть

были заживо погребенные, и стоны из шахт, как рассказывал сторож барачков, слышались в течение нескольких дней.

После освобождения Карабаша в 1919 году останки 96 красногвардейцев, извлеченные из шахт, были захоронены в Соймановском поселке. В 1926 году на братской могиле сооружен 3-х метровый памятник, реконструированный в 1960-е годы. На высоком пьедестале – бронзовая фигура рабочего, который сжимает в правой руке винтовку, а левой опирается на молот. На месте, где трагически оборвалась жизнь карабашцев, стоит гранитный обелиск, на котором высечены слова: «Памяти 96 борцам революции, рабочим-красногвардейцам Карабашского завода, зверски замученным на этом месте колчаковцами-белобандитами в 1918 году»...

12 июля в Карабаш вступил первый пехотный батальон и пулеметная команда 308 полка 35-й дивизии 5-й армии Восточного фронта Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

В ряды Красной Армии вступили более 1200 партизан, рабочих Карабаша, Кыштыма и крестьян окрестных деревень.

16 июля 35-я дивизия начала наступление на Кыштым. После упорных боев 19 июля город был освобожден. В этот же день освободили и село Губернское.

Партизаны и добровольцы Карабаша принимали активное участие в боях под Челябинском. 27 июля под Аргаяшом 35-я дивизия разгромила Ижевскую бригаду колчаковцев, взяв в плен более 500 солдат и офицеров.

Таким образом, в годы гражданской войны карабашцы оказали серьезное содействие белогвардейцам, потеряв при этом многие сотни своих товарищей.

Из книги «Карабаш. Годы и судьбы». Челябинск: ЧПО «Книга», 2002

Читаем рассказ бабушки дальше:

«После похорон начальник политотдела провел общее собрание с молодежью, разъяснил устав и программу Российского коммунистического союза молодежи (созданного 29 октября 1918 года – Г.И.), и сразу же многие записались. Выбрали секретарем Васю Гужавина (фамилии других ребят как-то забылись сейчас) и началась организационная подготовка. Нам дали помещение, а больше ничего. Даже трудно было достать бумагу, тащили все из дому. Первое время было очень трудно, но постепенно мы начали оперяться: достали бумагу, картон, фанеру на плакаты и на стенды, а потом нам дали красной материи на знамена. К празднику Октября нам нужно было все приготовить. Труд был распределен: девочки шили и вышивали знамена, флаги, а мальчики писали, рисовали, все делалось вечерами. Помимо этого, проводились собрания, беседы – по изучению устава и программы РКСМ.

А еще мы никогда не забывали, что нужны нам и средства, и агитация. Проводились концерты, спектакли, вечера молодежи, а перед этим проходили репетиции. Заправилами по концертам были Лида Мокроусова (или Монрова, точно не помню сейчас), Тоня Шуколюкова и другие, а по драмкружку – я, Петя Трифонов, Шура Шуколюков и много других (фамилии позабывала).

Гужавин Василий Андреевич

Родился в июне 1902 г., село Андреевка
Троицкого уезда Оренбургской губернии в се-
мье штейгера золотого прииска.

1918–1919 – масленщик компрессора Ива-
новского рудника Карабашского завода.

1919–1920 – дежурный электрощита и мон-
тер телефонов Карабашского медеплавильно-
го завода.

1920–1922 – служба в РККА.

1922–1923 – горный десятник Гумбейского
прииска Челябинской губернии.

1923–1925 – мастер телефонов на Кара-
башском заводе.

1925–1929 – электрик на Карабашском заводе.

1929–1931 – мастер-электрик Карабашского медеплавильного за-
вода.

1931–1933 – начальник электроцеха Карабашского медеплавильного
завода.

1933–1938 – заместитель главного механика Карабашского рудопро-
водства.

1938–1941 – главный механик Карабашского рудопроизводства.

1941–1943 – второй секретарь Уфалейского РК ВКП(б).

1943–1946 – парторг ЦК ВКП(б) на Уфалейском никелевом заводе.

1946 – второй секретарь Карабашского горкома ВКП(б).

1946–1951 – первый секретарь Карабашского горкома ВКП(б).

1949–1950 – учился на годичных курсах при Высшей партийной
школе.

1951–1953 – заведующий планово-финансово-торговым отделом
Челябинского обкома КПСС.

1953–1958 – заведующий отделом административных и торгово-фи-
нансовых органов Челябинского горкома КПСС.

Страница из книги «Карабаш. Годы и судьбы»

Работы было много. Так прошел 19-й год и начало 20-го года, но 20-й год нам принес много невзгод, люди были голодные, начался сыпной тиф, каждый день кого-нибудь увозили в тифозные бараки. В феврале и я заболела, и только в апреле месяце я стала учиться ходить (т. к. после тифа у многих отнимались ноги и человек был беспомощен, как малый ребенок). А в начале мая меня, еще не оправившуюся, райком партии направил в Екатеринбург на курсы Внешкольного образования, по библиотечной работе, и Лушу Никитину по Ликбезу. В конце августа, окончив курсы, мы вернулись в Карабаш, но здесь мы встретились с новыми несчастьями: тиф вроде поутих, но бандиты мстили мирному населению, ежедневно за 15–20 верст поджигали лес, и Карабаш задыхался в дыму. Молодежь не успевала тушить пожары, а лето было засушливое, не успеют потушить в одном месте, как загорается совершенно в противоположной стороне. Ребята так устали, почернели, что на них было страшно смотреть, да ведь еще голод. Паек на работающего – восьмушка хлеба, в переводе на современный

вес – 50 граммов. (Восьмушкой и осьмушкой называли одну восьмую часть русского фунта, который равен 0,4095 кг. При делении на 8 – 0,051, или 51 грамм. – Г.И.)

С первого дня мы с Лушей тоже включились в тушение пожаров. Это зрелище не хуже войны, кругом шум, треск от падающих деревьев. Лес тушили не водой, а окапывали вокруг. Бывали и такие случаи: вот окапываем как будто и близко друг от друга, а кто-нибудь прозевал и огонь тонкой струйкой пробежал в тыл, а там под дуновением ветерка запылало пламя и вся наша работа пропала, опять начинай сначала. Это было очень трудное время, только в сентябре, как начались дожди, пожары постепенно начали затихать, а мы возвращаться к своим обязанностям.

В конце сентября я приняла библиотеку. Это была не библиотека, свалка книг, 7000 экз. в одной куче. Много пришлось затратить сил, пока я укомплектовала, заинвентаризировала и составила каталоги. Зима 20–21 г. была холодная, на библиотеку, да и на клуб, дров не давали, в воскресенье приходили учителя и комсомольцы, помогали заготовить сколько-нибудь дров, и до следующего воскресенья опять мерзли. При клубе так же был организован Ликбез, проводилась читка газет, журналов. И вот, несмотря на то, что мы мерзли, голодали в те годы, а работа кипела, мы не падали духом, наоборот, было весело, никто не хныкал. Учеба, собрания, беседы, выпуск стенгазет, оформление стендов – все шло строго по плану. Секретарь наш Вася Гужавин был требовательный и мы все подчинялись ему.

Весной 1921 года в детдоме, который находился тогда в доме бывшего управляющего Лихтера (ваши дедушки и бабушки знают, где этот дом), появилась чесотка, болезнь, которая действует изнуряюще (теперь она редко бывает) на организм. И вот райком партии и райком комсомола направили меня туда, дав задание ликвидировать чесотку. Конечно, под руководством врачей. Да, дети, эта работа была тоже не из легких. Постельного белья, да и матрацев, было очень мало, а что было – то все загрязненное. Нательного белья тоже не было. И вот горисполком снабдил меня пропуском (тогда без пропуска дальше Кыштыма ездить было нельзя) и мандатом, и направил в Екатеринбургский Облнаробраз, и я поехала. Где просила, порой плакала от бессилия, доказывая необходимость в получении какой-нибудь ткани, и наконец нам дали почти вагон горелого лоскута. Вам не понятно, а может быть, странным покажется. Да, это было так. Во время войны с Колчаком часто горели эшелоны с продовольствием и с промтоварами. В то время еще фабрики и заводы не работали, а на станциях порой были свалки погоревших вагонов, вот их разбирали и что можно было использовать, шло в воинские части и в детдома.

Тряпки были размером иногда по метру, а порой и того меньше. Для того, чтобы сшить платице, нужно было 3–4 лоскута, мальчикам старались подобрать что-нибудь одноцветное, а девочкам комбинировали из трех-четырех сортов, шили простыни, наволочки, одеяла, настилая их вместо ваты куделёй. Я работала старшей воспитательницей, а заведующей была тетя Маша (фамилии не помню). И вот, днем шили, а вечером – постели были у нас на сеновале, было привезено сено и застлано вновь нашитыми простынями – дети спали все там вповалку. Две нянечки и я мазали всех дегтярной мазью, три дня мазали, потом мыли щелоком (мыла у нас не было, щелок делали из березовой золы), белье все кипятили, и снова та же процедура. К сентябрю 1921 г. с чесоткой было покончено.

В Карабаше к этому времени я осталась совершенно одна. Отец был сначала направлен начальником продотряда, а потом прикомандирован к Губпродкому в Екатеринбург. Семья выехала к нему, ну, и я переехала к ним. В период, когда я работала в детдоме, с комсомольской работой у меня временно был простой, т. к. эта дегтярная мазь имела отвратительный запах и никакое мытье не помогало, мне просто неудобно было находиться среди молодежи.

В детдоме в старшей группе у нас были два мальчика: Ваня Никитин и Степа (фамилии не помню), чудные мальчики, они мне много помогали.

В Карабаше сейчас проживает Александр Васильевич Подъячев. Был ли он комсомольцем, не помню, но с их семьей я одно время была крепко связана, его сестры были мои подруги, но они умерли в те годы. А его жена Тоня (бывшая Шуколюкова), вот она вам тоже может кое-что рассказать.

memoria

Буду вечно молодым

Работа по созданию комсомольской организации в Карабаше началась на металлургическом заводе. В 1918 году военком А.П. Савельев провел первое собрание молодежи. Партийцы разъяснили молодежи стоящие перед ней задачи. Но записи в комсомол еще не проводилось. И только 21 сентября 1919 года в рабочем клубе (позднее в Доме культуры «Металлург») прошло собрание, на котором председателем волостного совета С. Клепацким был поставлен вопрос о создании в городе комсомольской организации. Проводившее собрание не обещали легких путей, а объясняли, что ожидает комсомольцев в борьбе за становление Советской власти. Не испугавшись трудностей, в новую организацию записались одиннадцать человек, в их числе были И. Кружков, А. Подъячев, В. Гужавин, И. Шерстнев, С. Малоземов, П. Малов, Л. Мокров. Тут же провели первое собрание, на котором был избран комитет комсомольской организации из трех человек и председателя – А. Подъячева. Секретарем комитета стал В. Гужавин.

История карабашского комсомола неразрывно связана с историей города. Молодые люди трудились, ставили пьесы на сцене Дома культуры, выезжали с лекциями в окрестные села.

В октябре 1919 года представители городской организации участвовали в окружном и губернском съездах. В 1920 году группа комсомольцев-добровольцев отправилась на трудовой фронт, затем еще одна группа ушла на польский фронт. Оставшиеся 9 человек по заданию компартии вели политзанятия среди молодежи, в доме бывшего управителя медеплавильного завода Колесникова по улице Освобождения Урала организовали комсомольский клуб...

О. Феклистова,
газета «Карабашский рабочий», 29 октября 2013 года

memoria

Дети, может быть, вас не совсем удовлетворил мой рассказ, но он правдив. Это не сказка, а быль того времени, к тому же тяжелого. Сейчас к нам в Ленинград часто приезжают школьники по туристским путевкам, может, кто из вас тоже приедет посмотреть Ленинград.

Если вас что-нибудь заинтересует, можете написать мне, только все, что я вспомнила, я написала.

До свидания,

Желаю успехов в труде и учебе,

Бабушка Ксения.

Посылаю свои фотографии. Дети, извините, что почерк у меня несуразный, руки не хотят уже ровно писать».

Эти воспоминания о событиях полувековой давности были отправлены в Карабаш, после чего переписка бабушки со школьниками еще года два продолжалась. Ребята рассказывали о жизни школы, о своих пионерских и комсомольских делах, и прислали даже альбом с «отчетом о проделанной работе».

Потом, видимо, у следующего поколения школьников нашлись другие увлечения, и переписка оборвалась. Да и у бабушки появились новые интересы на Урале, теперь в Красноуфимске, где жила ее старшая сестра Оня, ушедшая еще в молодости к старообрядцам, – матушка Александра. Матушке будет посвящена отдельная глава, и не будем пока забегать вперед.

О дальнейшей же судьбе бабушкиной Невьянско-Карабашской рукописи ничего не известно. То ли похоронена она в школьном архиве, то ли утеряна за ненадобностью теми, кто пришел на смену бабушкиным корреспондентам, то ли по другой причине, но материалом ни для историков, ни для краеведов, ни для авторов книг «Невьянск» и «Карабаш. Годы и судьбы» она не стала. Вообще, источники, рассказывающие о первых комсомольцах в этих местах, можно пересчитать по пальцам. Все они, в сущности, уже упомянуты

Мы, комсомолцы, расскажем вам, первая комсомолка нашего
 города, о нашей работе. Прошлый учебный год у нас прошел
 под девизом: „60-летию СССР-достойного будущего“. Больше помо-
 гала комсомолцев учителя на 4 и 5, отчитываясь им. Встретились
 праздник наш выстроились сценарии сценарии, в подгото-
 вке к которому участвовали все классы школы. Сценарии школы
 участвовали в городских и школьных конкурсах, посвященных
 этой дате. В школе художественной самодельностью моя группа
 первое и второе место, а в конкурсе творческих работ моя группа
 первое место. Ежегодно проводится военно-спортивная игра „Зарни-
 ца“ и каждый раз моя группа побеждает. Активно участву-
 ют принимая участие в трудовых делах по сбору металлолома и
 макулатуры. А также моя группа охраняет памятник нашим пе-
 трам - работникам подпольного труда. В 5 трудовых чело-
 век считаем учащихся нашей школы были сформированы
 и сформированы кабинетов школы в конкурсах учебных кабинетов

Первая страница альбома и фотография членов совета Ленинской комнаты средней школы № 1
 города Карабаш, 1972 год

выше. Может быть, будучи прочитаны, наконец, в этой книге, воспоминания
 К.Г. Ефремовой, в те годы Фирсовой, вызовут интерес уральских летописцев.

Пока же в нашем повествовании наступает 1922 год. Двадцать второй год
 бабушкиной жизни. Год прощания с юностью.

Глава пятая. Казацкая итальянка

Всё в жизни, все наши деяния и передвижения, так или иначе, связаны с игрой случая. Бабушка объездила половину Урала, сделала крутой зигзаг, переехав в Армению, вернулась в родные края, и вдруг – оказалась на Кубани. Волны перемещений огромных людских масс регулярно прокатывались по просторам Советского Союза, трудно было предвидеть, откуда и куда покатится очередной вал. Комсомольские и прочие ударные стройки, депортации целых народов, этапы заключенных и, конечно же, голод... Именно из-за голода в начале 30-х годов опустели территории многих районов, областей и краев страны, и Кубань в их числе. Обезлюдившие станицы края, одной из главных житниц страны, требовали наполнения новой рабочей силой, новыми жителями, далекими от казачьей жизни и казачьих традиций, а главное – более лояльными, чем упрямые и несговорчивые казаки, потомки вольного украинского казачества, переселенного сюда еще в XVIII веке (большевики не всегда изобретали велосипед: иногда помогал опыт предшественников). Подхваченные волной кубанского направления советские граждане, прибывавшие в 1934 году в опустошенные станицы, как правило, ничего не знали ни о «черных досках», ни о других преступлениях сталинской власти на просторах края.

В бабушкиных рассказах, естественно, ни разу не упоминается слово «голодомор», вошедшее в употребление, как уже было сказано, гораздо позже – в 90-е годы. Ее поколению были даны другие термины: «саботаж», «кулацкий саботаж», «контрреволюционный саботаж», а еще – «итальянка», то есть саботаж тихий, без объявления об отказе от работы. В «переводе с итальянского на русский» – волынка, что конкретно значит: «Умышленно затягивать работу, проявлять медлительность, нарушая этим существующий распорядок». И это, в определенном смысле, было верно: явно завышенные планы хлебозаготовок после проведения коллективизации казаки ни на Кубани, и на Дону выполнять не торопились.

Еще одна цитата из монографии Виктора Кондрашина:

«Казаки и крестьяне меньше всего думали о судьбе урожая на колхозных полях. И если они на что-то рассчитывали, так это на сокращение планов обязательной поставки государству производимой ими продукции. Они надеялись, что это позволит им улучшить свое материальное положение. Например,

М.А. Шолохов сообщал, что колхозники Вешенского района пребывали в ожидании получения пониженного плана хлебосдачи, обещанного партией.

Но эти надежды не оправдались. Поэтому летом 1932 г. с начала уборочной кампании в колхозах получили повсеместное распространение небывалое ранее воровство колхозного зерна с полей, массовый уход из деревень трудоспособного населения на заработки. Продолжались самороспуски колхозов, сопровождавшиеся, как говорилось в сводках ОГПУ, “разбором скота, имущества и с/х инвентаря”, “самочинным захватом и разделом в единоличное пользование земли и посевов”. Колхозники и единоличники отказывались работать в поле без обеспеченности общественным питанием. В ряде мест вспыхивали массовые волнения, которые власти подавляли вооруженной силой.

В 1930 и особенно в 1931 г. непосильными хлебозаготовками и перегибами в коллективизации была подорвана вера многих крестьян в колхозное производство. Большинство из них увидели бесполезность добросовестной работы в колхозах».

memoria_____

И.В. Сталин — М.А. Шолохову

6 мая 1933 г.

Дорогой тов. Шолохов!

Оба Ваши письма получены, как Вам известно. Помощь, какую требовали, оказана уже. Для разбора дела прибудет к вам, в Вешенский район, т. Шкирятов, которому – очень прошу Вас – оказать помощь.

Это так. Но это не все, т. Шолохов. Дело в том, что Ваши письма производят несколько однобокое впечатление. Об этом я хочу написать Вам несколько слов.

Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите неплохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма – не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили «итальянку» (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную армию – без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), – этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели «тихую» войну с советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов...

Конечно, это обстоятельство ни в какой мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками. И виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание. Но все же ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло бы показаться издалека.

Ну, всего хорошего и жму Вашу руку.

6.V.33 г Ваш **И. Сталин**

_____memoria

Приведу небольшую выдержку из рассказа бабушки, что, в свою очередь, потребует профессионального исторического комментария, поскольку о созданном искусственно голоде на Кубани в 33-м году и последовавшем за ним демографическом взрыве до сих пор не принято говорить на всю страну. Если же эта тема возникает, то опять (возвращаемся в советские времена?) сводится нашими официальными рупорами к рассуждениям о голоде в связи с неурожаем. Беда, видимо, еще и в том, что развернутая нынешним украинским руководством (Порошенко и К°) кампания по «пропаганде» голодомора 1933 года, организованного «исключительно» на Украине (видимо, Кубань и Дон, Поволжье, Южный Урал, Казахстан и... эти «пропагандисты» тоже считают украинскими), вынуждает российскую сторону с фактами убеждать общественность в обратном. И, как это у нас водится еще со времен коллективизации, перегибать палку, говоря только лишь о неурожае. Что, мол, не было от партийных органов никаких таких указаний морить народ. Как всегда, особо усердствуют новостные передачи телеканала «Россия», одну из которых, «Прямой эфир», одна моя знакомая остроумно переименовала в «Кривой эфир». Буквально вчера вечером (30.11.2015) тема голодомора обсуждалась в новостях на канале «Россия 24». Ведущий представил трех экспертов, двое из которых говорили то, что было нужно, то есть про неурожай. Третьему эксперту дважды давали слово, и дважды его отключали. В первый раз, когда он заговорил о черных досках на Кубани, второй – когда сказал, что голодомор – там, где он был (на Кубани, на Украине ли), сократил население на 20–30 процентов...

memoria_____

№ 150

Из **Постановления ЦК ВКП(б) «Об организации хлебозаготовок в кампанию 1932 г.»**

7 июля 1932 г.

Секретно.

Не для печати.

ЦК нацкомпартий, крайкомам, обкомам и райкомам ВКП(б):

Партийные организации должны срочно развернуть всю организационную работу по проведению хлебозаготовительной кампании и укрепить заготовительный аппарат (областные и районные конторы Заготзерна, элеваторы, ссыпные пункты) опытными в деле хлебозаготовок работниками; создать **комиссии содействия хлебозаготовкам при сельсоветах** и выделить во всех колхозах членов правления, а в МТС – помощников директоров, на которых возложить ответственность за организацию сдачи хлеба по установленному плану.

_____memoria

«В 1934 году демобилизовался мой брат Николай и его вместе с другими демобилизованными направили на Кубань, где был кулацкий саботаж (кулачье хлеб не сдавали государству, гноили). За ним поехала вся семья, чтоб побольше своих на

новом месте. Топки не было, соломой топили. Дали большой дом, была большая печь – стояла в столовой. Она мешала, решили убрать, а под печью открылся ход, под ним – тонны зерна. Хозяин бывший: умерла вся семья, сам съел свои сапоги, и умер. Зерно было, а есть не могли: каждый день приходили проверять комсода (представители комиссии содействия хлебозаготовкам).

Мы приехали, когда уже саботаж кончился. Потом, при немцах, всех, кто участвовал в комсодах, отправили на тот свет.

Там, в Старошербиновской, я прожила до 1943 года. Работала машинисткой в МТС, в сельсовете, заведующей загсом, в районном отделе НКВД – делопроизводителем, где в партию вступила. Там же пережила оккупацию после неудачной эвакуации».

Кулацкий саботаж и ныне – более удобная формулировка, чем голодомор. Поэтому, наверное, и серьезные научные исследования на эту тему не сильно поощряются. Но, спасибо «свободе слова», и не запрещаются. Кто ищет истину, тот пишет. Например, В. Кондрашин, чья монография цитировалась выше. Есть и другие авторы, по которым можно сверить исторические часы.

Вот, например, ряд положений из диссертации «Демографические изменения на Кубани под влиянием модернизационных процессов». Автор – кандидат исторических наук Евгений Викторович Тер.

«...Советская индустриализация и коллективизация... стали толчком к репрессиям по отношению к казачеству. На Кубани это привело к искусственному голоду 1932–1933 гг., изменению этнической составляющей населения украиноязычных станиц. Подобное отношение со стороны советской власти к казачеству было вызвано недавней памятью о событиях Гражданской войны, когда казаки, в основной массе, воевали на стороне “белого движения”. Казачий социум отличался корпоративностью, что вызывало беспокойство нарождающейся новой системы. Репрессии и голод 1932–1933 гг. разрушили остатки корпоративности казачества, подавили сопротивление...»

Начало процессов коллективизации в регионе повлекло за собой разрушение традиционного кубанского социума и казачье-иногородного мира, основанного на ценностях и ориентирах прошлого. Большевики использовали все средства для его ликвидации, главным из которых стало столкновение между собой различных групп, составляющих традиционный кубанский социум, их противопоставление друг другу, углубление тех противоречий социального, имущественного характера, которые всегда имеются в том или ином обществе. Установление социальной уравниловки и проведение репрессий против зажиточных и средних слоев общества воссоздавали в крае атмосферу периода гражданской войны, постоянного поиска врагов новой власти – ее классовых и политических противников.

Начавшийся под влиянием данных факторов постепенный распад давних социальных связей, разрушение прежних социальных и общественных структур привело к многочисленным демографическим изменениям, которые все более усиливались по мере углубления пропасти социального раскола. По суще-

ству, в начале 1930-х гг. в крае произошла настоящая демографическая революция, которая неизменно изменила демографическую ситуацию в кубанском социуме.

В результате репрессий и мероприятий новой власти, осуществляемых в процессе коллективизации, а затем и грандиозного по своим масштабам голода 1920–1930-х гг., произошло резкое падение численности населения, наблюдалось изменение его социального состава, развивались процессы деградации традиционной демографической и социальной структуры. Казаков и иногородних сменило так называемое колхозное крестьянство, столь аморфное по своему социальному составу, сколь и маргинальное по своей классовой принадлежности. Повсеместно в крае наблюдались процессы пролетаризации села, его заполнения мигрантами, прибывающими в край в результате воздействия все новых переселенческих волн. Они, с точки зрения новой власти, были призваны заменить собой сокращающееся местное население и обеспечить реализацию плана социалистической реконструкции края.

На фоне этого появляются и структурируются новые этнические сообщества, наблюдалось возрастание в демографической структуре края численности неславянских этнических групп. С 1933 г. по инициативе власти начинается переселение в край семей мобилизованных красноармейцев (коим был и демобилизованный Николай Фирсов, за которым в Старощербиновскую поехала вся семья. – Г.И.). Вскоре оно приобретает массовый характер. Вследствие всех этих мер новой властью в крае был реализован принцип “плавильного котла”, который должен был стереть социальные, этнические и культурные различия и сформировать совершенно новую демографическую и социокультурную реальность, создать по существу новое общество единой советской нации».

Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов

Но вернемся к истокам. Новая – советская – власть никаким боком не подходила ни вольным, ни служивым казакам, равно как и казаки – советской власти. Большевики, главным правилом которых было – все зарегламентировать и не допустить никакого инакомыслия, разъедающего власть, всякое нарушение установленных границ (в политике, в определенных ими же нормах морали, в праве, оборотной стороной которого было бесправие, узаконенное УК РСФСР 1926 года со всеми его последующими изменениями и дополнениями, в быту, в культуре и литературе, и т. д.) карали самыми разнообразными, в том числе, жестокими и изощренными способами, начиная от товарищеских судов (ничего общего не имевших с известными в проклятом прошлом судами чести) до самых жестких репрессивных мер, включая высшую. В истории с казаками было, кроме всего прочего, весьма и весьма весомоеотягчающее обстоятельство. Именно казаков (и здесь вольные по своей сути казаки охотно исполняли приказы), наряду с конной жандармерией и частями кавалерии, как это было в день Кровавого воскресенья, «царские сатрапы» первыми посылали против безоружного пролетариата и вооруженных вилами крестьян в случаях любых антиправительственных выступлений:

митингов, маевков, забастовок, демонстраций и прочих бунтов. Хорошо, если дело обходилось нагайками, хуже, когда звучала команда «Шашки наголо!». Храбрые и наводящие ужас на врага на поле боя, казаки столь же браво умели укрощать толпы беззащитных противников верховной власти, кормившей казачество с руки и дававшей иллюзию вольницы.

Новая власть предложила и новые условия: не только искусно махать шашкой, но и усердно трудиться на полях и фермах. У казаков оставались, практически, три выхода. *Первый*: покориться и ассимилироваться в новые условия жизни и поведения (тут могли себя проявить беднейшие слои казачества, из них-то в первую очередь формировались комсоды). *Второй*: встать на путь тайного, мелкого и крупного, как повезет, вредительства и тихого саботажа, на путь, который и приведет в итоге к черным доскам и даст власти в руки карты, разыграв которые, Сталин и К° уморят голодом сотни тысяч и виноватых, и безвинных, сделав это с неменьшей жестокостью, чем казаки действовали, например, при описанных выше событиях в Карабаше. Либо – третье – встать на путь открытого противостояния и с честью погибнуть. *Третий* путь завершился довольно быстро: раскачивание, за ним последовавшее, началось практически с первых дней существования власти Советов...

Размышляя о голодоморе, о судьбах кубанского казачества, в обскубанной среде которого в середине 30-х годов оказалась бабушка, я, естественно, продолжал поиски материалов, которые могли бы дать более полное представление о той обстановке, в которой она оказалась, и пролили бы хоть какой-то свет на истинные причины ее ареста. В том, что обвинения были сфабрикованы на основании ложных доносов, сомнений не было: у меня на руках уцелевшие справки о том, что она реабилитирована, приговор в отношении ее отменен «и дело о ней дальнейшем производством прекращено, за отсутствием в ее действиях состава преступления». Трудно было надеяться, что найдутся какие-то довоенные документы, свидетельствующие о ее работе в Щербиновке. Но послевоенные...

Наверняка где-то в архивах лежат ее персональное дело (прежде, чем осудить, ее должны были исключить из партии) и дело по обвинению в преступлении – страшно сказать, в измене Родине. Там будут и доносы, и допросы «свидетелей», и ее показания, в которых наверняка к ее рассказу, который я записал через полвека почти после тех событий, добавится множество подробностей, о которых я пока даже не подозреваю. Дело-то длилось – со дня ареста до суда – почти полгода.

Поиски начал с архива и музея Щербиновского района.

На свой запрос получил два ответа.

Ответ первый:

«Уважаемый Григорий Аркадьевич!

Предоставить информацию в отношении Ефремовой Ксении Герасимовны не представляется возможным, так как документы до 1943 года

в связи с оккупацией Щербиновского района в 1942–1943 годы не сохранились.

Документы районного отдела НКВД (милиции, полиции) в архивный отдел администрации муниципального образования Щербиновский район на хранение не поступали.

Заместитель главы
муниципального образования
Щербиновский район
Начальник архивного отдела

Н.Н. Довженко
М.С. Гарнышева».

Как говорится, бывают случаи, когда отсутствие информации – тоже информация.

Ответ второй. Я бы даже сказал: не ответ, а доброжелательная расшифровка ответа первого, официального:

«Григорий Аркадьевич!

К сожалению, мы не можем Вам помочь в поиске сведений о бабушке, по причине отсутствия документов дооккупационного периода.

Мы не располагаем сведениями о наличии архива и документов нужного Вам периода в полиции. Попытайтесь запросить сведения у них (о работе машинисткой и аресте).

Вы пишете, что Ксения Герасимовна жила в станице Старощербиновской с 1934 года. По этому поводу известно, что после репрессий казачества и устроенного властью голодомора в 1933 году в станице погибло от голода около 20 тысяч человек. Выжило очень мало людей. Дома освобождались от трупов и в 1934 году станица заселялась переселенцами из других областей России. Прибывшие люди не знали, что произошло в станице, и радовались предоставленным домам, плодородной земле и благоприятному климату. Возможно, и Ваши родственники прибыли в нашу станицу в качестве переселенцев. Если Вам понадобится описание нашей станицы в 1934 году, мы готовы предоставить материал.

С уважением, М. Гарнышева».

Человек, привыкший делать свое дело формально, такого письма не напишет. Он просто сочинит отписку. Ответ материализован, и вовсе не беда, что информации в нем ноль. А на нет и суда нет. Но Мария Сергеевна Гарнышева отнеслась к моему запросу не формально, а по-человечески, и у нас завязалась переписка. Я ответил, что мне интересны любые сведения, которые помогут представить ситуацию в станице, да и на Кубани в целом, в те годы.

Вскоре пришло письмо с текстами, фотографиями и таким пояснением:

«Григорий Аркадьевич!

Материал по голодомору в 1933 году может пригодиться Вам для написания книги. Из воспоминаний очевидцев понятно, как выглядела наша станица на момент приезда Ваших родственников.

Через три года после начала нашей переписки сотрудницы Щербиновского архивного отдела, с которыми мы за это время успели подружиться, прислали свою фотографию.

«Это наш маленький коллектив. В центре наш начальник Гарнышева Мария Сергеевна. Слева специалист Прасолова Наталья Ивановна, справа специалист Гончаренко Лариса Владимировна»

В воспоминаниях Середы В.Д., в последнем абзаце, есть сведения о переселенцах.

В книге Петра Макаренко «Смерть зовется 33-й год» на страницах 56–57 приведены письма переселенцев, где они делятся впечатлениями о месте, куда прибыли. К сожалению, у нас этой книги нет, поищите в интернете. Если не найдете, напишите нам, в нашей районной библиотеке она есть, мы сможем прислать Вам копии этих страниц. Еще в интернете можно найти интересные материалы: «Истоки зла (тайна коммунизма). Массовый террор и классовая борьба пролетариата по Ленину» (автор не указан) и очерк Г.В. Кокунько «Черные доски».

Также направляем Вам материалы по оккупации нашего района в 1942–1943 гг.

...Очень надеемся, что когда книга будет написана и издана, Вы вспомните о нас и подарите один экземпляр. Будем ждать с нетерпением!

С уважением, М. Гарнышева».

На что я, в свою очередь, послал воспоминания бабушки о девяти годах, проведенных в Старощербиновской. И был очень рад, что жителям станицы они интересны.

«Григорий Аркадьевич, спасибо большое! Мы сейчас формируем коллекцию „История района“, обязательно поместим туда воспоминания Ксении Герасимовны, которые очень интересны для нас. Фамилии полицейских сохранились в памяти местных жителей, но фамилию Значко-Яворский слышим впервые. Как жаль, что не сохранился архив и утрачено столько сведений о том периоде. Сейчас собираем все по крупинкам. Ваша информация пополнила наши сведения, очень Вам благодарны! Будем с нетерпением ждать новую книгу!

С уважением, Мария.
17.09.2015».

О Значко-Яворском, одном из героев воспоминаний бабушки, человеке, внезапно появившемся в ее судьбе и так же внезапно исчезнувшем, чуть ниже. А пока – о продолжении моих поисков.

По совету своего друга и соавтора по книге «Волчий камень. Урановые острова архипелага ГУЛАГ» Александра Нестеренко отправил запросы в Краснодар. Саша – кубанский казак, живет в Кореновске и занимается там, кроме всего прочего, краеведческой работой. А познакомились мы еще в 80-е годы на Чукотке, в Певеке, где вместе работали в районной газете «Полярная звезда».

И что же? Довольно скоро в краевых архивах нашлось и персональное партийное дело бабушки, и дело по осуждению ее в измене Родине, закончившееся 10-ю годами исправительно-трудовых лагерей и последующей ссылкой на поселение. Те самые дела, что хранят ответы на вопросы, которые я неоднократно задавал себе и на которые мог ответить лишь предположительно. Но, чтобы получить копии архивных дел, нужно было для начала доказать родство с собственной бабушкой.

Мне повезло: благодаря сохранившимся в семье документам связующая нас цепочка была восстановлена. Об этом я обязательно расскажу, кроме всего прочего, еще и потому, что мой опыт может быть интересен тем, кто идет тем же путем и пытается восстановить историю своих предков.

Переписка с краснодарскими архивами (и электронная, и почтовая) длилась не одну неделю. И пока она шла, у меня было достаточно времени, чтобы познакомиться с материалами, присланными из Старошербиновской, поискать книги, которые посоветовала Мария Гарнышева, и погрузиться в события черных лет кубанского казачества.

Глава шестая.

Кубань советская: от рассказачивания к «чёрным доскам»

Написал: «погрузиться», и задумался. Погрузиться – врагу не пожелаю. Но хотя бы приблизиться к той обстановке, той среде, в которую попадали переселенцы 30-х годов (как увидим далее, эта переселенческая волна была далеко не первой), а значит, и к истокам тех трагических событий, которые предшествовали их переезду. Сделать это можно только с помощью людей, которые сами все это пережили, либо впитали эти горестные знания из источника, который зовется преемственностью поколений.

В 80-ти километрах от Старощербиновской, если ехать на юг, в сторону Краснодара, в соседнем Каневском районе есть станица Новодеревянковская, родина Г.В. Кокунько. Ныне, в году 2015-м, Георгий Валентинович живет в Москве, работает руководителем проектов в фонде «Вольное дело». Этот фонд – одна из крупнейших благотворительных организаций России – основан предпринимателем Олегом Владимировичем Дерипаской, чьи родители – уроженцы Кубани. В годы детства и юности он жил в Усть-Лабинском районе, там же закончил среднюю школу.

История Кубани – первенствующее дело жизни Г.В. Кокунько. Не случайно он является главным редактором журнала «Станица», редактором альманаха «Кубанский сборник» и сайта «Историко-культурное наследие Кубани».

Рассказачивание

Из очерка Георгия Кокунько

Репрессии, обобщенно и емко называемые «рассказачивание», задуманы были революционерами задолго до 1917 года. И вовсе не в мифическом подавлении «народных выступлений» дело (казаков советские историки обычно «путали» с конной жандармерией). Консерватизм взглядов, зажиточность, свободолобие, любовь к родной земле, грамотность казаков неизбежно делали их врагом большевиков.

В России до 1917-го года довольно компактно жило более 6 млн. казаков. Идеологи «мировой революции» объявили их «опорой самодержавия», «контрреволюционным сословием». Как писал Ленину один из таких «теоре-

тиков», И. Рейнгольд: «Казаков, по крайней мере, огромную их часть, надо рано или поздно истребить, просто уничтожить физически, но тут нужен огромный такт, величайшая осторожность и заигрывание с казачеством: ни на минуту нельзя забывать, что мы имеем дело с воинственным народом, у которого каждая станица – вооруженный лагерь, каждый хутор – крепость».

Первые карательные акции были организованы большевиками сразу после октябрьского переворота – силами «интернационалистов» (особенно латышей, мадьяр, китайцев), «революционных матросов», горцев Кавказа, иногороднего (т. е. не казачьего) населения казачьих областей. А уж затем это насилие вызвало участие казаков (до того пытавшихся соблюдать подобие нейтралитета в общероссийской сваре) в Белом движении.

Террор достиг первого пика еще в ходе Гражданской войны – оформившись известной директивой Оргбюро ЦК ВКП(б) 24 января 1919 г. Речь шла о репрессиях против всего казачества! Этот подписанный Свердловым документ настолько важен в «юридическом» оформлении политики советской власти в отношении казачества, что стоит привести здесь его полный текст:

«Циркулярно, секретно.

Последние события на различных фронтах в казачьих районах – наши продвижения вглубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск – заставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы при воссоздании и укреплении Советской власти в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо:

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставить сыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.

3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселение, где это возможно.

4. Уравнять пришлых «иногородних» к казакам в земельном и во всех других отношениях.

5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

6. Выдавать оружие только надежным элементам из иногородних.

7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.

8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания.

ЦК постановляет провести через соответствующие советские учреждения обязательство Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли.

Центральный Комитет РКП(б)».

Помимо массовых расстрелов, были организованы продотряды, отнимавшие продукты; станицы переименовывались в села, само название «казак» оказалось под запретом...

Директива Свердлова дополнялась и развивалась разного рода постановлениями. Так, «Проект административно-территориального раздела Уральской области» от 4 марта 1919 г. предписывал «поставить в порядок дня политику репрессий по отношению к казачеству, политику экономического и как подобного ему красного террора... С казачеством, как с обособленной группой населения, нужно покончить».

3 февраля 1919 г. появился секретный приказ председателя РВС Республики Троцкого, 5 февраля – приказ № 171 РВС Южного фронта «О расказачивании».

Тогда же директива Донбюро ВКП(б) прямо предписывала – а) физическое истребление по крайней мере 100 тысяч казаков, способных носить оружие, т. е. от 18 до 50 лет; б) физическое уничтожение так называемых «верхов» станицы (атаманов, судей, учителей, священников), хотя бы и не принимающих участия в контрреволюционных действиях; в) выселение значительной части казачьих семей за пределы Донской области; г) переселение крестьян из малоземельных северных губерний на место ликвидированных станиц...

Сам председатель Донбюро С. Сырцов, говоря о «расправе с казачеством», его «ликвидации», отмечал: «станцы обезлюдели». В некоторых было уничтожено до 80% жителей. Только на Дону погибло от 800 тысяч до миллиона человек – около 35% населения.

Еще свидетельство – посланного на Дон московского коммуниста М. Нестерова: «Партийное бюро возглавлял человек... который действовал по какой-то инструкции из центра и понимал ее как полное уничтожение казачества... Расстреливались безграмотные старики и старухи, которые едва волочили ноги, урядники, не говоря уже об офицерах. В день расстреливали по 60–80 человек... Во главе продотдела стоял некто Голдин, его взгляд на казаков был такой: надо всех казаков вырезать! И заселить Донскую область пришлым элементом...»

Одновременно развернута была кампания обоснования террора в большевицкой печати. Например, в феврале 1919 г. газета «Известия Наркомвоена» (выходившая фактически под прямой редакцией Троцкого) писала: «У казачества нет заслуг перед русским народом и государством. У казачества есть заслуги лишь перед темными силами русизма... По своей боевой подготовке казачество не отличалось способностями к полезным боевым действиям. Особенно рельефно бросается в глаза дикий вид казака, его отсталость от приличной внешности культурного человека западной полосы. При исследовании психологической стороны этой массы приходится заметить сходство между психологией казачества и психологией некоторых представителей зоологического мира...».

Вспоминая события тех лет, М. Шолохов пишет (письмо Горькому от 6 июня 1931 г.): «Я нарисовал суровую действительность, предшествующую восстанию; причем сознательно упустил такие факты... как бессудный

расстрел в Мигулинской станице 62 казаков-стариков или расстрелы в станицах Казанской и Шумилинской, где количество расстрелянных казаков (б. выборные хуторские атаманы, георгиевские кавалеры, вахмистры, почетные станичные судьи, попечители школ и проч. буржуазия и контрреволюция хуторского масштаба) в течение 6 дней достигло солидной цифры – 400 с лишним человек...»

Активное истребление шло до 1924 года, после чего наступило некоторое затишье. Конечно, аресты продолжались, приутихла лишь волна бессудных расправ. Советская власть, изображая «гражданский мир», добивалась возвращения эмигрантов (дабы окончательно ликвидировать угрозу с их стороны). Первое время «возвращенцев» не трогали...

К 1926 году на Дону оставалось не более 45% прежнего казачьего населения, в других войсках – до 25%, а в Уральском войске – лишь 10% (оно чуть ли не целиком снялось с места, пытаясь уйти от безбожной власти). Было уничтожено и выброшено из страны много казаков старше 50 лет – хранителей традиций.

Кстати говоря: заканчивая разговор о первом этапе массового рассказывания, считаю необходимым особо подчеркнуть роль в его организации Ленина. В последние десятилетия советской власти для многих даже самых записных диссидентов общим местом было, подчеркивая репрессивную антинародную сущность сталинского режима, кивать на «доброе» Ильича. Действительно, довольно ранняя смерть Ленина оставила возможность неких предположений, будто при нем бы все было совсем иначе. Тем более, что огромное количество документов, вышедших за его подписью, с категорическими «расстрелять», «беспощадно и повсеместно», было надежно упрятано в архивах.

Сегодня мы знаем – изуверская директива Оргбюро вовсе не готовилась в тайне от «вождей мирового пролетариата», без его ведома. Ленин не только знал о происходящем, но и лично участвовал в выработке политики большевистских властей по отношению к казакам. Достаточно вспомнить ленинскую телеграмму Фрунзе по поводу «поголовного истребления казаков»!

Еще свидетельство – письмо Дзержинского Ленину от 19 декабря 1919 г., в котором указывается, что на тот момент в плену у большевиков содержалось около миллиона казаков: «В районе Новочеркасска удерживается в плену более 200 тысяч казаков войска Донского и Кубанского. В городах Шахты и Каменске – более 500 тысяч казаков. Всего в плену около миллиона человек. Прошу санкции». На письме резолюция Ленина: «Расстрелять всех до одного, 30 декабря 1919 года».

На Кавказ Ленин периодически отправлял телеграммы – «Перережем всех». Слава Богу, что у Советов просто физически сил не было, чтобы осуществить в те годы все людоедские директивы «человечного» Ильича!..

Это лишь фрагменты одной из работ, написанных Георгием Кокунько. Но, я думаю, и этих нескольких страниц достаточно, чтобы представить себе суть политики партии и государства по отношению к казачеству. Казачество, соответственно, сопротивлялось, как могло. Сначала активно, потом другими, иногда прямо противоположными способами, вроде тех, которые Сталин в письме Шолохову окрестил «итальянкой», а в советской пропаганде назы-

вались саботажем. Но власть на то и власть, чтобы применять силу, ему подвластную. «Некоторое затишье» рано или поздно должно было перейти в другую фазу: полного перемирия либо новой войны. Переломным стал 1932 год.

Ивану Ивановичу Синянскому, пережившему голодомор, в 32-м было 7 лет. Он лишь на два года младше моей мамы и, скорее всего, учился с ней в одной школе. Так же, как она, ушел на фронт, и даже участвовал в штурме Берлина, а затем многие годы работал учителем истории, не забывая при этом и об истории родной станицы. В 2004 году, к 210-й годовщине Старошербиновской, в Ейске вышла его историческая повесть «Станица моя родная».

Станица моя родная

Из книги Ивана Синянского

В 1932 году Старошербиновка входила в Ейский район. Выходила газета «Колгоспный шлях». Из публикаций этой газеты мы узнаем о событиях тех лет. В 1932 году посевная затянулась до самого мая. Хлеб вышел, нечем было план хлебозаготовок выполнять.

Рассказывает бывший механизатор колхоза Прищепа Степан Федотович: «В этом году мы зерна намолотили меньше предыдущего, боялись, что в зиму останемся без хлеба. Часть зерна при уборке уносили по домам, контроль был слабый. План заготовки хлеба был высокий, его выполнить было невозможно. Кубань в этом году сдала хлеба в четыре раза меньше, его экспорт не прекращался. Из района прислали уполномоченных и под их контролем хлеб из колхозных амбаров забирали подчистую».

Загнанные насильно в колхоз, крестьяне трудились без инициативы, не берегли колхозное имущество.

7 августа 1932 года вышел Указ ВЦИК и постановление СНК о применении чрезвычайно суровых мер к расхитителям колхозного добра. В качестве судебной репрессии могла применяться высшая мера наказания.

В ноябре 1932 года на Северный Кавказ срочно прибыла правительственная комиссия во главе с секретарем ЦК Л. Кагановичем. С ним прибыли начальник ОГПУ Г. Ягода, начальник политуправления Гамарник, Микоян, Шкирятов, Юрьев. Под нажимом Северо-Кавказский крайком ВКП(б) принял решение по наведению порядка хлебозаготовок.

При активном выколачивании Старошербиновка выполнила план хлебозаготовки на 52%, Новошербиновка – на 87%, Шабельское – на 44%. Такое же положение было и в Ей-Укреплении. План выполнили только Александровка и Камышеватская. В целом Ейский район план выполнил на 50%. В колхозах зерна больше не осталось. Разговоров о том, чтобы выдать колхозникам на пропитание, никто не вел. В газетах стали появляться статьи о саботаже. В станицы начали вводить войска и при них создавать комсоды (комитеты содействия).

Начали выпускать бюллетень по Старошербиновской. В нем призывали сломить саботаж хлебозаготовки, организованный кулачеством.

Бюллетени воссоздают картину не только планомерного уничтожения людей, но и гибели нравственности, элементарной порядочности и человече-

ности, рождения ложного патриотизма и преданности новой власти, обычных уголовных преступлений.

В бюллетенях писали и такое: «Я честно сознаю свою ошибку. Со мной хлеб воровали бригадир Прилипской, Волков Лука, Кимлач Филипп, Квач Лука, Тимченко Иван, Трегуб Максим, Прозоря Федор, Детина, Черный, Дей, Рудь, Кочегура» – пишет в газете И.И. Середа.

В постановлении Ейского райкома ВКП(б) от 8 января 1933 года говорится: «Злостные неплательщики хлеба будут лишены приусадебных земель и высланы из своих домов».

Началось вымирание жителей станицы. Умирали целые семьи. В архивах ЗАГСа того времени значится: 25 февраля умерло 30 человек, 3 марта – 45. Регистрировали смерть далеко не всех. Причина смерти – истощение, от желудка, от нарушения обмена веществ. По сводкам в крае умерло в апреле 52 500, в мае – 60 000.

Доктор Кукуш И.С., свидетельствовавший смерть, записал: «В живых в Староцербиновской осталось не более 10%». Казачья станица опустела. Для устрашения населения бюллетень писал: «Кубанский чернозем – настоящим колхозникам. На земли выселенной кулацкой сволочи и участников саботажа в станицу Полтавскую уже прибыли 1183 колхозника, выполнившие свои обязательства, с Урала, с Московской и Центрально-Черноземной областей, где плохие и неудобные земли».

На митинге в станице Полтавской Л. Каганович говорил: «Казачество как рудимент человеческого общества не имеет ни физического, ни исторического, ни политического и даже религиозного права проживать на этой прекрасной земле». Начались повальные аресты и высылки «саботажников». В Староцербиновской давали буханку хлеба тому, кто укажет на саботажника. В ход шла 58 статья.

К разгрому казачества были привлечены красноармейцы родом из центральных областей, латышские стрелки, два батальона китайских добровольцев, так называемые интернационалисты. Красноармейцы и комсодовцы разворачивали печи, скирды соломы, камышовые крыши. А на дворе был январь-февраль. Какие-то килограммы хлеба находили, отбирая у обреченных последнее.

В бюллетенях сообщается: «Паразиты гноят и укрывают ворованный хлеб. В колхозе № 4 в яме заброшенного сарая найдено 80 кг кукурузы, спрятанной якобы для посева. Председатель Жабский и бухгалтер Подоляно преданы суду, их приговорили к расстрелу». «У единоличника Слипченко Ивана в сарае комсод обнаружил один центнер краденой кукурузы. Кадушку с краденой пшеницей (60 кг) нашли у колхозника Ярмиш Федора».

Имущество колхоза, не выполнившего хлебозаготовок, продавали на торгах. Для поиска хлеба в станицы присланы преподаватели ростовского финансового института Куксин и Поваринов. Пришли они не по своей воле и как могли, сопротивлялись, не хотели быть причастными к творимому произволу. Не хотели отбирать у умирающих последние крохи хлеба. Куксин заявил: «Надо быть последним идиотом, чтобы верить в то, что Староцербиновская выполнит план хлебозаготовки». Куксина исключили из партии, как кулацкого агента.

Люди падали на улице, оставались неделями мертвые в постелях. А запущенная машина пыталась выполнить план. В школах хоть и не топились, занятия продолжались.

Рассказывает В.А. Мищенко: «Я ходил в первый класс, учительница давала нам по ложке семян сурепки. Я сидел с Борей Чередник за одной партой. Получив последнюю порцию семян, Боря лег на парту. Я думал, что он уснул. Вижу у него изо рта слюнка потекла. Он умер».

Очевидец голода Розлач Евдокия рассказывает: «Я работала в колхозной бригаде, нас кое-как кормили затиркой и кукурузным хлебом. Мой ребенок умер в детских яслях от голода. Последние ее слова: “Дайте папы, папы (хлеба) хочу”. Вскоре от истощения умер муж. Мы с сестрой положили его на лесенку и отнесли на кладбище. Красноармейцы вырыли траншеи для мертвых. На саях и подводах привозили мертвых и сбрасывали в ямы. На дне ямы мы увидели еще живого юношу. Его сбросили как мертвого. Юноша смотрел вверх из ямы, но помощи не просил, утратил способность сопротивляться смерти. Заглатывая воздух, парень часто дышал, жизнь медленно покидала его. Над умершими никто не ронял слез и не скорбел. На братских могилах не ставили памятники и кресты».

«Вспомни, Господи, что над нами свершилось. Посмотри и презри за поругание над нами». (Плач Иеремии).

Н.А. Сарана рассказывала, что ее тройка вызывала в 3 часа ночи и спрашивала: «Где хлеб зарыт?». А то, что ноги стали в 3 раза толще, не обращали внимания. Как над нами глумились, а сами комсодовцы были сыты и частенько под хмельком!»

П.А. Степаненко закрыли в холодном доме и держали целую неделю, а дома были пятеро детей голодных.

Бюллетень пишет: «Четвертый раз у кулачки Белой находят спрятанный хлеб. 8 января нашли кукурузу и ячмень. 11 февраля нашли кукурузу, 100 кг проса».

Как находили подозрительных? Если в доме никто не умер и не опух, значит, чем-то питается. Страдали не только люди, но и животные. Лошадям выдавали дерть, их хотели сохранить для посевной. Дерть поедали конюхи, а лошади дохли.

Бюллетень пишет: «Враги колхоза истребляют конское поголовье. Выведены из строя 48% лошадей». О спасении лошадей написано много, а о людях ни строчки. Приближается весна. Надо сеять, а где брать зерно? Начинается новая кампания. Раз есть живые, нужно идти по домам. Кто-то додумался проверять отхожие места. Какое говно? Люди, исправив нужду, тут же предавали земле.

М.Е. Евко рассказывала: «Как начиналась весна, я выходила в поле с коровой. За работу давали килограмм муки, на корову – тоже пай». Пичко Степан тоже сохранил корову, но держал ее в доме, в зале. Под прикрытием поиска хлеба сытые комсодовцы забирали у раскулаченных одежду, утварь, присваивали себе.

Вивчарь Варвара рассказывает: «Ко мне в дом пришли активистки-комсомолки “красные косынки”. Хлеба не нашли. Я варила последнюю курицу, “косынки” курицу съели. Дети пришли из школы – есть нечего. Позже пришла “косынка”, просила прощения. “Нас тогда партия заставляла”».

Вещи могли обменивать на хлеб в коммуне ОГПУ, там голода не было.

Станица уже сама подняться не могла. Семенного фонда не было. Посыпался ряд постановлений крайкома об организации сева.

Бюллетень пишет: «Хорошо работает одна бригада женщин; засыпали колодцы, очистили дома от трупов, эти дома готовили для переселенцев из других районов». В безлюдные станицы переселили семьи красноармейцев. Они занимали лучшие дома в центре и около железнодорожного вокзала.

Переселенцы пользовались льготами, освобождались от налогов, их ставили на руководящие должности. Щербиновский район, как и Краснодарский край, становится «красным поясом».

В стране установилась жесткая коммунистическая диктатура, унесшая в могилы миллионы своих противников, а нередко и единомышленников. Виновики геноцида казаков успели тихо умереть, никто не понес наказание. Голодомор долгое время был «белым», а точнее «черным» пятном истории. Это самая мрачная страница. Из-за генетической ненависти к казачеству, диссидентского страха, долгое время о геноциде умалчивали. Угодливая печать делала вид, что не замечает этой страницы истории.

В марте 1937 года состоялся пленум ЦК ВКП(б). Он дал установку на очередные репрессии. Органы НКВД получили задание в каждом районе найти по 10 человек наиболее опасных элементов для Советской власти. Разрешалось применять пытки. Сталин и его окружение хотели запугать народ, держать его в страхе, послушании и повинении. Снова создаются «тройки». В Щербиновском районе быстро нашли таких 10 человек, арестовали и бросили в подвал.

Рассказывает осужденный Демиденко Александр Иванович: «Меня каждую ночь водили на допрос, ставили около сильно натопленной печки и держали всю ночь, требовали, чтобы я во всем признался. Пот лился ручьями. Обвиняли в том, что я связан с иностранной разведкой, состою в повстанческом движении и собираюсь на Кубани совершить переворот. Заставляли подписать протокол обвинения. Я не выдержал издевательств, потерял сознание и упал на пол. Следователь вложил ручку в мою руку и потребовал протокол подписать. Меня осудили на 10 лет строгого режима».

Пичко Нестор Иванович тоже обвинялся по такой статье. В «тройку» входили начальник НКВД, райвоенком, секретарь райкома партии. Верили ли судьбы в такое обвинение? Суд был закрытый, без защиты. Подобного произвола не знает мировая судебная практика. Из 10 осужденных выжили только Пичко и Демиденко, остальные 8 осужденных погибли в тюрьме.

В крае были репрессированы каждый десятый рабочий, каждый пятый колхозник, каждый второй единоличник, 118 военнослужащих, 650 служителей религиозного культа...

Картина страшная. Но не перевелись еще люди, которые скажут, что все это были перегибы на местах, а в Кремле, мол, не того хотели и не знали всей правды, всего того, что творили злодеи – исполнители воли вождя на местах. Удивительно, что и теперь, когда уже, кажется, в главном все точки над «и» расставлены, такие люди находятся, и не только где-то там, на родине Сталина, а и у нас, в России. Зато ведь мы создали мощную державу и выиграли

войну. Как будто без ЦК РКП (б), с другой властью, нельзя было бы создать мощной державы. А уж про войну, выигранную более числом, чем умением, и говорить нечего. Так вот: для тех, кто любит приводить в доказательство примеры отдельных перегибов, о которых «якобы» не знали в Кремле, в архивах тоже есть немало весомых контраргументов.

Информация Секретно-политического отдела ОГПУ о голоде в районах Северо-Кавказского края

7 марта 1933 г. Совершенно секретно

Тов. Менжинскому, Ягоде, Прокофьеву, Агранову

В отдельных населенных пунктах целого ряда районов СКК отмечается обострение продзатруднений.

Факты продзатруднений в районах: Курганском, Армавирском, Ново-Александровском, Лабинском, Невинномысском, Моздокском, Ессентукском, Крымском, Анапском, Ейском, Старо-Минском, Кущевском, Тихорецком, Медвеженском, Ново-Покровском, Каневском, Краснодарском, Павловском, Кореновском, Майкопском, Вешенском, Калмыцком, Константиновском и Тимошевском.

По далеко неполным данным в этих районах учтено:

Опухших от голода – 1742 чел.

Заболевших от голода - 898

Умерших от голода - 740

Случаев людоедства и трупоедства - 10

В голодающих населенных пунктах имеют место случаи употребления в пищу различных суррогатов: мясо павших животных (в том числе сапных лошадей), убитых кошек, собак, крыс и т.п.

Курганский район. Наблюдается массовый выход в поле населения с лопатами, топорами для копки мерзлого картофеля и бурака. На одном из участков поля станицы Курганной обнаружено до 3 тыс. чел. мужчин, женщин и детей, собиравших оставшиеся необработанными овощи. В станице появилась вспышка брюшного тифа.

Ново-Александровский район. Ст. Воздвиженская. Единоличница Щеглова, имея двух детей, питалась мясом собак. Обследованием квартиры найдены две собачьи головы, приготовленные для изготовления холодца.

Ейский район. Ст. Ново-Щербинская. Колхозница Голыд, имеющая до 500 трудодней, питается древесными опилками. Единоличник Довженко питается собачьим мясом и крысами, семья его в 6 чел. (жена и дети) умерли от голода.

Ново-Покровский район. Ст. Калнеболотская. Население в массовых размерах употребляет в пищу мясо кошек, собак и крыс. За последние две недели учтено около 100 смертных случаев.

Лабинский район. Ст. Родниковская. 20 февраля заместитель начальника ПО МТС ночью обнаружил толпу в 30 чел., которые откапывали убитую сапную лошадь, намереваясь разобрать ее мясо.

А.С./Б/

Совершенно-секретно

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

По С.К.К.

По данным на 21-е марта 1933 г.

В станице Ново-Щербиновской, Ейского района, выявлены факты группового людоедства, сопровождавшегося умышленным убийством малолетних членов семьи и детей-беспризорных.

13/III выявлена и арестована группа в составе:

- 1/ III - 25 лет, она и муж исключены из колхоза за ложничество и воровство. Муж умер от голода.
- 2/ С - 22-х лет.
- 3/ С - его жена, оба в колхозе работали мало, продовольствия не получали.

Эта группа зарезала и употребила в пищу 4-х детей:

1. С - 13-ти лет, отец и мать его осуждены за воровство и спекуляцию.
2. С - 14-ти лет / Мать их сбегала, бро-
3. С - 8-х л. / сиз детей. Отец в 1932 г. из "ят за к-р.
4. Г - 13 лет, сын колхозника, ученик школы.

Ранее этого III зарезала и съела двух своих детей.

14/III выявлена семья, систематически занимавшаяся людоедством в составе:

1. - 65 лет, колхозница.
2. - 39 лет, ее дочь колхозница
3. - 20 лет " слух. курсов тр-тов.
4. - 16 лет их родственница-ученица ШКМ, отец из "ят за к-р.

Эта группа зарезала и употребила в пищу 3-х детей, в том числе одиннадцатилетнего сына Я. и беспризорного Л., родители которого умерли от истощения.

Установлено, что Я. получила из колхоза 15 кило муки, которой питалась только сама. Посещая курсы трактористов - она получала питание бесплатно с рабочими. По внешнему виду выглядит вполне здоровой

- 2 -

и упитанной.

1. - ученица ШКМ также питалась удовлетворительно. По внешнему виду здорова.

Питание человеческим мясом они обе об"ясняют создавшейся в семье обстановкой людоедства.

14/III выявлены колхозники: С, его жена и старшая дочь, которые убили двух своих малолетних детей и питались их трупами.

По инициативе Политотдела МТС в станице создана бригада, которая приступила к выявлению беспризорных детей, оставшихся от умерших родителей и детей голодающих колхозников. Дети помещаются в интернат, где им оказывается медицинская помощь.

Выявлено несколько фактов, когда дети питались человеческим мясом и помещенные в интернаты, рассказывали о том, как их родители убивали и ели детей.

П.П. НАЧ. СПО ОГПУ /Г.МОЛЧАНОВ/

ПОМ. НАЧ. СПО ОГПУ /ЛИКОВ/

Верно:

7 АПР 1933
15857

ПОМ. СЕКРЕТАРЯ СПО ОГПУ /СВЕТЛОВ/

Рассылается: т.т.

1. Менжинскому
2. Ягоде
3. Агранову
4. Прокофьеву
5. В дате

ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 42. Л. 149, 150. Заверенная копия.

Федеральное архивное агентство ☒ Архивное законодательство ☒ Федеральные архивы ☒
 Региональные архивы ☒ Музеи и библиотеки ☒ Конференции и семинары ☒ Выставки ☒
 Архивные справочники ☒ Базы данных ☒ Архивные проекты ☒ Издания и публикации ☒
 Рассекречивание ☒ Запросы и Услуги ☒ Методические пособия ☒ Информатизация ☒
 Дискуссии ☒ ВНИИДАД ☒ РОИА ☒ Архивное образование ☒ Ссылки ☒
 Победа.1941-1945

Еще один летописец Щербиновской истории – журналист М.М. Вивчарь, стоявший у истоков возрождения казачества, многие годы занимавшийся историей своей семьи и своего района.

Геноцид

Из документального очерка Михаила Вивчаря

Историю нашей станицы еще предстоит кому-то написать. Возможно, будут тщательно исследованы и освещены и так называемые ее белые, вернее, черные, страницы. Таких черных страниц в ее истории было несколько. Время гражданской войны, начало коллективизации, оккупация. Но самой черной была и остается страница зимы 1932–1933 годов – страница геноцида, стоившая жизни почти всего населения станицы.

Можно услышать мнение, что голоду 1933 года предшествовал неурожай в 1932 году. Неурожай этого лета действительно факт. Но не из-за плохих погодных условий, а как результат сплошной коллективизации, а на Кубани ко всему этому голод был организован.

Организаторы небывалого в мировой истории геноцида – уничтожения населения казачьих областей – убивали два зайца сразу. Во-первых, вину за провал неразумной политики в сельском хозяйстве свалили на самих хлеборобов, во-вторых, была доведена до конца начатая еще в 1918 году политика расказачивания.

... В 1932 году ст. Старощербиновская еще входила в Ейский район Азово-Черноморской области. В то время в Ейске выходила районная газета «Колгоспный шлях». Газета печаталась на украинском языке, потому как население района в основном говорило на украинском кубанском диалекте. В ходе уничтожения коренного населения и заселения земель людьми из центральных областей России и Ставрополя, газета постепенно переходила на русский язык. В одном номере печатались материалы на двух языках. Не параллельный перевод, а просто одни материалы шли на украинском, другие – на русском языках. В середине 1933 года, когда аборигенов, потомков запорожских казаков, почти не осталось, газета стала выходить только на русском языке.

... Комсоды «орудовали» круглосуточно. В таком состоянии станица вступила в новый, 1933 год. Люди уже в это время начали умирать с голоду, но массовое вымирание было еще впереди. Когда началась кампания по изъятию разворованного хлеба, в Ейском районе работали выездные редакции газет «Колгоспный шлях» и «Молот», которые выпускали информационный бюллетень. Такие бюллетени выпускались по селу Екатериновке и станице Новощербиновской, как кандидатам на «черную доску», и по станице Старощербиновской после занесения ее на «черную доску». Разговор о Екатериновке и Новощербиновской надо вести отдельно. Эти населенные пункты перенесли трагический голод 1933 год подобно Старощербиновской, но материалов о них еще очень мало. Здесь же речь будет идти в основном только о Старощербиновской. Бюллетень по Старощербиновской призывал: «Сломить саботаж хлебосдачки, организованный кулачеством». Его первый номер от 3 января 1933 года опубликовал следующее постановление:

«О занесении Старощербиновской на «черную доску». Постановление президиума стансовета от 2 января 1933 года.

1. Одобрить решение краевых и районных руководящих органов – о занесении ст. Старо-Щербиновской на «черную доску» за упорный саботаж выполнения плана хлебозаготовок, организованный кулачеством и контрреволюционными элементами, а также за невыполнение других обязательств перед государством – планов мясопоставок и платежей.

2. Поручить президиуму стансовета организовать специальную тройку по руководству оперативной работой по организации хлебосдачки и выявлению разворованного хлеба.

3. Вывезти из станицы, из лавок потребкооперации и других торгующих точек все имеющиеся товары, запретив всякого рода торговлю, как в магазинах, ларях, так и на базаре – до полного выполнения хлебозаготовок, мясозаготовок, платежей.

4. Предложить всем колхозам погасить всю задолженность, как по обязательным платежам, так и по ссудам. Президиуму стансовета проследить за выполнением.

5. Подтвердить решение прошлого пленума стансовета о снятии с обслуживания МТС за продолжающийся упорный саботаж хлебосдачки колхозов №№ 2, 3.

6. Ввиду того, что колхозы совершенно не справились с выполнением задания по повторному обмолоту и перевевиванию, поручить МТС произвести повторный обмолот соломы, половы, сбоев, сдавая хлеб на выполнение плана за счет МТС.

7. Разбить станицу на 4 основных участка, организовав при них оперативные тройки для руководства работой парторганизации хлебосдачек.

8. Поручить милиции выставить вокруг станицы посты и без разрешения президиума Совета никого не выпускать за пределы станицы.

9. Предоставить право комсодам для выполнения планов хлебозаготовок привлекать всех граждан, а также штрафовать в случае невыполнения распоряжений и установить до 2-х недель принудительных работ с последующим утверждением президиумом стансовета.

10. Мобилизовать 250 наиболее преданных Советской власти и колхозу людей из числа членов коммунны имени ОГПУ и колхоза № 6 на оказание практической помощи другим колхозам и комсодам в выполнении ими планов.

11. Поручить президиуму Совета разбить всех членов Совета по участкам, дать каждому члену Совета определенное задание, организовать проверку каждого члена Совета по его фактическому участию в борьбе за хлеб, за выявление и изгнание всех кулацких хозяйств из колхозов и станиц.

Постановление предварял лозунг:

«Позор черной доски» может быть смыт только бешеным напряжением всех сил парторганизации, колхозного актива!

С этого момента начинается отсчет черных дней некогда богатой и большой казацкой станицы. После этих дней она больше не поднялась, в некоторой степени от той станицы, которая была до голода, осталось одно название. (Некоторые станицы Кубани и Дона лишились и этого.) Нынешняя станица – это уже совсем другая станица, с другими укладами, с другим населением, с другими обычаями.

С момента выхода приведенного выше постановления стансоветский актив начинает свирепствовать, свирепствует и устроенный им голод.

...20 января был назначен второй, последний срок для выполнения планового задания. После этого числа, как и после 10-го, снова грозили полным выселением. Бюллетень кричал:

«Сегодня последний срок выполнения годового задания!», «Старощербиновская на “черной доске”», «Старощербиновская требует выселения на Север!», «200 кило хлеба и 2500 рублей средств! Вот предательские итоги дневной работы комсодов станицы». «Отдельные коммунисты стали на путь сдачи позиций кулаку!».

В бюллетене за 20 января (№ 26) появилось такое сообщение: «Сегодня утром в 6 часов состоялась встреча активистов двух комсодов, бывшего пятого колхоза по проверке заключенного договора социалистического соревнования на лучшую работу по выявлению разворованного хлеба и мобилизации средств...».

Несомненно, в этом кощунственном, черном соревновании были и передовики, и отстающие, победители и побежденные. Не спали ночами – днем и ночью соревновались. Что такое шесть часов утра в январе – это еще глубокая ночь, а активисты комсода уже провели встречу.

...Наступила весна. Пошли решения и постановления краевого комитета ВКП(б), районных организаций об организации сева. О том, что стало с станицей, узнать трудно, о том, что в это время уже были созданы бригады по вывозке из домов трупов, бюллетени не сообщают. Однажды только проскочила заметка, что хорошо поработала одна бригада женщин по засыпке колодцев и по приведению домов в порядок. Эти бригады готовят опустевшие дома для приема переселенцев из других районов страны.

Спустя немногим более 10 лет постановление Оргкомитета ЦК ВКП(б), подписанное Свердловым, было выполнено. Теперь условия уже позволяли направлять переселенцев на земли Кубани тысячами.

За работу по вывозу трупов из домов платили продуктами: 1 кг пшеничной муки, 2 кг кукурузной – за день работы. Так и зарабатывали оставшиеся в живых, так и дотянули до теплого времени.

Оставшиеся в живых старожилы рассказывают, что станица весной и летом 1933 года представляла собой страшное зрелище. Разрушенные дома, без крыши, с вытащенными лутками и рамами. Все, что горело, было сожжено в печах. Весна 1933 года выдалась дружной и теплой. Бурьяны дружно пошли в рост. Скоро дома потонули в них.

memoria_____

Веселые ребята

Случайно, или нет, но именно в самые жестокие годы сталинских репрессий в СССР снимались самые жизнерадостные советские кинокомедии.

В начале сентября 1933 года, в те дни, когда на Кубани ежедневно умирали от голода тысячи людей, в Гаграх, в 22 километрах от границы Абхазии с Краснодарским краем, режиссер Григорий Александров приступил к съемкам «Веселых ребят» – музыкальной комедии, ставшей классикой советского кино. Сегодня можно лишь гадать о том, какие настроения царили в съемочной группе. В Гаграх был разгар бархатного сезона (что и показано в фильме), и приехавшие сюда люди, на отдых или на работу, вряд ли знали о том, что на самом деле происходило рядом, в окруженных

военными кордонами кубанских станиц. В печати и по радио рассказывали только о вредителях, шпионах, и устроенных ими саботажах.

Однако и в стане киношников обстановка была далеко не безмятежной. В ночь с 12 на 13 октября, через месяц после начала съемок, «Веселых ребят» всколыхнул арест сценаристов Николая Эрдмана и Владимира Массы. Фильм доделывали без них, не оказалось их имен и в титрах картины, вышедшей на экраны в 1934 году. Дело Эрдмана и Массы вел следователь НКВД, бывший болгарский журналист, Николай Шиваров – большой специалист по «литературным делам». Именно он в 1934 году был следователем по первому делу Осипа Мандельштама, а еще в 1920-е годы вел досье на Максима Горького. Сам Шиваров был арестован чуть позже, в декабре 1937 года. Как «перебежчика-шпиона», его приговорили к 5 годам ИТЛ, а в 1940 году в лагере он покончил жизнь самоубийством.

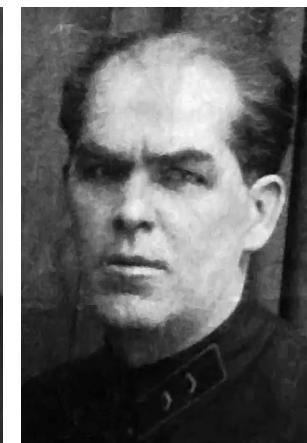
Свой третий фильм – «Волга-Волга», не менее смешной, чем «Веселые ребята», Александров снимал летом 1937 года, в самый разгар Большого террора. Одним из сценаристов фильма вновь стал, освобожденный из ссылки в 1936 году, Эрдман. Но арестовали на этот раз не его, а оператора Владимира Нильсена (он же снимал и «Веселых ребят», и вторую картину Александрова «Цирк»). Всё произошло, опять же,

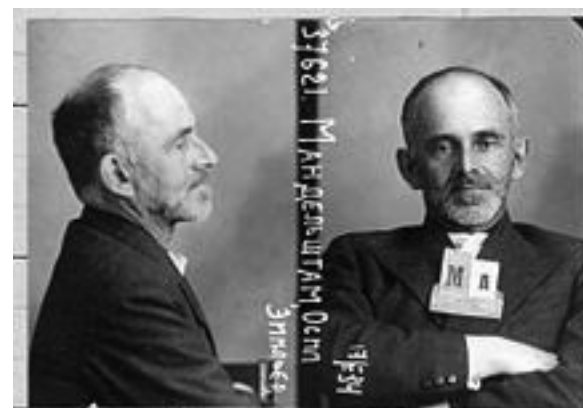
Николай Эрдман

Владимир Масс

Николай Шиваров

Тюремное фото Осипа Мандельштама. 17 мая 1934 года

Владимир Нильсен

на съемках: 8 октября 1937 года. Но времена изменились: там, где Эрдман и Масс отделились «легким испугом» (ссылкой), Нильсен поплатился жизнью. Он был обвинен в шпионаже и 20 января 1938 года расстрелян. Ему шел 32-й год, но за плечами этого молодого человека уже была биография, сама по себе достойная книги или сценария многосерийного фильма.

Летом 1949 года в колхозе-миллионере «Кавказ», в станице Курганной, по которой в 1932 и 1933 годах, как и по всей Кубани, прошелся голодомор, Иван Пырьев снимал фильм «Кубанские казаки». Во главе хозяйства с 1946 года – местный казак, фронтовик Николай Григорьевич Табаков, поднявший колхоз с колен после нашествия немецких варваров. Время съемок – самый разгар послевоенных репрессий.

В 1947 году была развёрнута кампания против «низкопоклонства перед Западом». 12 января 1948 года под Минском убит председатель Еврейского антифашистского комитета актер и режиссер Соломон Михоэлс. В конце 1948 – начале 1949 года арестованы другие члены Комитета, их обвинили в буржуазном национализме и разработке планов создания еврейской республики в Крыму.

В феврале 1949 года в прессе была запущена кампания по борьбе с «космополитами», имевшая целенаправленный антисемитский характер. Сотни евреев из числа интеллигенции были арестованы в Москве и Ленинграде уже в первые месяцы 1949 года.

В августе 1949 года начинается Ленинградское дело, по которому были осуждены 214 человек, из них 69 основных обвиняемых (практически все партийные и советские руководители Ленинграда и области) и 145 – из числа близких и дальних родственников. 2 человека умерли в тюрьме до суда, 23 приговорены к высшей мере наказания...

Такая была жизнь – как в кино. И кино – не о реальной жизни, а о той, к которой в едином порыве должны стремиться советские граждане.

memoria

В декабре 2004 года в станице Старощербиновской на месте старого кладбища, где были захоронены жертвы голодомора 1932–1933 годов, состоялось открытие памятного знака. Идея и проект памятника принадлежат М.М. Вивчарю.

На постаменте из черного камня высечены надписи:

«Упокой, Господи, души невинно убиенных и замученных голодомором в 1932–1933 гг.»,

«Вспомни, Господи, что над ними совершилось. Призри и посмотри на поругание наше»,

«Упаси, Господи, нас от братоубийства всякого и спаси нас от беспамятства»,

«Прости нам, Господи, за убийство рабов твоих и братьев наших. Прости и помоги восстановить славу Твою!»

memoria

Восемнадцать тысячам замученных душ

В канун Нового года в станице Старощербиновской был торжественно открыт и освящен памятный знак жертвам голодомора 1932–33 годов.

Семьдесят два года назад 31 декабря было принято постановление Северо-Кавказского Крайкома ВКП(б) о занесении на черную доску станиц Старощербиновской Ейского района, Боковской Вешенского района и Платнировской Кореновского района за «безобразное отставание в выполнении плана хлебозаготовок».

По решению президиума сельского совета от 2 января 1933 года в Старощербиновской из станицы, из лавок потребкооперации и других торгующих точек были вывезены все имеющиеся товары, запрещена всякого рода торговля – до полного выполнения планов хлебозаготовок, мясopоставок, платежей. Милиции было поручено выставить вокруг станицы посты и без разрешения президиума совета никого не выпускать за пределы станицы.

Тогда в Старощербиновской было создано более десятка колхозов и МТС. Газеты тех лет писали, что посевные площади сильно увеличились, но озимые сеяли по непашаной стерне, а тысячи гектаров из-под пропашных культур остались пустовать. Весенний сев растянулся до самой уборочной. В результате такого хозяйствования зерновые в 1932 году дали чуть больше 2 центнеров с гектара. Притом, что год был и в целом тяжелый, неурожайный. Сбранного, может быть, с трудом хватило, чтобы дотянуть до следующего урожая. Сдавать государству было нечего. В наказание за срыв хлебозаготовок колхозам предписывалось вернуть не только недостающий хлеб, но и все ссуды, полученные с отсрочкой возврата на несколько лет.

План государственных поставок пытались выполнить за счет запасов населения. Для поиска «украденного» хлеба были созданы специальные тройки и комитеты содействия (комсоды) из наиболее преданных советской власти и колхозу людей.

Но, даже обчистив по несколько раз хаты, огороды и подворья, повторно обмолотив солому и уморив голодом почти все население станицы, удалось выполнить чуть больше половины назначенных поставок хлеба.

Когда начал таять снег, оставшиеся в домах и на улицах трупы, не считая, свезли в три ямы на старом кладбище и закопали, без креста и прощания. А в семидесятые годы на этом месте стали строить жилые дома. При рытье котлованов человеческие черепа и кости выкапывались во множестве.

Еще в начале девяностых годов возродившееся станичное казачье общество посчитало необходимым увековечить память своих земляков. До голодомора в станице проживало 22,5 тысячи жителей, после – едва набралось две с половиной.

За минусом тех, кому все же удалось вырваться за кордоны оцепления, число погибших составляет около 18 тысяч человек.

Именно такая цифра значится на черной гранитной плите у подножия креста, поднявшегося на месте старого кладбища. Идея памятника принадлежит Михаилу Матвеевичу Вивчарю, коренному старощербиновцу, журналисту, который собирал материалы о голодоморе, написал о нем документальный очерк, опубликованный в районной газете «Щербиновский курьер». Средства собирали по крохам станичники, предприниматели, предприятия – кто сколько смог. Сам М.М. Вивчарь до этого дня не дожил, но его имя, как автора проекта, высечено на памятнике. И право открыть монумент было предоставлено в числе других казаков его сыну Алексею. На церемонию открытия и освящения креста собрались старики, их дети, внуки.

Ивану Задорожному в тридцать третьем году было пять лет. Его двухлетний брат Вася и шестилетняя сестра Вера умерли от голода той зимой,

– Я и сам уже лежал и не балакал, когда нас с той черной доски сняли. Мама вывезла меня в Ахтари к бабушке, там немного отошел. Отец у нас был трактористом, их кормили на работе, но охрана стояла, как на приисках, ни крошки с собой было не вынести.

Иван Андреевич – один из многих станичников, вложивших деньги в строительство креста. Он был слишком мал тогда, чтобы что-то понимать, но навсегда запомнил раскученную печку и перерытые земляные полы в саманной хате...

Открывая памятник, участники церемонии – глава района Виктор Филонов, атаман Кубанского казачьего войска Владимир Громов, атаман Щербиновского районного казачьего общества Вячеслав Олейник и другие, – говорили о долге памяти и страшном опыте поколения, пытавшегося строить рай на земле без Бога. Теперь черный крест на постаменте из белого мрамора будет служить местом поминовения и предупреждением потомкам, чтобы подобная трагедия никогда не повторилась.

С. Александрова
«Щербиновский курьер», январь 2005 г.

Опустевшей, полуразрушенной, заросшей бурьяном, такой, как описывает ее Михаил Вивчарь, увидели Старощербиновскую в 1934 году демобилизованный красноармеец Николай Фирсов, а вслед за ним – его отец Герасим Гурьянович и сестры Ксения, Зинаида и Александра. Но немало было и крепких домов, в которых, казалось, еще жили тени давешних хозяев. Свои впечатления бабушка выразила через много лет в нескольких фразах. Приведу их еще раз:

«...Дали большой дом, была большая печь – стояла в столовой. Она мешала, решили убрать, а под печью открылся ход, под ним – тонны зерна. Хозяин бывший: умерла вся семья, сам съел свои сапоги, и умер. Зерно было, а есть не могли: каждый день приходили проверять комсоды.

Мы приехали, когда уже саботаж кончился. Потом, при немцах, всех, кто участвовал в комсодах, отправили на тот свет».

Взгляд как бы со стороны, констатация фактов, без партийно-комсомольских оценок. Был саботаж, был голод, люди умирали, комсоды работали. Но, выходит, несмотря на межкомсовдовское социалистическое соревнование, недорабатывали. «Хозяин бывший» все же утаил тонны зерна. И жалость к хозяину и его семье, хоть они, надо полагать, кулаки-кровопийцы, тоже присутствует. А эта история – про съеденные сапоги? Ведь она не с потолка, ее кто-то рассказал, кто-то из оставшихся в живых. Пусть это прозвучит, как штамп, но: трагедия шекспировского масштаба. Хотя, Шекспиру такой сюжет, под названием «Голодомор», и в страшном бы сне не приснился. Вместе с эпилогом – «при немцах».

Документов, подтверждающих бабушкины слова о комсодах, отправленных при немцах на тот свет, почти не сохранилось. Но – раз сказано «почти», значит, что-то есть. Сотрудники Щербиновского архива и районного музея (директор Елена Владимировна Жаркова) разыскивали материалы, связанные с судьбой одной из комсодовок. (Написание фамилии Сенюкова – Синюкова в документах разное, но нет сомнения, что речь идет об одном и том же человеке.)

«Сенюкова Елена Яковлевна.

... Старощербиновской. Иногородняя беднячка, батрачка. В 1920 году с приходом на Кубань советской власти Елена Яковлевна была избрана на станичном женском собрании жен-делегаткой.

т. Сенюкова несмотря на свою безграмотность хорошо понимала в то время свои задачи поставленные перед ней партией, а именно она активно принимала участие в сборе посевного материала для бедноты.

Принимала участие в мобилизации средств для содержания детского дома. Сбирала тёплые вещи для дет.дома и Красной Армии.

Одним словом как умела помогала крепить Советскую власть.

Елена Яковлевна была непримирима к несправедливости и она Никогда не признавала никаких авторитетов кроме справедливости. Она была настоящим борцом за великую правду Ленина.

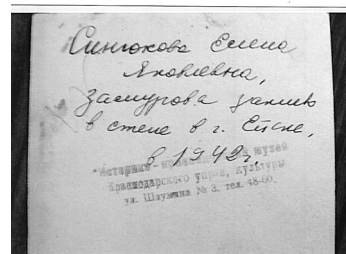
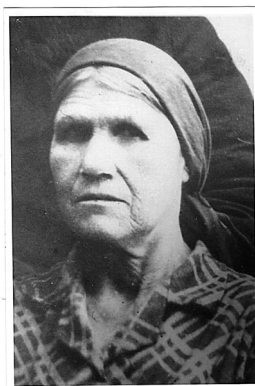
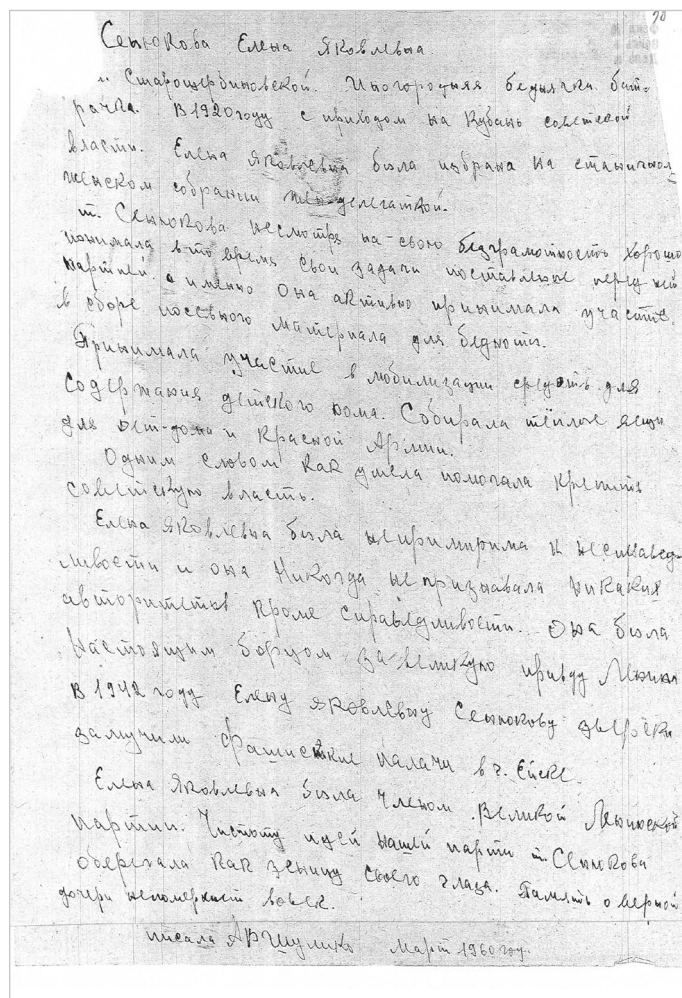
memoria

В 1942 году Елену Яковлевну Сенюкову зверски замучили фашистские палачи в г. Ейске.

Елена Яковлевна была членом Великой Ленинской партии. Чистоту идей нашей партии т. Сенюкова оберегала как зеницу своего глаза. Память о верной дочери непомеркнет вовек.

писала А.В. Шулико.

Март 1960 год».

Жительница станицы Старощербиновской Елена Яковлевна Синюкова, бывшая комсодовка, в 1942 году была заживо замурована немцами в стену здания в городе Ейске. Возможно, это был дом купца И.Е. Агабабова, в котором в те месяцы располагалось гестапо.

Оба документа – фотография и «характеристика», уже сами по себе являющиеся красноречивыми свидетельствами ушедших времен, тем не менее, оставляют много вопросов. И кое-что, вместе со щербиновцами, нам удалось прояснить. Вот первая подробность: «Обратите внимание, Григорий Аркадьевич, что на фото Сенюкова в красной (предположительно) косынке. У нас в станице старики до сих пор комсодовок называют «краснокосыновки»».

К фотографии я еще вернусь, а пока – о «характеристике». Задаю вопрос: «Перечитываю „характеристику“ Сенюковой и прихожу к мысли, что это совсем другой жанр. А не может ли это, например, быть черновиком подписи под ее фотографией, висевшей в музее?». Оказалось – нет. «У наших первых комсомольцев в 1960-е была встреча. Вероятно, в связи с этим и писались „восхваления“».

Возникает следующий вопрос: кем писались эти «восхваления»? Известен ли человек, скрывающийся под фамилией Шулико? В ожидании ответа от щербиновских архивистов решил поискать следы этой фамилии в старых переписях, для чего заглянул в книгу Владимира Ткаченко-Гильдебрандта и Владимира Шкуро «История одного куреня. Из казачьего прошлого станицы Старощербиновской Ейского отдела Кубанской области (1756–1918)». И вот они, следы в переписях населения, указывающие, что люди с этой фамилией жили в станице еще в начале XIX века:

ПЕРЕПИСЬ старшинам и козакам и их семействам, состоящим в курене Щербиновском (1801 год)

Холостые казаки:

165. Яков Иванов сын Шулико 40 лет

225. Иван Иванов сын Шулико 38 лет.

РЕВИЗСКАЯ ПЕРЕПИСЬ 1811 года декабря дня жительствающим в местечке Щербиновском старожилым казакам, их женам и детям, с показанием обоего пола лет
286. Иван Иванов сын Шулика (?) 60 лет
жена его Матрона Омельянова дочь 45 лет
дети их: Григорий 3 года
Алексей 1 год.

А вот что написали из Щербиновки. О А.В. Шулико известно, что она была секретарем комсомольской организации станицы в 1920 году, то есть – одной из первых комсомолок. Хранится подписанный ею документ в районном музее, где он проходит по тематике «Комсомол». Даты 1920 и 1960 говорят о том, что, скорее всего, Шулико всю жизнь прожила в станице и была примерно (как и Сенюкова) ровесницей моей бабушки. И как знать, может быть, обе они, и Шулико, и Сенюкова, были каким-то образом с бабушкой знакомы. Но это, опять же, из области домыслов, такой ход подошел бы для многосерийного сценария, но не для повествования, основанного на документах.

Вернусь к фотографии. В Щербиновский музей она попала, судя по штампу на подписи под снимком, из областного историко-краеведческого музея, причем, судя по 4-значному номеру городского телефона, в первые послевоенные времена, когда еще свежи были в памяти зверства фашистов в кубанских городах и станицах.

Из книги Г. Климентьева «С любовью о Ейске»:

«Мрачную славу заслужил этот красивый дом в годы Великой Отечественной войны... Над входом в здание висела вывеска: "Зондеркоманда СС10А"... У входа в здание дежурили два местных подонка, одетых в форму оккупантов. По свидетельским показаниям обслуживающего персонала этого кошмарного заведения, фашисты каждый день пытали там советских людей. После освобождения города во дворе обнаружили колодец, из которого вытащили обезображенное страшными пытками тело директора ейского пивзавода Арутюнова. Очень долго среди ейчан ходил слух, будто в этом здании фашистами были замурованы несколько трупов растерзанных жертв. Документы, однако, об этом ничего не говорят».

Дом купца Ивана Моисеевича Агабабова в Ейске. Угол улиц Ленина и Краснодарской

Еще раз о доме Агабабова

(в сокращении)

...В годы временной оккупации Ейска в годы Великой Отечественной войны (август 1942 – февраль 1943 г.) в здании располагалось отделение зондеркоманды SS –10А (население называло ее гестапо). Зондеркоманды входили в города вслед за немецкими фронтовыми частями, проводили несколько молниеносных акций – регистрацию и расстрел всех евреев, цыган, членов семей советского и партийного актива; затем начиналась повседневная «служба смерти»: выявление и ликвидация коммунистов, комсомольцев, подпольщиков, партизан, уничтожение больных, престарелых и вообще «сведение численности населения до минимума». Одной из таких команд была и зондеркоманда СС 10-а, оставившая свой кровавый след в Крыму, в Мариуполе, в Таганроге, Ростове, Краснодаре, Ейске, Новороссийске, а затем в Белоруссии и в Польше.

Офицерами зондеркоманды были немецкие эсэсовцы, прошедшие особую подготовку в Германии и накопившие «опыт» в борьбе с немецкими антифа-

шистами. В качестве рядовых в команду входили изменники Родины, перебежчики и отщепенцы, специально завербованные на оккупированной территории или в лагерях для военнопленных. Вместе с немцами и под их руководством они принимали непосредственное участие в массовых казнях, в операциях против партизан, в облавах, арестах, а также несли конвойную и охранную службу. В здании был замучен директор Ейского пивоваренного завода Сурен Арутюнов, труп был обнаружен в колодце во дворе дома. Свидетельница Л.Т. Недосеова рассказывала, что Арутюнов умер от страшных пыток, и она слышала страшные крики Арутюнова, когда его пытали Л.Р. Бем, Майстер и др. Там же был замучен неизвестный партизан, который был захвачен в октябре 1942 г.

В городе в то время находился детский дом Крайсобеса, эвакуированный в начале войны из Симферополя. В нем жили дети, больные костным туберкулезом. 9 октября 1942 г. к корпусам детского дома по ул. Щербиновской, 56 подъехали две легковые и две грузовые крытые машины, в которых находились начальник гестапо СС №44-10 обер-лейтенант Бедедер, немецкий комендант г. Ейска Кандлер, врач гестапо Штраух, немецкие офицеры и солдаты (15 человек). К корпусу, находящемуся по ул. Буденного, подъехала одна машина. После осмотра детей детдома Крайсобеса, немцы отстранили персонал, начали погрузку детей в машины. Когда дети и сотрудники детдома спрашивали: «Куда везете детей?», им отвечали: «в Краснодар», другие отвечали: «в баню». Так как за один день немцы не сумели вывезти всех детей, то утром 10 октября они довершили начатое дело. К 9 часам по улице Щербиновской подъехала еще одна крытая машина, на которую посадили еще 13 человек из 20 скрывшихся. Из корпуса на ул. Буденного забрали остальных детей, в том числе 32 лежачих больных. Всего было погружено 214 детей, из них: 102 девочки и 112 мальчиков. Детей вывезли за город. Машины остановились на землях Широцкого хутора, вблизи дороги, идущей от города Ейска, где при вскрытии обнаружены в яме 3 на 4 метра, глубиной 2 метра 214 трупов детей. При детских трупах были найдены книги, гребенки, открытки, плапочки, фотоснимки и др. мелкие вещи. На основании судебно-медицинского осмотра трупов и свидетельских показаний установлено, что физических побоев, огнестрельных ранений, колотых ран не было, так как дети были увезены на герметически закрытых машинах при большой скорости, вследствие чего смерть наступила от асфиксии (удушения).

После освобождения города в феврале 1943 года, специальной комиссией по расследованию преступлений фашистских оккупантов было произведено вскрытие и исследование захоронения. На Краснодарском процессе 1963 года по делу палачей зондеркоманды СС-10-а, орудовавших в Ейске, в качестве главных организаторов зверств названы: Курт Тримборн, начальник ейского отделения зондеркоманды СС 10-а и сельскохозяйственный комендант Вильгельм Неббе. Палачи из зондеркоманды были приговорены к высшей мере наказания. По городу Ейску расстреляно и замучено во время фашистской оккупации 319 человек, из них: 69 женщин, 82 мужчин и 166 человек – дети в возрасте до 14 лет. В рабство, на работу в Германию угнано 335 человек, из них: мужчин 133 человека, женщин 202. Убито и замучено военнопленных – 2 человека. В парке Горького после освобождения Ейска были похоронены ейчане, замученные в годы оккупации: В.П. Казакова с дочерью, З.А. Одинцова, А.К. Дикая, С.А. Арутюнов, М. Гуртовая, В.П. Топоркова, А.П. Стешенко и др.

Сразу после освобождения города в феврале 1943 г. началось восстановление Ейского санатория, одно из подразделений которого разместилось в бывшем доме Агабабова. 25 апреля 1946 года санаторий вновь открыл свой 22 лечебный сезон. Весной 1950 года по инициативе главврача В.М. Воскресенского на базе санатория в описываемом здании открывается детское отделение для лечения детей с заболеваниями органов движения на 50 койко-мест, к 1960-м годам на 75 мест. Санаторий функционировал с 18 февраля по 25 декабря, в остальное время проводились ремонтно-профилактические работы. С 2006 г. здание передано МУ «Средняя общеобразовательная школа №2» для размещения начальной школы.

<http://yeiskgid.ru>

Вот так: рассказывал о комсодах и вдруг: война. Всё связала бабушкина фраза об отправленных на тот свет немцами комсодовцах.

Рассказ о Щербиновском районе при немцах – впереди, в следующей главе. А эту, для сравнения с воспоминаниями бабушки, закончу откровениями другого переселенца, опубликованными в книге Петра Макаренко «Смерть зовется 33-й год» (Краснодар, 2008):

«Село такое, как наш город, даже еще больше. Земли столь много, что и не охватишь и глазом, ровно, земля черная и никакого удобрения и навоза не требуется. Квартира хорошая, огород большой, очень хорошие сады. В избе у нас русская печь, топим дубовыми дровами.

В нашем доме было оставлено три стола, койка деревянная, комод для белья, шкафчик для посуды, хорошая собака, кошка, скамеек четыре штуки, не такие, как у нас, а лучше.

Нам рассказали, что кулаки разложили колхозы... Мы будем зорко глядеть, там еще кое-где в дырках засели кулаки, всех повытравили. Мы знаем колхозную работу. До Красной Армии тоже в колхозе были. Знаем поганую работу кулака. Нас не возьмешь просто, мы кое-чему научились еще и в Красной Армии...»

Вместе с кулаками повытравили казачество. Украинский кубанский говор вплетался в русскую речь переселенцев. Жизнь налаживалась.

На Украине говорят: «Бог не теля: усе бачить виттеля».

Бабушка, при случае, грозила нам с братом пальцем: «Бог не теля: видит и виттеля!». И добавляла, если наше поведение уже не вписывалось ни в какие рамки: «Да шоб вас рóзарвало!».

Глава восьмая. 1943–1953. Арест. Суд. ИТЛ

Последний сюжет из щербиновских воспоминаний бабушки. Прогнали немцев, пришли свои.

«Меня выбрали секретарем сельсовета, стала работать. Большое событие было – торжественное захоронение тех, кого немцы убили, отступая. Потом обратились ко мне из НКВД, чтобы перешла к ним секретарем. Я: у меня новая работа, отказалась. Вскоре они опять: переходи, мы зашились, приказа написать некому, не знаем, что и как. Пришлось переходить к ним. Выбрали секретарем партячейки. Все было нормально, пока нового начальника НКВД не прислали. Когда он приступил, я болела. А потом – чем-то я ему не понравилась, стал он копать. Сказал: так и так: опиши все, как было, как на немцев работала. Ну, сдуру-то и написала. Как при немцах работала, сидела три раза, как с тракторами эвакуировались и попали в оккупацию...

Однажды сидела, писала протокол партсобраний. Приходит милиционер (а я собиралась в райком, протокол отнести), говорит, что начальник требует. Туда пошла, и больше не вернулась, так протокол и не отнесла. Потом было следствие, суд (судили много народу), осудили по статье 58-1а. И просидела 13 лет (10 лет лагерей в Казахстане и 3 года поселения), с марта 43-го по март 53-го и поселение до ноября 55-го, когда реабилитировали и приехала в Ленинград. Сказали, что могу восстановиться в партии, но я не стала...»

Пресловутая, как теперь принято ее клеймить, 58-я статья появилась в Уголовном кодексе РСФСР в 1922 году. В дальнейшем, со всеми своими пунктами и подпунктами, она неоднократно редактировалась и, разумеется, расширялась. Последняя точка была поставлена Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1934 года. В этой редакции статья «Измена Родине», по которой осудили гражданку К.Г. Ефремову, прописана так:

«58-1а. Измена Родине, т.е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за

границу, караются высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества».

Судебное заседание по 58-й могло быть показательным и открытым – когда необходимы были далеко идущие политические и организационные выводы, как, скажем, суды над троцкистами. Были заседания, имевшие видимость объективного правосудия, когда к заранее намеченным статьям приговаривали граждан одного за другим или целыми группами. Групповые преступления при этом карались особо тяжко. Но со временем суды, как таковые, были подменены заседаниями «тройки» – военным трибуналом в составе: председатель и два заседателя при секретаре такого-то. Лишних вопросов не задавали, достаточно было одного: «Подсудимый, признаете ли вы себя виновным?», и дальше, независимо от ответа подсудимого, зачитывался заранее написанный приговор. Приговор подписывался «председательствующим по делу» и после утверждения следующей, более высокой инстанцией, вступал в силу. При этом приговор мог быть «обжалован в течение 72 часов с момента вручения его копии осужденному», что придавало судебному фарсу видимость истинного правосудия. Иногда свершались чудеса и приговор отменялся. Но часто и до копии не доходило: осудили – и к стенке.

Бабушка сказала: «судили много народу». Конкретно ее – после следствия, которое длилось полгода. Видимо, искали факты сотрудничества с захватчиками и не могли найти. Если бы хоть что-то нашли, дали бы «вышку», не задумываясь. Поскольку ничего не нашли, но уже арестовали, применили «смягчающие обстоятельства» – 10 лет. Тем более, что повод для ареста был: почему тебя, члена партии, немцы не расстреляли, почему сидела, сложа руки, не организовала хотя бы небольшой партизанский отряд и не пустила под откос пару поездов? Еще скажи спасибо, что смягчили. Ступай в ИТЛ с чистой совестью.

(Так я рассуждал, исходя из воспоминаний бабушки, записанных, когда ей было 87 лет, и дополненных моей фантазией. Но через некоторое время выяснится, что смягчающие обстоятельства в деле действительно были, но совершенно иные, основанные не на эмоциях, а на реалиях следственно-судебной практики тех лет.)

В 90-е годы, когда мы с Александром Нестеренко (вот ведь как сложилось – кубанским казаком, из Кореновска) собирали материалы для книги «Волчий камень. Урановые острова архипелага ГУЛАГ», нам пришлось не только перечитать множество судебных протоколов и воспоминаний участников подобных процессов, но и найти, в Ленинграде и на Чукотке, нескольких бывших узников – з/к, сидевших, кто в лагерях, где добывали урановую руду, а кто и в обычных зонах. Потом, через 15 лет, была работа над вторым изданием, и новые материалы. Но все, кого мы успели расспросить в начале 90-х, к этому времени уже отошли в мир иной.

Приступая к книге о судьбе родного мне человека (эту книгу я замышлял, как книгу о бабушке, первый вариант названия был «Своя и чужая», второй –

«Моя бабушка – враг народа»), я уже достаточно «проникся» лагерным бытом и лагерными порядками, но вдруг осознал: все действующие лица в «Волчьем камне» – мужчины. Теперь же речь пойдет о зонах женских, со всеми их особенностями: тяжело было выжить в этих зверских условиях и здоровым мужикам, а женщинам в роли рабочего скота – было тяжелее вдвое (читайте «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург). Тут один из ответов на вопрос, почему я посчитал себя обязанным, хоть на старости лет, написать эту книгу. Независимо от того, прочтут ли ее двадцать человек, или двадцать тысяч.

Бабушка никогда ничего не рассказывала о своем заключении. Так я считал до сего дня. Когда же случилось чудо, я поверил в него только потому, что ее рассказы о лагерях были записаны моей рукой.

На пожелтевших листах... Так обычно пишут, желая подчеркнуть антикварное значение представляемых записок, а заодно нагнуть побольше пафосного тумана. Но они действительно пожелтели за сорок лет, девять листочков недорогой, как раньше говорили – потребительской бумаги. Вместо заголовка – дата: 11 марта 1976 года. В качестве преамбулы – несколько строк от себя:

«Разговор зашел случайно.

Бабушка решила обрезать волосы. Я сказал, что, мол, плохая примета. Она улыбнулась:

– К смерти, что ли? А если не обрежу и помру – тогда что? Это я сейчас не обрезала, года с 54-го, а раньше-то – все время стригла. «Там»... надо было обязательно. Бывало, по месяцу в бане не мылись...

И пошли короткие истории. Пишу, что запомнил».

«До 47-го года политические сидели вместе с уголовниками, а мужчины – с женщинами, в разных бараках, но в одном лагере. Для детей до 3-х лет был отдельный лагерь – вольный. Матерей отпускали их кормить. После 3-х лет, если мать не освобождалась, их переводили в детдом.

memoria

«Инструкцией о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях», объявленной приказом МВД СССР № 0190–1947 г., предусматривалось создание специальных женских подразделений и только в исключительных случаях разрешалось размещать женщин в мужских подразделениях, но в отдельных изолированных зонах.

memoria

Меня перевели к уголовным – ночной дежурной: ослабла, работать не могла. А они так воровали, отвернешься – нет. За обедом, бывало, обернешься к соседу, ну, сколько времени пройдет? – повернешься, а пайки твоей нет. Или миску украдут. А миски все одинаковые. Перельют себе – иди ищи.

Так вот, не успела я перебраться к уголовным, как меня

обокрали. Пока ходила за постелью – а Женя как раз прислала посылку: сахар, бумага, еще что-то, – прихожу, ничего нет. Ну, я к старшей, у них там свой как бы атаман был. Так мол и так. Она расспросила: как, что? Мне говорит: ты выйди, мы тут сами разберемся. Пришла обратно – все на месте.

А через несколько дней у одной ночью пропала пайка хлеба. Утром проснулась – и на меня: ты украла! Шум подняла. Я ей говорю: зачем мне твоя, у меня своя есть. Шумели, пока их на работу не увели. Ну ладно, прошло несколько дней. Сiju ночью, вяжу, приходит женщина знакомая – сидим, разговариваем. Вдруг откуда-то мышей – целая стая, и пищат, дерутся. Разогнали – пайка обглоданная. Та самая! – думаем. Ну, убрали. Теперь-то уж мы двое видели. Утром показываю той, у кого пропала: твоя пайка? – Моо-я!?! Так и нечего было напрасно шум поднимать. Они, видно, затащили ее куда-то, под тумбочку или под кровать, а тут дележку начали...

Зиму жили в лагере, а летом – в летних лагерях, косили. Однажды до самой зимы, до морозов косили – кому это надо? Может, на подстилку?... Часто бывало: нет работы. Копаем траншею, назавтра закапываем. Послезавтра – опять копаем.

Однажды повели на сенокос – вчера косили, сегодня переворачивать. Только пришли – дождь. Пошли обратно. Пришли – дождь кончился. Опять на сенокос... (Тут я вставил: оно же мокрое, куда его переворачивать?) А лишь бы дело было. И вот так нас пять раз туда-сюда водили. А пришли обратно – обыск устроили. Работать-то не успели, что могли украсть? Ну, им главное время протянуть до конца дня. Так весь дождь на улице простояли. Больше часу обыскивали. Потом уж в зону пустили, стали сушиться...

В Серове было уже легче. Хороший начальник был и начальник политотдела тоже. Но начальник санчасти была настоящая змея. Как-то идем с сенокоса – 18 километров. На пути говорят: в лагерь не ходите, там карантин, идите в летний лагерь. Пошли. Но там нас что-то не пустили. Сказали: идите в детский. Туда – тоже не пустили. Дальше – в летние свинарники. Конвою надоело, да и мы устали, с инструментами – у меня коса, да постель. Пришли к своему лагерю и сели на тротуаре. А там тротуары деревянные, высокие – место болотистое. Сидим – человек триста. Идет начальник санчасти. Спрашиваем, почему не пускают. Говорит: карантин, и не думайте. И пошла. Так мы часа три сидели. Пока не шел мимо начальник политотдела. Он ко мне хорошо относился. Спрашиваю: гражданин начальник, долго мы тут сидеть будем? Он: а что такое? Узнал, пошел выяснять. И скоро – открыли ворота, пустили всех...

Как-то утром пришли косить. Вдруг трубят сбор. Начальство приехало. Проверочка. И к каждому: ты убил охранника? Как ты его убил? Да зачем же, отвечаем, нам его убивать?

А мы этого охранника как раз встретили, когда на работу шли. Я еще у него время спросила, а он ответил: половина первого. А тут с перепугу и память отшибло. А соседка и говорит: что ж ты не сказала про него? Ну, я: гражданин начальник, так и так, видели, он в ту сторону пошел. А они нам уже кричали: всех расстреляем, только выясним, как убили!

Ну, построили нас рядом – пошли лес прочесывать. И нашли. Он, вроде, говорил, что за зайцем погнался, да в лесу заблудился.

Ну, больше мы этого охранника не видели...

Однажды погнали нас на прополку – далеко, километров 18. Устали, ну, дали бы день отдохнуть. Нет – с утра погнали на работу. А я слабая была. И с каждым днем все хуже – на коленях-то. На третий день пошел дождь, нас погнали обратно. А я едва иду. Отстала. А охранникам это не нравится, дождь идет, торопятся. Ну, одного оставили меня подгонять. А они с собаками. Кричит: давай, бабка, скорей! Я: видишь, не могу. – А я тебя сейчас пристрелю и скажу, за попытку к бегству. – Да куда ж я бегу, все видели, какая я. – Ничего, спишут. И целится. А не стреляет. Я говорю: чего ж ты не стреляешь, стоишь, издеваешься? Потом начал собаками пугать: сейчас спущу! Спускай, говорю.

В конце концов – шли там сзади, тоже в лагерь, – поручил меня одной девушке. Так мы с ней и дошли...

Перевозили нас баржами из одного лагеря в другой. Дали сухой паек. А он такой маленький – можно за день съесть. А давали на пять дней. В первый раз – хлеб, все, как положено. Через пять дней пришли в одно место – нету хлеба, дали муки. И вот на стоянках вечером каждый себе варил: из картошки, крупы, муки варили болтанку. Вот уже к концу – осталось два дня, – сижу вечером на берегу, костерик разожгла, готовлю, думаю, как ее завтра на день разделить. Многие-то с утра съедят, в потом весь день голодные ходят.

Подходит женщина. А в темноте не видно – кто. Просит мыла: помыться хочу. Я: да берег-то высокий, как спустишься? Просила, просила. Тьфу, думаю, только отстань. Полезла в мешок – обернулась – ни ее, ни болтанки.

На другой день ничего не ела. А и так слабая была, а тут совсем. Приехали – повели к врачу. Он глядел, глядел, спрашивает: а как вы питались? Вы, говорю, у наших начальников спросите, чего нас спрашивать. – А все-таки? Ну, рассказала. Потом: Ефремова, у тебя дети были? – Были, двое. – А чем же ты их кормила, когда они родились? – Грудью.

А я такая худющая была, одна кожа, грудь совершенно плоская, как будто ничего и не было, вся кожа высохла. Ну, определили меня в 4-ю категорию. Самая последняя, ни

к какой работе не годные. Отправили в дом отдыха. (Тут я невольно задал вопрос: там и дом отдыха был? Да, говорит, был.) Был. Сначала издеваются, потом лечат. Не били, правда, и то ладно».

В основополагающих документах, на базе которых основывалась система ГУЛАГа, было понятие «больничные и оздоровительные учреждения». Видимо, «оздоровительно-профилактический пункт» или нечто подобное бабушка и назвала домом отдыха. Можно допустить, что такие пункты домами отдыха называли сами заключенные на своем сленге – как труднодостижимую мечту, как отголосок нормальной жизни.

memoria_____

«Специфическими для ГУЛАГа лечебно-профилактическими учреждениями являлись так называемые **оздоровительные пункты и оздоровительные команды**. Их прототипами были ночные санатории для рабочих, о которых первый нарком здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко писал в своей брошюре «Десятилетие Октябрьской революции и охрана здоровья рабочих», что это – «изобретение и детище советской медицины».

Оздоровительные пункты были образованы еще до войны под названием слабосильных команд или оздоровительно-профилактических пунктов. С началом войны они были ликвидированы, но из-за резкого ухудшения состояния здоровья заключенных их пришлось вновь открыть в 1942 году. Первоначально срок пребывания в них устанавливался в две недели. За первое полугодие 1942 г. через оздоровительно-профилактические пункты было пропущено 141 086 человек. За 11 месяцев 1944 г. через них прошло свыше 150 тыс. человек, а через оздоровительные команды – еще около 350 тыс. человек. В 1945 г. было развернуто 660 оздоровительных пунктов. Приказом НКВД СССР № 0154 от 27 мая 1946 г. предписывалось создать оздоровительные подразделения в 80 областях, краях, союзных и автономных республиках, всего – на 90 тыс. мест. Срок пребывания в них устанавливался в 3–6 месяцев. Рекомендовалось широко использовать трудовую терапию, лечебную физкультуру, организацию отдыха заключенных на открытом воздухе и пр.»

Наханетов Б.А. К истории санитарной службы ГУЛАГа
<http://historystudies.org/2012/06/naxapetov-b-a-k-istorii-sanitarnoj-sluzhby-gulaga/440/>

memoria_____

«А там парень был за старшего, из военных, дезертир, что ли. Вот ему сразу мои валенки приглянулись. Говорит: я тебя возьму посуду мыть. Какую, говорю, посуду, еле на ногах держусь. Ничего, отвечает, я тебя подкормлю.

И вот, вымою кое-как, а у меня кувшин такой большой был, наложит полный каши, а я и есть не могу. Отнесу к себе – там подруга была, учительница иностранных языков и художница, – она мне все открытки рисовала, я их домой посылала. (Домой – это значит, старшей дочери, моей маме. Про Виолетту мы до поры ничего не знали. Предполагали только, что после ареста бабушки она попала в детский дом. А открыток этих я не помню, видимо, не

сохранились. А жаль.) Тоже дохлая была. Так она этот кувшин – раз, и съест! Ну, потом и я ничего, поправилась.

Полтора месяца там была. А когда стали выписывать, парень этот говорит: давай валенками меняться, у тебя в зоне все равно их украдут. И пристал, пристал. Ну, и отдала. Хорошо еще, просил. А мог бы ночью взять, да и всё. Он мне в придачу еще сахара, продуктов дал. Валенки хорошие достать было трудно. А сахар у него был. У нас же и воровал...»

Этот рассказ, о котором я напрочь забыл, пролежал в моих бумагах 40 лет, и обнаружился именно теперь, когда сел за эту книгу. Его нашла Люба, моя жена, когда стала разбирать чемодан, не раз переезжавший за эти годы с квартиры на квартиру. Прочитав эти забытые строки, я смог, кроме всего прочего, ответить сам себе на некоторые вопросы.

Во-первых, выяснилось, что основной срок бабушка отбывала не только в Казахстане, как говорила мне она сама, но и на Урале. Думаю даже: сначала на Урале, а затем в Казахстане, где и оставлена была потом на поселение. Логика проста: в СССР был, да и теперь есть, лишь один город Серов, бывший Надеждинск, переименованный в 1939 году в честь известного летчика Анатолия Константиновича Серова, погибшего в авиакатастрофе. Его фамилию, кстати, носила всю жизнь первая его жена, знаменитая актриса Валентина Серова.

Во-вторых, нашелся ответ на загадку о реке Белой. Загадка эта содержалась в одном из бабушкиных писем в Певек, где я тогда работал, написанном в марте 1987 года. Там упоминались Серовская область и река Белая. Серовской области, как таковой, в Советском Союзе никогда не было. А вот рек с названием Белая по стране – больше сорока. Если проследить за бабушкиными переездами, то Белая есть в Невьянске, приток Нейвы (тогда, подумал я, это описка: не Серовская область, а Свердловская; соответственно, описываемые события происходили еще во времена Гражданской войны.), есть на юге Урала – в Башкирии, есть в Краснодарском крае – приток Кубани. Наконец, есть Белая, приток Иртыша, и в Казахстане, в Павлодарском крае. Теперь стало ясно, что речь в письме шла все-таки о Серове. Но есть ли в Серове река Белая? Ни в каких доступных мне справочниках таковой не оказалось. Полез в Интернет. И там – заметки из местной газеты о том, что в городе Серове очередное наводнение: разлилась река Белая! Смотрю многочисленные карты города. Нет Белой. Есть река Каква, идущая с запада на восток, на которой, собственно, и стоит город, есть в окрестностях другие реки, а Белой нет. И вдруг, на очередной карте, – Речка Белая, безымянная на других картах, голубая ниточка, тянущаяся через город Серов с севера на юг и впадающая в Какву.

Значит, один из лагерей, где бабушка отбывала срок, был в Серове. И в письме она писала именно о том времени, а не о Гражданской войне. Фрагментом из этого письма будет завершен бабушкин лагерный рассказ, тем более, что речь в нем, говоря современным языком, идет о вещах скорее позитивных (теперь ведь не принято общаться с людьми, от которых «исходит негатив»).

Эти несколько строк обнажают бабушкину поэтическую натуру, глубоко прятавшуюся от нас в повседневной жизни. Напомню: бабушке 87 лет.

«Добрый день, дорогой Гриша, шлю привет и добрые пожелания. Изю дня в день собираюсь написать тебе письмо, но никак руки не дойдут. Но сегодня решилась набраться смелости. Письмо с газетой мы получили, большое спасибо, я с удовольствием читала и вспоминала свое прошлое, правда, порой очень тяжелое. Но я все же находила красоту в природе, она на меня всегда производила особое впечатление. Одно время мы были в Серовской области, косили, вернее, заготавливали корм для кавалерии. Так вот там протекала река Белая, берега были очень высокие, покрыты сосной, кедром и березой. Нас к месту работы возили на лодках или на катере. Река очень широкая и тихая, бывало, едешь, как по зеркалу. А разрез берега очень был красив, в особенности во время заката, как будто разрисован: сверху зеленъ – лес, трава, дальше идет песок желтый, следующий слой белая глина, потом красная и дальше опять песок. Это все расположено по горизонтали, это такая незабываемая красота. А в одном месте был лес, по-моему, он назывался корабельным, и что интересно, деревья с корня стоят совершенно голые и только там где-то высоко-высоко зеленая крона. А впрочем, все это было так далеко, да тебе и не интересны старушечьи воспоминания...»

Да нет, бабушка Ксения (так она всегда подписывала свои письма: Бабушка Ксения, так же, Ксений, звали ее все близкие), было интересно, а сейчас – тем более. Сейчас я задал бы тебе вопрос географического характера. Хотя у меня и других вопросов немало. Ты уже не ответишь, но я попытаюсь все-таки восстановить какие-то факты, даты, события хотя бы по намекам, которые ты оставила.

Итак, город Серов, точнее, наверное, его окрестности, близкие и далекие. Что за лагеря там были, в каком из них находилась з/к Ефремова К.Г.?

Информация о городе Серове довольно скудна и однообразна. Местный Нестор, который написал бы историю города, еще не родился. Есть короткие и сухие исторические отчеты в Википедии, на сайте городской администрации, еще на нескольких сайтах: когда образовался, как назывался, когда и сколько раз переименовывался, где расположен, какова численность населения, что там за промышленность и какие люди из известных там проживали... А гулаговской эпохи вроде как бы и не существовало. Это при том, что в 40-х – начале 50-х, в те годы, о которых идет сейчас речь, на Урале действовала разветвленная сеть исправительно-трудовых лагерей, покрывавшая практически всю его территорию. В Свердловской области, в составе которой находится Серов, в этот период функционировали 11 лагерей союзного подчинения: Богословлаг, Севураллаг, Востураллаг, Лобвинлаг, Тавдинлаг, Тагиллаг, Ураллаг, Баженовский ИТЛ, ИТЛ-100, Ивдельлаг, Черноисточинский

ИТЛ. И в каждом из них были свои отдельные «хозяйства»: лаготделения, лаг-пункты, лагучастки... Какие из них располагались в районе Серова и какие из них были женские?

memoria_____

«По состоянию на 1 января 1949 года в ИТЛ и ИТК содержалось 2.356.685 заключенных, из них – 503.375 женщин, что составляет 21,4% к общей численности заключенных. Женщины с детьми и беременные составляют 6,3% общей численности заключенных женщин, содержащихся в лагерях и колониях. Из числа 26.150 женщин с детьми на 1 марта 1949 года – 1.874 содержатся в тюрьмах. Наличие этих контингентов осужденных женщин объясняется поступлением подавляющего большинства их в места заключения с детьми и в состоянии беременности. Случаи возникновения беременности в местах заключения незначительны, так как по существующему режиму содержания, женщины содержатся раздельно от мужчин».

Н.В. Петров «История империи ГУЛАГ»
<http://www.pseudology.org/GULAG/Glava17.htm>

_____memoria

Нашелся в Интернете лишь один добрый и помнящий родство человек, который пролил некоторый свет на темное серовское прошлое и произнес то, о чем местные, да и те, что неместные, историки умалчивают: легла и на Серов тень ГУЛАГа, нашлась и здесь работа его контингенту. Спасибо Вам, Анатолий Бояркин, за Ваши откровенные воспоминания. Вот отрывок из них:

Столица Северного Урала – г. Серов Свердловской области, при основании, – Надеждинск (1894)

Невольный страх на Урале подсознательно, у меня, по крайней мере, вызывают связанные с прошлым названия: Гарц, Ивдель, Полуночное, Тагилстрой, – могильное есть что-то в этом сочетании. Не секрет, что и Магнитка, и другие стройки – скорее стройки ГУЛага, чем комсомола. Кто сомневается, – Бог тому судья.

Не зря, вероятно, ещё долго были популярными слова песни Юза Алешковского: «Вы здесь из искры разжигали пламя, – спасибо, вам, – я греюсь у костра»...

За колючкой колонии родилась и моя жена. Людей освобождали, а жизнь, свободная и счастливая («За детство счастливое наше, спасибо, Родная страна!») продолжалась на том же месте, которое давным-давно стало для них родным домом без преувеличения.

Свои дома разрешили строить только после смерти друга всех детей. Вначале дом срубили дед с бабушкой – там же возле колонии, а потом появился и дом для дочери с семьей. И тот и другой на болоте, ими же и осушенном.

Колонией в городе Серове Свердловской области по сей день называют место на берегу реки Каква рядом с металлургическим заводом. Даже я в 70-е застал там бараки, в которых когда-то жили спец.поселенцы. Бабушка повторяла за охраной, – «нацмены», хотя, в основном, это были её земляки,

которых охрана не отделяла от многочисленных здесь татар, башкир, вогулов, манси. Сами спец.поселенцы называли их «вольняшками».

В верховьях реки: Серовский ферросплавный, Богословский медеплавильный, Североуральский, угольные шахты, – будущие флагманы советской металлургии только строились, а руда и уголь для них уже вовсю добывались.

Надеждинский металлургический дал свой первый металл ещё в 19 веке.

Древесный уголь для металлургического производства получали в печах рядом с колонией. Это место до сегодняшнего дня называется «углежжением». Лес, вернее, дрова везли по железнодорожной ветке из пригорода под названием «лесозавод».

Колония была в центре треугольника из метзавода – углежжения – лесозавода и все они на берегу горной речки Каква.

Трудно поверить, но и оставшиеся вышки, а местами и колючку по периметру никто не убирал. Зарастали они сами крапивой, к ним привыкли, никто не обращал на них внимания. Да и как не привыкнуть, когда даже вооруженную охрану сняли только в 50-е.

03.03.14. Анатолий Бояркин
<http://www.okorneva.ru/stolitsa-severnogo-urala--g-serov-sverdlovskoy-oblasti-pri-osnovanii---nadejdinsk-1894/>

У каждого из перечисленных лагерей и колоний Урала была своя производственная специфика. Например, Севураллаг и Ивдельлаг относились к «лесным», которые занимались лесозаготовкой. Начиная с 1930-х годов и до окончания ГУЛАГа лесная промышленность СССР считалась наиболее гулаговской отраслью. Может быть, именно в этой системе был тот сельхозлаг, в котором в городе Серове, или где-то рядом, отбывала наказание бабушка?

Впрочем, нет смысла задавать новые вопросы – без надежды найти ответы. А что известно – то сказано.

Написал последнюю фразу, которую посчитал достаточно эффектной (журналистское прошлое!) для завершения главы... И вспомнил: надежда умирает последней. Короче говоря, у меня появился очередной вопрос: могло ли сохраниться, а если сохранилось – то где, лагерное дело з/к Ефремовой? Дело, в котором найдутся все вехи ее лагерных скитаний. А вдруг?

Казахстан, где закончились эти скитания, теперь другое государство. Надежды никакой. Отправил запрос в Главное управление МВД по Свердловской области.

Ответ не заставил себя ждать:

«Уважаемый Григорий Аркадьевич!

Информационный центр ГУ МВД России по Свердловской области не располагает сведениями о пребывании в местах лишения свободы Свердловской области Ефремовой Ксении Герасимовны.

Личные дела осужденных, освобожденных из мест лишения свободы, хранились в учреждении по месту осуждения 5 лет после освобождения и уничтожались за истечением срока хранения.

Постоянный срок хранения имеют только дела осужденных, умерших в местах лишения свободы».

Вот теперь, «за истечением срока хранения», действительно могу поставить в этой главе последнюю точку.

Глава шестнадцатая. На Урицком направлении

30 сентября фашистские дивизии были остановлены у стен Ленинграда. И наши, и немецкие войска начали окапываться, переходя к обороне. Никто тогда, конечно, не знал, что это великое противостояние двух армий продлится больше двух лет – до января 1944-го. Не знал этого и младший лейтенант Аркадий Иоффе, обживавший в те дни со своим взводом позиции в районе Лигово, у развилки Петергофского и Таллинского шоссе. Причем, на передовой, в пехотных порядках, где прожектористам, казалось бы, делать нечего. Прожекторная станция на виду у врага – идеальная мишень. И тем не менее – была передовая и были прожекторы. А еще были кони. Когда-то папа рассказывал про лошадь, на которой он ездил во время блокады по служебным делам в город и даже «заскакивал» на ней домой, на Аптекарский переулок. А дела были несколько необычные как для прожектористов, так и для пехоты.

Читая книгу «Прожекторные войска...», на страницах 51–52, в воспоминаниях полковника М.А. Родионова о тех днях, когда он был молодым лейтенантом, упираюсь взглядом в следующие строки:

«...В июле 1941 года командование 2-го ЗПрП создает две конно-прожекторных роты. Я попал в 20-ую роту. Командиром роты был назначен л-т Валеров. В роте было три взвода. Первым взводом командовал л-т П.А. Ходасевич, 2-м М.А. Родионов, а 3-м мл. л-т Л.Т. Иоффе».

Это еще не вся цитата, но я вынужден сделать паузу и выдохнуть. Вот: этот самый товарищ Родионов не только служил с папой в одной роте, он, оказывается, был, к тому же, командиром соседнего взвода. Перепутанные инициалы меня не смущают. Во-первых, все совпадает с папиными рассказами, во-вторых, вряд ли мог быть в полку, точнее – в списочных составах двух рот, второй младший лейтенант с такой же фамилией. Тем не менее, для очистки совести, как говорится, я попытался в доступных мемуарах и документах найти не только в полку, но и во всем 2-м корпусе ПВО хоть кого-то из наших однофамильцев. И одного нашел. В изданном в 1981 году военным издательством министерства обороны СССР труде «Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне 1941–1945. Краткая хроника» прочитал: «12 марта – чет-

верг... Личный состав 72-го отдельного радиобатальона ВНОС (созданного в Ленинградском военном округе еще до войны, в апреле 1941 года. – Г.И.) поддержал почин воинов зенитной батареи старшего лейтенанта Прусса, выступивших с призывом бороться за сокращение времени боевых нормативов. Радиолокаторщики добились высоких результатов. В частности, на кодирование цели по нормативам предусматривалось 3 секунды, а лейтенанты Кутьин и Иоффе осуществляли эту операцию за 2 секунды).

Конечно, это был другой человек. Во-первых, лейтенант, во-вторых, служил он в другом подразделении, в-третьих, в марте 1942 года, когда произошли эти события, папа был уже очень далеко от Ленинграда.

Чужие инициалы не смутили меня и еще по одной причине. Читая книгу Зинченко и Киселева, в которой приведены воспоминания Родионова, изданную, напомним, тиражом 100 экземпляров и, по всей видимости, в авторской редакции, я то и дело наталкивался на элементарные ошибки и опечатки. Чесменскую церковь, например, авторы называют Чосменской, перед фамилией капитана Голубецкого в одном месте стоят инициалы Д.С., в другом – Д.Ф. То же и с папиными инициалами. Хотя и не совсем то же. Скорее всего, авторы пользовались рукописными воспоминаниями уже немолодого полковника Родионова, и не вполне разобрали его старческий почерк: «А» вполне могли принять за «Л», а «Б» – за «Т».

Но читаю дальше воспоминания Родионова:

«На складе получаем самые настоящие пулеметные тачанки, коней и пехотные прожектора (диаметр отражателя 40 см) и к ним двигатели типа Л-6.

В пересыльном пункте набираем солдат, обучаем их прожекторному делу и 13 сентября 1941 года отправляемся на передовую с задачей – светить по смотровым щелям фашистских танков в случае их ночной атаки.

Со своим взводом я попал в расчет на передовую 14-го краснознаменного мотострелкового полка 21-й мотострелковой дивизии НКВД.

Перед каждым вечером приходилось заводить движок, на что “пехота” возмущалась, т.к. немцы тут же открывали беспощадный минометный огонь, ориентируясь на шум движка. К нашему счастью ночной атаки немецких танков так и не было. Немцы, потеряв надежду на штурм Ленинграда, зарылись глубоко в землю. Фронт стабилизировался».

Возможно, на первых порах, когда немцы еще наступали, у прожектористов действительно был такой приказ: светить в лицо вражеским танкистам. Но на практике прожектористы стали пехотинцами, участвуя в боевых действиях наравне с мотострелками. Об этом свидетельствует папин рассказ, который на этих страницах продолжит и дополнит воспоминания его коллеги взводного Родионова.

9 мая 1975 года, в день 30-летия Победы над Германией, мы ездили всей семьей в те места, где стоял папин взвод, на бывшую передовую, и он показывал место, где находился его блиндаж. Это был поросший травой косогор, еще не тронутый в то время благами цивилизации. А в 2004-м Гена возил его туда

в последний раз. Папе было уже 85 лет. И вот что он написал через несколько месяцев после этой поездки.

Газета «Санкт-Петербургские ведомости», 9 мая 2005 года. Специальный бесплатный выпуск, посвященный 60-летию Великой Победы:

Противник – ослеплен, атака захлебнулась

Прошло уже более шестидесяти лет, а тот минометный взрыв все еще стоит перед глазами. Друг вышел из блиндажа к умывальнику, и в этот момент – оглушительный удар... А ведь я сам несколькими секундами раньше был на этом месте, где теперь зияла воронка и клубился черный дым...

Осенью сорок первого мне, молодому лейтенанту, командиру взвода, довелось участвовать в мало кому сегодня известной военной акции на Урицком направлении, когда Ленинградским фронтом командовал Георгий Константинович Жуков. По приказу командования на базе 2-го прожекторного полка ПВО была сформирована рота полевых прожекторов ПП-50 с подъемным устройством. Эти прожекторы устанавливали на тачанки с конной тягой. Они были похожи на зенитные прожекторы, освещавшие ночное ленинградское небо, но уступали им по мощности.

Созданную в короткий срок роту полевых прожекторов передали под командование 14-го Краснознаменного мотострелкового полка 21-й мотострелковой дивизии НКВД. Чтобы предотвратить прорыв гитлеровцев через Урицк в Ленинград, этой дивизией укрепили 42-ю армию.

Наш взвод занял позицию в районе Лигова. Совсем недавно довелось вновь побывать там, у развилки Петергофского шоссе, сфотографироваться с семьей у обелиска павшим. Трудно теперь узнать те места, где мы воевали. Однако участок, где располагался тот самый блиндаж, я определил точно.

Какие же военные задачи выполнялись с помощью наших передвижных прожекторов? Главная – внезапно ослепить противника и дать возможность нашим огневым средствам вести прицельный огонь. Под ярким светом прожекторов немцы впадали в панику и нередко несли ощутимые потери, так как на вооружении у нас помимо самих прожекторов были еще противотанковые ружья, гранаты и самозарядные винтовки зарубежного производства. Впервые опробованная нами тактика освещения противника полевыми прожекторами применялась затем не раз, в том числе и в 1945 году при наступлении на Берлин.

Но вернемся в октябрь 1941-го. Контратаками, которые стали возможны также благодаря применению прожекторов, войска Ленинградского фронта вынудили противника перейти от наступления к обороне. Хотя, конечно, гитлеровцы не прекращали попыток обстрела наших позиций и часто пробовали атаковать, ведя минометный огонь.

Наш военный труд казался нам тогда делом не героическим. Лишь теперь начинаешь с гордостью осознавать, что вместе со своими боевыми товарищами тоже внес вклад в сохранение нашего прекрасного города.

Аркадий ИОФФЕ,
ветеран Великой Отечественной войны

Из книги Галины Зябловой «Строка на обелиске»:

«Когда 31 августа руководители 21-й дивизии НКВД прибыли на первую рекогносцировку участка обороны и остановились на окраине Автова у полотна железной дороги, близ кладбища Красненького, видимость переднего края в направлении Стрельна – Урицк – Красное Село – Пулковое оказалась нулевой. Шереметевский парк, поселки Княжево и Дачное затрудняли обзор, они же могли дать врагу возможность сосредоточить под их прикрытием силы для броска к Автову.

Командир 21-й стрелковой дивизии Михаил Данилович Папченко... предложил переменить расположение линии обороны. Командиры направились дальше и остановились у развилки дороги Ленинград – Стрельна – Красное Село. (Той, где сфотографированы в 2004 году у обелиска папа, мама и Гена. – Г.И.) Здесь обзор открывался широкий: видны были Горелово, Константиновка, Красное Село, Финское и Русское Койрово, Кискино, Пулковое, мясокомбинат.

«Это и натолкнуло меня на мысль о выдвигании внешнего обвода города навстречу врагу, на рубеж: Финский залив – клиновские дома – юго-западная окраина Лигова – деревня Новая – Койрово – Авиагородок – Купчино – Мурзинка, – писал в своих воспоминаниях о войне М.Д. Папченко. – Это решение оправдывал и тот факт, что наши тылы в Шереметевском парке и в населенных пунктах становились невидимыми для врага».

План был принят Военным советом фронта».

Здесь, прежде чем вернуться к делам прожектористов, самое время рассказать о 21-й мотострелковой дивизии НКВД, в которой папа провоевал до февраля 1942 года. И не только потому, что «там был папа». Думаю, памятная справка Военно-исторического клуба «Ленинградец» будет интересна читателю сама по себе. Когда слышишь словосочетание со зловещей аббревиатурой «НКВД», в голове возникают самые разные и далеко не восторженные картины. Что же кроется за словами «дивизия НКВД» на деле?

21-я мотострелковая дивизия внутренних войск НКВД СССР

Сформирована июле–августе 1941 г. на базе 13-го оперативного полка НКВД, 14-го мотострелкового полка НКВД, 6-го – Ракверского и 8-го – Хаапсалуского погранотрядов Прибалтийского пограничного округа, охранявших южное побережье Финского залива. В дивизию влилась окружная школа младшего начсостава пограничных войск. Командовал дивизией полковник Папченко М.Д.

В 14-й полк входили: личный состав 14-го Краснознаменного мотострелкового полка НКВД, подразделения 33-го и 5-го погранотрядов, вышедшие из боев на Карельском перешейке, Окружная школа младшего начсостава погранвойск. Командир полка – подполковник Родионов В.А. (начальник Окружной школы младшего нач. состава). 3–4 сентября 41 г. полк занял участок обороны: **Финский залив, юго-восточная окраина Урицка, Балтийская железная дорога.** (Из воспоминаний комиссара полка И.И. Агашина: «Осенью 41-го ширина участка обороны нашего полка составляла около семи тысяч метров. – Г.И.)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ

191025, С.-Петербург,
ул. Марата, 25www.spbvedomosti.ru
post@spbvedomosti.ru

Основана в 1728 году

Византизм победителей. Ленинград, 1945 г. Фотографии из Центрального государственного архива кинофотодокументов.

60 лет Великой Победе!

Дорогие фронтовики!

С вами мы отмечаем Победу. Эта привилегия входить в историю, ставя закон не только военных побед. Еще не раз она выведет в мировой жизни, поможет нашему поколению выстроить сильную, процветающую страну, выстроить российское будущее демократично и свободно. Наш народ прошел не одну войну, и потому мы знаем цену миру, знанию, что мир — это прежде всего прочность, законность и благополучие людей. Они — основа внутренней и внешней силы России, ее обороноспособности и безопасности. И эту задачу — возложить тайну мы передадим нашим детям.

9 Мая вспоминают тех, кто не дождался праздника Победы. Это наша непреходящая боль. И скитая долг — уважать память, стелю, возвышающую в родной земле и на полях сражений Европы. Наш народ отдал победу все. Мы помним не только подвиг бойца. Честь и слава вам, героическим труженикам тыла, нашим ровесникам, кто в изнурительные дни войны, делая сверхчеловеческие усилия, ставил на ноги раненых, кто терпел, верил и ждал.

Владимир ПУТИН,
президент Российской Федерации

Дорогие ветераны, участники Великой Отечественной войны, защитники Ленинграда, жители блокадного города! Дорогие ленинградцы-петербуржцы! 60 лет прошло с того дня, когда закончилась самая страшная и кровопролитная война в истории человечества. 60 лет прошло с того дня, когда наш народ совершил величайший подвиг по мере жизни на земле, оставив чудовищную машину смерти, имя которой фашизм. Эта победа досталась нам огромной ценой, ценой неисчислимого страдания и потерь, ценой тяжести, которую невозможно выразить словами, потому что просто не существует таких слов.

Нет такой семьи, в которой война не принесла бед. И в знак об этом не по школьным учебникам. Мой отец вернулся с фронта героем. Но выпавшее на мою долю счастье — расти в большой, крепкой, дружной семье — принадлежало моему отцу. Очень тяжело было жить с отцом, да и с собой бороться. И потому не стало. Нас было трое, и мама осталась с нами одна. Как и многие мои сверстники, дети посланных лет, мы не знали детства, беззаботности и того повседневного счастья, которое мы любим больше всего. Мы были вынуждены с детства учиться выживать, мы восстанавливали то, что разрушила война, строить новую жизнь.

Жизнь во имя счастья тех, кто придет после нас. Поэтому ослепило бы ни смелости поколений. День Победы останется самым дорогим и священным праздником, великим днем освобождения. В этот день благодарю наших соплеменников, чужеземцев, получивших шанс, обретенный на пути к миру, в который можно любить и верить, строить дома и воспитывать детей.

Дорогие ветераны! Ваш подвиг — это величайший пример мужества, самоотверженности и героизма для всех людей мира, которые выступают сегодня против фашизма, терроризма и насилия. Именно поэтому День Победы стал международным праздником, торжеством, в котором мы — главные герои. Ваш подвиг бесмертен. Ваш мужество беспримерно. И для человечества перед вами безграничен. Сколько бы не прошло лет с того майского дня, наша благодарность не иссякает.

От всего сердца и хочу поздравить каждого из вас, дорогие ветераны, жены-освобожденные, солдаты, труженики тыла, защитники Ленинграда и жители блокадного города с Днем Великой Победы! Мира вам, счастья, крепкого здоровья, долголетия, тепла и заботы близких!

Особенно хочу обратиться к жителям Петербурга. Дорогие наши дети! Дай Бог, чтобы наш город так никогда больше не знал голода и бомбежек. Дай Бог, чтобы в нашей жизни никогда не повторилось то же, что и в жизни вашего дедушки. Так берегите его! Будете достойны тех, кто отстоял нашу страну.

Валентин МАТВИШЕНКО,
губернатор Санкт-Петербурга

Дорогие ветераны! Уважаемые жители Ленинградской области!

От всего сердца поздравляю вас со светлым праздником — шестидесятилетием Победы в Великой Отечественной войне. 9 мая 1945 года ознаменовался выдающимся подвигом наших соплеменников, которые отстояли свободу мира, и совершили подвиг во имя многого поколения на современной истории. Без победы со всего народа в Великой Отечественной войне трудно представить наше настоящее и будущее. Мы не вправе забывать уроки, от нас и наших детей, завоевание столь высокой ценой.

Ленинградскую область война не обошла стороной. Население голодало, переживало лишения, Лужский рубеж, Свинцовые высоты — эти и другие названия войны связаны с именами героев, проливавших на Ленинградскую землю. Через Ленинградскую область эвакуировали раненых, женщин и детей из блокадного Ленинграда. На территории нашего региона оставлены были не только фашистские подпольщики и партизаны. Город обеспечивал продовольствием по плану Ленинградского округа.

В Ленинградской области почитают бесстрашных героев, создателей комсомола и парадных, героическую самоотверженность тружеников тыла — всех, кто приближал Великую Победу. Вы, дорогие ветераны, восстанавливали родной край и тем самым послужили делу, создавая нынешнюю мощь нашей промышленности и сельского хозяйства. Ваш пример трудолюбия, достоинства является образцом для будущих поколений. Нашей задачей является забота о ветеранах и тружениках тыла. Проявляя искренней признательности за патристическое воспитание молодежи, смелости в отстаивании чести России.

Светлая обязанность каждого из нас — постоянно, а не только по торжественным дням поддерживать память о своем поколении. Пусть область не останется в стороне от жизни, не останется в стороне от жизни, и мы продолжим помогать ветеранам в решении бытовых, социальных и других вопросов.

Спасибо вам, герои!

Поклон всем, кто сражался в боях Великой Отечественной или фронтом. Наш народ прошел не одну войну, и потому мы знаем цену миру, знанию, что мир — это прежде всего прочность, законность и благополучие людей. Они — основа внутренней и внешней силы России, ее обороноспособности и безопасности. И эту задачу — возложить тайну мы передадим нашим детям.

9 Мая вспоминают тех, кто не дождался праздника Победы. Это наша непреходящая боль. И скитая долг — уважать память, стелю, возвышающую в родной земле и на полях сражений Европы. Наш народ отдал победу все. Мы помним не только подвиг бойца. Честь и слава вам, героическим труженикам тыла, нашим ровесникам, кто в изнурительные дни войны, делая сверхчеловеческие усилия, ставил на ноги раненых, кто терпел, верил и ждал.

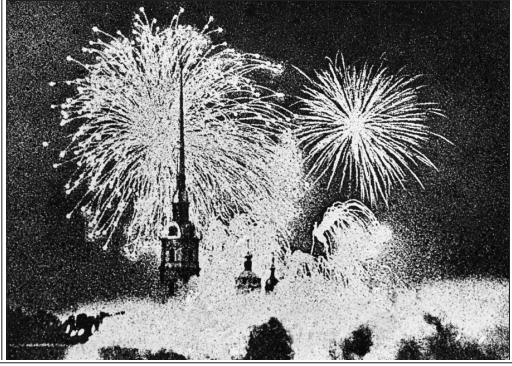
Но 60-летие Победы — особый праздник.

Потому что многие наши ветераны уже достигли преклонных лет, и для них нынешний юбилей имеет свое пронзительное звучание. Это и сегодняшний праздник, и другая горечь. Некоторые наши соседи по Европе ухитрились за великий юбилей, чтобы поскорее забыть о себе. Им не близка позиция сегодняшней Германии, открыто признающей свою ответственность за случившееся в годы второй мировой. Им хочется перевернуть все с ног на голову. Своих карателей, служивших Гитлеру, признавать почтенными ветеранами войны. А наших ветеранов, соот-

ветственно, карателями и оккупантами.

Не выйдут, господа хорошие! Историю не удавалось переписать и более мучительным политиком. Видно, как просто нервничает, что главный герой Дня Победы — русский солдат, которого мы до сих пор почитаем.

Да, это праздник русского солдата. И это наш национальный праздник, когда все россияне чувствуют себя единым народом. Великий наш, способный на многое. Кто знает, может быть, именно 60-летие Победы станет опорной точкой для нового возрождения России! Спасибо нам, победителям!

Аркадий ИЮФЕ,
ветеран Великой
Отечественной войны

Противник — ослеплен, атака захлебнулась

Прошло уже более шестидесяти лет, а тот минометный взрыв все еще стоит перед глазами. Друг вышел из блиндажа к уму-вадуму, и в этот момент — оглушительный удар... А ведь я сам несколькими секундами раньше был на этом месте, где теперь зияла воронка и клубился черный дым.

Осенью сорок первого мне, молодому лейтенанту, командир взвода, довелось участвовать в мало кому сегодне известной военной акции на Урицком направлении, когда

Ленинградским фронтом командовал Георгий Константинович Жуков. По приказу командования на базе 2-го прожекторного полка ПВО была сформирована рота полевых прожекторов ПП-50 с подъемным устройством. Эти прожекторы устанавливали на железнодорожных платформах и с помощью кранов тащили к оной тягой. Они были похожи на зенитные прожекторы, освещавшие ночное ленинградское небо, но уступали им по мощности.

Созданную в короткий срок роту полевых прожекторов

передали под командованием 14-го Краснознаменного мотострелкового полка 21-й мотострелковой дивизии НКВД. Чтобы предотвратить прорыв гитлеровцев через Урицк в Ленинград, этой дивизией укрепили 42-ю армию.

Наш взвод занял позицию в районе Лигова. Совсем недавно довелось вновь побывать там, у развалин Петергофского шоссе, сфотографировать им по мощности.

Трудно теперь узнать те места, где мы воевали. Од-

нако участок, где располагался тот самый блиндаж, я определил точно.

Какие же военные задачи выполняли с помощью наших передвижных прожекторов? Главная — внезапно ослепить противника и дать возможность нашим огненным средствам нанести прицельный огонь. Под ярким светом прожекторов немцы впадали в панику и нередко несли ощутимые потери, так как на вооружении у нас помимо самих прожекторов были еще

и самозарядные винтовки, а также минометы. Первые опробованные нами тактика освещения противника полевыми прожекторами применялась затем не раз, в том числе и в 1945 году при наступлении на Берлин.

Но вернемся в октябрь 1941-го. Контратаками, которые стали возможны также благодаря применению прожекторов, войска Ленинградского фронта вынудили противника перейти от наступления к оборо-

не. Хотя, конечно, гитлеров-

цы не прекращали попыток обстрела наших позиций и часто пробовали атаковать, ведь минометный огонь. Наш военный труд казался нам тогда делом не героическим. Лишь теперь начинаешь с гордостью осознавать, что вместе со своими боевыми товарищами тоже внес вклад в сохранение нашего прекрасного города.

8-й полк состоял из 8-го погранотряда и совпартактива Невского района Ленинграда. Командир полка – полковник Демидов С.П. Позиции на 3 сентября 41 г. – район Балтийская железная дорога, р. Дудергофка, Лиговский канал.

6-й полк состоял из бойцов 6-го погранотряда и совпартактива Московского района Ленинграда. Командир – полковник Нестеров. Полк вышел на рубеж Аэропорт, Средняя Рогатка, Витебская железная дорога.

35-й полк полковника Ефимова находился во втором эшелоне дивизии. 13-й полк нес охрану Смольного.

Кировский завод передал дивизии 75 отремонтированных орудий без панорам и 18 пушек, смонтированных на автомашинах, в качестве подвижного резерва. Для укомплектования орудийных расчетов в дивизию были направлены 1500 человек из городской милиции, все бывшие артиллеристы.

С 3 по 12 сентября полки оборудовали полосу обороны и несли заградительную службу на Таллинском и Пулковском шоссе, по которым отступали разрозненные части Красной Армии. В инженерных работах принимали участие рабочие Кировского завода. Они монтировали на позициях стальные бронеколпаки и бронещитки. В ночь на 12 сентября через боевые порядки дивизии прошло большое количество беженцев и военнослужащих Красной Армии. 13 сентября в районе Урицка и Старо-Паново пограничники 21-й дивизии вступили в непосредственное соприкосновение с противником. Удар нанесли передовые части 58-й пехотной и 36-й моторизованной дивизий Вермахта. На рассвете 14 сентября позиции пограничников подверглись массированному налету немецкой авиации. Одновременно противник начал артиллерийский обстрел позиций, а затем и штурм рубежей, занимаемых 21-й дивизией.

На помощь пограничникам пришли наши тяжелые артополки и корабельная артиллерия Балтийского флота. Артиллерийский удар был нанесен по скоплениям пехоты и танков противника западнее Урицка и Старо-Паново. Немецкие танки и пехота, перешедшие в атаку вдоль насыпи Балтийской ж/д, были встречены огнем противотанковых пушек. 15 сентября бои продолжались на прежних рубежах. Все попытки противника продвинуться вперед успеха не имели. В полосу обороны дивизии была введена 56-я стрелковая дивизия полковника Кузнецова.

С 16 сентября 1941 г. 21-я дивизия НКВД вошла в состав 42 армии. 17 сентября в контратаку на Старо-Паново была брошена ударная группа под командованием комбата Семина – батальон 85-го железнодорожного полка НКВД, 250 бойцов 14-го полка 21-й дивизии и подразделения ополченцев. Бойцы достигли вражеских окопов и навязали немцам рукопашный бой. Овладеть Старо-Пановом не удалось, но выходы из Урицка были прикрыты. Несмотря на огромные потери, немцы не смогли преодолеть рубежи, занимаемые 21-й дивизией НКВД, и к вечеру 17 сентября были вынуждены прекратить атаки и перейти к обороне. Пограничники также продолжали укреплять свои позиции. На участок, занимаемый 14-м полком, прибыли 10 танков КВ (командир танкового батальона майор Проценко). Танки были установлены в качестве огневых точек южнее Шереметевского парка (Шереметевский парк, ныне парк Александрино, избрал для своего командного пункта и командир 14-го полка подполковник Родионов. – Г.И.). Там же заняла позиции зенитная батарея капитана Морева, а в районе Автово разместился 14-й полк тяжелой артиллерии. Враг был остановлен, на занимаемых позициях дивизия осталась до января 44 г.

В октябре 41 г. части дивизии совместно с танками майора Проценко пытались прорваться навстречу десанту, высаженному в Стрельне. Но оборону противника преодолеть не удалось. Больше на участке обороны 21-й дивизии значительных наступательных операций не проводилось, не считая периодической разведки боем, и беспокоящих действий по отношению к противнику. В октябре 41 г. в 14-м полку дивизии по инициативе лейтенанта Буторина начало развиваться снайперское движение.

Весной 42 г. в Урицк прибыл Норвежский добровольческий легион СС. 16 апреля 42 г. под Урицком вторая рота 14-го полка 21-й дивизии вступила в бой с легионерами. Норвежцы, проделав проходы в заграждениях, продвинулись к нашим позициям и ворвались в траншеи. Но, вступив в рукопашную схватку с пограничниками и потеряв более 200 человек, вынуждены были отступить.

В соответствии с постановлением ГКО СССР от 26 июля 42 г. № 2100сс 21-я стрелковая дивизия НКВД передавалась из подчинения Наркомата внутренних дел в состав Красной Армии. С 16 августа 42 г. дивизия стала именоваться 109-й стрелковой дивизией (2-го формирования).

К сказанному надо добавить, что штаб дивизии находился всего в двух километрах от передовой, в здании, где до войны располагалась больница имени Огюста Фореля (проспект Стачек, 158). В народе говорили просто: больница Фореля, а трамвайные кондукторы по пути в Стрельну объявляли еще проще: следующая остановка – Форель.

memoria_____

**Дача К. Сиверса – Усадьба Г.А. Потемкина –
Больница «Всех скорбящих» –
Больница имени О. Фореля – «Кировский городок»
(пр. Стачек, дома 140–158)**

Петр I пожаловал этот участок адмиралу И.М. Головину, после смерти которого земля была разделена на равные части его сыновьями бригадиром И.И. Головиным и вице-адмиралом А.И. Головиным.

Гофмаршал при дворе Елизаветы Петровны К.Е. Сиверс приобрел западный участок в конце 40-х гг. XVIII в., а спустя два десятилетия – и восточный участок. Кроме того, в состав имения Сиверса вошел и участок бывшего имения Ф.М. Апраксина, примыкавший к усадьбе Головина с запада. На месте старых деревянных построек по заказу Сиверса архитектором Б.Ф. Растрелли был возведен каменный двухэтажный дворец в стиле барокко. Центральная часть подчеркивалась пышным подъездом, к которому вели два пандуса. Над подъездом – крытый балкон, завершенный сложным картушем. Фасады были акцентированы пилястрами, кровли имели сложные очертания. В отделке обильно использовалась скульптура. Дворец располагался на природной террасе, ниже которой проходила Петергофская дорога. Дополняли ансамбль два отдельно стоящих флигеля и регулярный парк с прудом. Строительство дачи Сиверса было завершено в 1761 г.

Затем дача перешла во владение Г.А. Потемкина, была приобретена у Потемкина императрицей Екатериной II и пожалована графу И.А. Остерману, вице-канцлеру,

дипломату, главе коллегии иностранных дел. Для него дворец был перестроен в стиле строгого классицизма. Многие исследователи полагают, что руководил перестройкой И.Е. Старов. Растреллиевский подъезд был превращен в высокую трехъярусную башню с часами, завершенную бельведером.

В 1808 г. дачу приобрел князь П.П. Щербатов – последний частный ее владелец, который в 1828 г. продал усадьбу в казну для устройства в ней больницы для умалишенных – первой государственной психиатрической больницы в Петербурге. Главное здание после пристройки двух больничных корпусов приобрело в плане форму буквы «П». Внешний вид зданий после этой перестройки больше не менялся, дальнейшие перестройки в середине XIX в. касались лишь внутренней планировки и пристройки новых клинических корпусов. В главном корпусе располагались церковь, контора, приемные комнаты, столовые, отдельно для мужчин и для женщин, и залы, также отдельные для мужчин и для женщин, для «спокойных» больных. Из главного корпуса просторные коридоры вели в боковые флигели – мужской и женский.

Первоначально больница была рассчитана на 120 человек (70 мужчин и 50 женщин), но вскоре этих мест стало не хватать. Корпуса флигелей стали удлинять, пока они не образовали замкнутого каре со внутренним двором. На территории больницы появились павильоны для содержания больных, дома для проживания персонала, хозяйственные постройки.

В 1847–1850 гг. были возведены корпус для служащих больницы (пр. Стачек, 160) и корпус для неизлечимых больных (д. 148), а в 1853 г. выстроена каменная часовня для отпевания.

Бывшая больница имени Фореля. 1942 год. Фото Н. Хандогина

Больница на дореволюционном снимке

В 1922 г. больницу назвали именем швейцарского невропатолога и общественного деятеля Огюста Анри Фореля, который дружил с А.В. Луначарским и высказывал свои симпатии к СССР. Церковь ликвидировали, ее помещение передали под клуб.

Больница им. Фореля просуществовала до 1941 г., когда, при приближении линии фронта, была эвакуирована. В здании находились командные пункты ряда воинских частей, оборонявших Ленинград. В 1941 г. здесь находился штаб 21-й дивизии НКВД, принимавшей участие в обороне города. После войны усадьба представляла собой руины.

В конце 1940-х гг. обсуждался вопрос о реставрации архитектурного памятника, однако было принято решение реконструировать его под Дом культуры, дополнив жилыми домами для рабочих Кировского завода. Цен-

тром городка стал прежний дворцовый комплекс, надстроенный до трех этажей, по бокам которого возвели две семиэтажные башни. Центральную башню главного здания снесли. Флигели были надстроены до четырех этажей.

Все постройки были решены в традициях классической архитектуры и составляли единый ансамбль. Был сохранен старинный пруд и вековые деревья. От подлинного дворца эпохи классицизма сохранились одноэтажные тосканские колоннады. Частично уцелел обращенный к парку фасад дворца времен Остермана, а своды подвалов опираются на столбы, поставленные еще при Растрелли.

В 1965 г. в бывшем дворцовом здании был открыт Дом культуры – ныне Центр культуры и досуга «Кировец». В 1990 г. Кировский городок был взят под охрану государства как памятник архитектуры. В 2003 г. на главном здании установлена охранная доска.

По материалам сайта Citywalls

Николай Иванович Хандогин (1909–1989) с 1935 г. работал в редакции ленинградской окружной газеты «На страже Родины». В 1939–1940 гг. снимал Советско-финскую войну. После нападения Германии на Советский Союз был назначен военным фотографом Ленинградского фронта. Фотографировал события в Ленинградской области, в Эстонии и Карелии, в блокадном Ленинграде. После войны продолжал работать в редакции газеты «На страже Родины», а также в журналах «Советский Союз» и «Огонек».

memoria

Всякий документ, историческая справка – вещи безусловно полезные. Единственное, чего им чаще всего не хватает – это эмоции. Они констатируют, информируют, докладывают, могут даже порадовать или напугать неожиданной информацией... Но лишь подкрепленные свидетельства очевидцев, живым наблюдением, они становятся подлинным отражением события или целой эпохи. И не могу я здесь ограничиться сухими цифрами и фактами о 21-й дивизии и бывшей даче Сиверса. Тем более, что есть впечатления очевидцев, записанные «здесь и сейчас», точнее – там, в блокадном Ленинграде, и в те дни, когда все это было увидено людьми с передовой, так же, как видел это папа. Поэтому возвращаюсь к документальной повести Галины Зябловой. С Галиной Георгиевной – вот очередное странное сближение! – мы работали вместе в 70-е годы в газете «Скороходовский рабочий». А в конце 80-х она написала и опубликовала (Лениздат, 1989) книгу о трех бойцах той самой 21-й дивизии, в которой служил мой отец.

В скороходовскую газету мы пришли очень разными путями. Я лишь начал в то время свою журналистскую биографию, а для Галины Георгиевны это была фактическая ссылка из комсомольско-молодежной газеты «Смена». Там в 60-е годы она была восходящей звездой областного масштаба (чем-чем, а талантом Бог не обделил), здесь она стала скромным ответственным секретарем, следила за каждым своим словом и пыталась, по крайней мере, не участвовать во всякого рода попытках вовлечь ее в «вольнлюбивые» разговоры.

История была банальная: они с мужем почитывали не дозволенную для прочтения политически неблагонадежную литературу, а «глаза и уши» увидели и нашептали, куда надо. В итоге оба расстались с любимой работой, и рады были, что не сослали куда подальше.

Герои книги Галины Зябловой «Строка на обелиске» – бойцы, прошедшие Финскую войну: скульптор Ростислав Хотинский и студент Технологического института Марк Гейликман, а также бывший матрос Балтфлота Михаил Вашкевич – воевали в отдельном разведбатальоне дивизии. Первые двое погибли, прикрывая отступающих товарищей, настоящими героями, третий, Вашкевич, описал подвиг своих товарищей, но и сам не дожил до Победы: уже работая корреспондентом дивизионной газеты «За Родину», он умер от тяжелой болезни. Не от вражеской пули. От войны. «Болезнь остановила его... Ночевки в подвалах, на сырой земле, в землянках дали о себе знать... "Главная моя забота – остаться жить, потому что вопрос этот пока остается открытым" – это строчка из последнего письма Михаила Федоровича Вашкевича. Скончался он 28 марта 1943 года от туберкулеза и истощения, как сказано в выписке из истории болезни. "Где похоронен, неизвестно", – помечено там же. Родные приносят цветы на Пискаревское кладбище и кладут их к братской могиле, обозначенной годом тысяча девятьсот сорок третьим».

1941 год. Блокадный город. Больница Фореля. Окопы на передовой. Фронтовые будни. То, что видел в те дни и в тех же окопах мой отец, я вижу теперь глазами Михаила Федоровича Вашкевича. Читаю страницы его дневника.

14 октября.

Когда идешь от Нарвских ворот к больнице Фореля, то с каждым шагом все очевиднее приближение фронта. Все больше и больше попадаетесь зданий, изуродованных снарядами фашистских вандалов, все меньше и меньше мирных жителей. Дорогу в нескольких местах пересекают баррикады с бойницами для винтовок, пулеметов. Оборудованы дзоты и пр.

Сама больница Фореля имеет многочисленные следы разрывов снарядов и мин. Стены зданий в некоторых местах покрыты дырами от осколков, как оспой. Во дворе и на огородах, окружающих больницу, воронки от авиабомб, снарядов и небольшие выбоины от мин. Как-то совсем рядом со мной один из осколков попал по туго натянутой проволоке – раздался звук, как от разрыва гитарной струны.

27 октября.

После полуторамесячного перерыва был на Красной. От Зорьки писем нет. Видимо, и она мои не получает. Неужели город находится в осаде? Погоревал я в пустой комнате немного, грустно как-то сделалось – особенно когда затопил печку (чтобы хоть немного прогреть стены), захотелось увидеть у стола всю свою семью.

Старушки-соседки живут плохо. У Ольги Ивановны при одной из бомбежек от сильного взрыва случился нервный паралич. С питанием у них кризис.

В городе ничего не достать. Живут чаем и 200 граммами хлеба. Стараются меньше двигаться, чтобы сохранить энергию...

Когда я уходил из дома, началась бомбардировка района проспекта Маклина и Пряжки. Стекла дребезжали от разрывов. Все население квартиры сгрудилось в передней: все почему-то считают это место менее опасным. А главное, оно ближе к выходу. На улице свистели снаряды и падали где-то вправо от мостика через канал. За Пряжкой полыхал пожар. У женщин, идущих мне навстречу со стороны пожара, на глазах слезы – видимо, только что видели что-то страшное.

29 октября.

Сегодня впервые был на передовой линии, видел врагов, выпустил по ним первые пули... Линия фронта встречала периодическими выстрелами орудий и минометов, «фейерверками» – трассирующими пулями и световыми ракетами. Все это было в стороне от нас, но тем не менее при каждой вспышке ракеты мы падали к земле. Последнюю сотню метров к передовой «прошли» на четвереньках.

До света пришлось ждать около часу. Мы залезли в какую-то нору, вырытую в земляном валу. Разгоряченные и вспотевшие, быстро остыли и начали дрожать от холода и сырости. Я почти не чувствовал ног – одеревенели от неудобной позы и холода.

Линия нашей обороны довольно примитивна – земляной вал, в котором вырыты ячейки для стрельбы и устроены нары для сна. Сзади наших бойцов, в двух шагах от рва, – канава и ручей. Часть нары залита водой. Бойцы, грязные от копоти и дыма костров, глины, обросли бородами. Пулемет стоит прямо на глиняной куче – без всяких бойниц и блиндажей.

В 400–500 метрах – пулеметная точка и блиндажи фашистов. Простым глазом и в бинокль отчетливо видны фигуры разгуливающих солдат. Около девяти часов утра к блиндажам подошел высокий офицер в длинной, стального цвета шинели. Шел он с фасоном, перескакивая через канавы. Как только подошел к блиндажам, солдаты потянулись к пришедшему. Видя скопление фашистов, мы открыли огонь. Враги попрятались и открыли по нас минометный огонь. Большинство мин падало за нами метрах в пятнадцати, но три мины упали в пяти-шести метрах. Мы залезли в норы и ячейки для стрельбы. В ответ на огонь фашистов наша артиллерия повела стрельбу по их передовым позициям. Мы с радостью отметили, как несколько наших снарядов ударили в башню и зеленый дом, расположенные в 500 метрах от нас и занятые врагами.

31 октября.

Я был во второй разведке. По приходе домой узнал, что в окопном журнале «Разведчик» помещено мое стихотворение «Городу Ленина». Кроме того, я написал ряд частушек, критикующих отдельных красноармейцев (по заданию редакции).

6 ноября.

Ходил в разведку в третий раз. Прошли деревню Новую – все дома разрушены, от некоторых остались одни трубы. За развороченными стенами –

опрокинутые шкафы, разбитые зеркала, кровати, в грязь закатанное тряпье. Сколько слез и обобранных семей!

В лощине, ближе к передовой, следы недавних боев: остов сгоревшего самолета, гусеницы подбитого танка, неразорвавшийся снаряд, убитая лошадь, десятки воронок от разрывов снарядов и мин.

Последние 150 метров шли по ходу сообщения. Следуя заданию, весь день вели наблюдение за движением групп противника между деревнями Ново- и Старо-Паново, а также по траншеям их передовой линии. Все это нужно, чтобы не быть застигнутыми врасплох, предвидеть, что затевает враг. Фашисты ходят по окопам в касках, уже покрытых белой краской или прикрытых белыми платками. Стрелять из простой винтовки далеко – 700 метров, мы стреляли из винтовки снайпера – с оптическим прицелом.

В ночь на седьмое батальон вышел на передовую, для усиления стоящих там частей.

Вспомним эту ночь на 7 ноября 1941 года. Москва на осадном положении. В 8 часов утра начинается парад на Красной площади. Боевые марши, исполняемые оркестром штаба МВО под управлением Василия Агапкина. Батальоны курсантов, артиллеристы и пехотинцы, зенитчики и моряки. Конница, пулемётные тачанки, танки Т-34 и КВ-1. Речь Сталина. С Красной площади войска отправляются на фронт, на защиту Москвы.

20 ноября.

...Днем я был в «Союзпечати». (Довоенное место работы Вашкевича. – Г.И.) Там узнал еще ряд печальных новостей. Две бомбы попали в Почтамт. В городе – голод. Дают по 125 граммов хлеба. Мария Васильевна Демина спросила меня, нет ли в кармане хлеба или сухаря. «Пухну, – говорит, – от недоедания». У нее дочь больная и внучка. Свой и без того скудный паек старается передать им, а сама действительно плоха.

Печален и Ленинград. Лица у всех бледные.

Большие разрушения на улице Гоголя. Многие граждане носят в петлицах круглые плоские стекляшки лимонного цвета – так называемые «светлячки» – светятся в темноте (наверное, фосфорные).

Обратный путь от Нарвских ворот я прошел под обстрелом – то слева, то справа рвали снаряды.

27 января 1942 года.

Разбужен был сегодня дребезжанием стекол – наша дальнобойная батарея, расположенная в километре позади нас, выковыривала фашистов из теплых землянок на тридцатиградусный мороз... Пишу при свете коптилки, резервуар – флакон из-под одеколона, горючее – соляровое масло, фитиль – кусок бинта, вместо стекла – огрызок пробирки, укрепленный над небольшим язычком пламени вертикально, на двух скрепках из жести.

Вчера был в Ленинграде... Целый день я ходил по городу. Громады домов во многих местах зияют пустыми амбразурами окон, провалами в несколько этажей подряд, дырами, пробитыми снарядами. Некоторые дома выглядят рябыми от бесчисленного количества дырок, выбитых осколками снарядов и мин.

Над Невским каждые две-три минуты слышится визг пролетающего снаряда и через две-три секунды его разрыв где-то около Марсова поля.

По ночам город освещается заревом пожаров. Разрушения имеются почти на каждой улице города. Троллейбусы застыли на остановках, покрылись инеем, некоторые врылись в землю, подбитые осколками вражеских снарядов.

Квартиры граждан освещаются фонарями, коптилками и другими светильниками разных конструкций. Витрины магазинов выбиты. Кругом хаос: битое стекло, куски льда, разбитые вещи, обгорелые балки. Остекленных окон очень мало, большинство их защиты щелевой или фанерой...

На углу Невского и Садовой, как раз против входа в «Пассаж», толпа женщин с кувшинами, ведрами, бадейками: из выведенной на поверхность трубы бьет вода. Каждый старается захватить целительную влагу, да побольше,

чтобы не ходить за ней каждый день. Такие сцены, толкучки я видел в детстве, когда вместе с другими ребятами мы лезли в Одигитриевской церкви за святой водой.

Закрыты фотографии, Главпочтамт, не работает телефон. В почтовых отделениях – залежи корреспонденции.

Во все концы города тащат мертвецов. Большинство умерших завернуты в одеяла и привязаны к детским саночкам. Некоторые защиты как посылки. В городе голод, ежедневно от недоедания умирают тысячи людей...

Возвращаясь, я наблюдал такую сцену: у решетки, когда-то снятой с Зимнего дворца, за Кировским райсоветом, упал человек. Его котомка свалилась на землю. Поднимался он медленно, я решил, что это глубокий старик. Когда подошел к нему с другой стороны улицы, он все еще стоял на одном колене, беспомощно пытаюсь встать. Я помог ему и с горечью убедился, что человек этот моложе меня лет на десять – двенадцать. Оказалось – рабочий

Источник жизни у входа в «Пассаж»

50-е годы. Восставший из руин Ленинград. Пешеходный переход напротив «Пассажа». Справа, рядом с переходом, черное пятно. Возможно, это люк на том самом месте, где брали воду в блокаду

Кировского завода, идет с одеялом, чтобы работать, не уходя из цеха, так как ходить домой сил нет. Кроме хлеба один раз в день он получает жидкую пшеничную баланду. С завода каждый день выходят отремонтированные танки. Это совершают люди, умирающие от истощения у своих станков.

20 февраля.

Был в Ленинграде.

Народ в городе повеселел. Прибавка хлеба, выдача кое-каких дополнительных продуктов благотворно действовали на людей. Публика выглядит живее, чище, ходить начали быстрее. По дворам идет уборка нечистот, которых в связи с отсутствием воды накопились горы. В учреждениях появилось электроосвещение. С 25 февраля, говорят, пойдут трамваи. Работает радио, телефон.

Почтамт начал разгрузку завала писем (около 1500 мешков), в этой работе деятельное участие принимает городская комсомольская организация.

Смертность от голода значительно уменьшилась, но все еще люди гибнут. На работе у меня умерли за эти дни инструктор Платов, плановик Богданов, молодая сортировщица Гридина... Истощение зашло так далеко, что многих уже не спасти. Во всех учреждениях образованы стационары, куда на десять дней помещают наиболее обессиленных и изголодавшихся работников и восстанавливают их силы под присмотром врача...

20 февраля 1942 года, когда написаны были эти строки, младшего лейтенанта Аркадия Иоффе в окопах 21-й дивизии уже не было, возможно, он в Москве, а может быть – на пути в Ташкент. Но рассказ об этом неожиданном перемещении в пространстве и его причинах – впереди. А пока, до начала февраля, он со своим взводом, со своими прожекторами на передовой. Бывая в городе, наблюдает все то же самое, что мы только что увидели глазами красноармейца и поэта Михаила Вашкевича.

Итак: Шереметевский парк – практически передовая 14-го полка 21-й дивизии и входящей в их состав 20-й конно-прожекторной роты. В парке – командный пункт полка, в двух километрах, в сторону города по проспекту Стачек, в бывшей больнице имени Фореля – штаб дивизии.

Возвращаюсь к папиным воспоминаниям: «Впервые опробованная нами тактика освещения противника полевыми прожекторами применялась затем не раз, в том числе и в 1945 году при наступлении на Берлин». И начинаю новые поиски в океане книг, посвященных Великой Отечественной, пытаюсь отыскать в нем какие-то рассказы, мемуары, сведения, документы, или хотя бы их обрывки, связанные со службой фронтовых прожектористов. О зенитчиках – пусть и не так много, как о летчиках, моряках, пехотинцах, танкистах, артиллеристах, – книги есть (к некоторым из них я уже обращался). А вот о прожектористах, тем более пехотных...

Представляется мне, что идея использования в пехоте прожекторов во 2-м зенитно-прожекторном полку если и не обсуждалась, то, как говорится, витала где-то в районе Лермонтовского проспекта в воздухе. Возвращаюсь к воспоминаниям полковника Прищепова. Не поленюсь повторить фрагмент из его книги, на котором внимательный читатель уже мог задержать свое внимание: «Утром 9 сентября 1941 года мы прибыли на оперативную позицию около

посёлка Металлострой. В это время в трёх километрах от нас шли ожесточённые бои под Колпино. Позиция и всё пространство вокруг обстреливались из миномётов и орудий. Как только мы прибыли, к нам пришёл командир противотанковой батареи и предложил расположить прожекторную станцию так, чтобы мы могли работать не только по самолётам, но и по танкам, другой технике и живой силе врага. Я доложил об этом командиру взвода. Получив добро, мы так и поступили. Артиллеристы помогли нам оборудовать позицию для взаимодействия на случай прорыва немцев и установили у нас свой телефонный аппарат. Работать нам довелось, к счастью, только по самолётам...».

Почему – «к счастью»? Наверное, побаивались быть обнаруженными противником и лишний раз не рисковали. Говоря о «впервые опробованной нами тактике», папа не мог, скажем так, отвечать за всю войну, и тут к его словам уместно было бы добавить «на нашем фронте». Почему я так уверенно об этом говорю? Потому что нашлось еще одно свидетельство использования прожекторов в пехоте, и более раннее, при отступлении в июле 41-го. Нет, не прав я был, красиво рассуждая о том, что идея эта висела в воздухе над Лермонтовским проспектом и пр. Видимо, какими-то инструкциями, положениями и установками о боевой работе такие действия прожектористов теоретически были предусмотрены. Более того, выяснилось, что ночные атаки с применением прожекторов уже с первых недель войны проводились и... немцами. В тех же боях за Киев...

Нам «было приказано выдвинуться... и освещать» – пишет в своей книге «891 день в пехоте» (Харвест, Минск, 2011) Лев Самсонович Анцелиович. Автор, как и сержант Прищепов, служил в 1941 году в должности начальника прожекторной станции, но не на Ленинградском, а на Юго-Западном фронте, в 16-м отдельном зенитно-прожекторном батальоне 11-й бригады ПВО. Кем приказано – не известно. Прожекторные ли начальники, пехотные ли предложили такой метод войны на данном участке фронта? Или артиллеристы, как это описано у Прищепова?

Рассказ Льва Анцелиовича:

Роте, в которой воевал я, через несколько дней было приказано выдвинуться к реке Ирпень, при прорыве в ночное время пехоты и танков противника по Житомирскому шоссе к мосту освещать их. Мы заняли позиции у моста через реку Ирпень у населенного пункта Белогородка. Прожектора наши располагались на расстоянии 500–800 м друг от друга. Работа прожектористов заключалась в ослеплении в темное время суток короткими миганиями луча прожектора наступающих войск противника. Прожектора указывали цель для ведения прицельного огня артиллеристам. Луч ослеплял танкистов, вырывал из темноты силуэты немецких мотоциклистов и танки.

Танки и моторизованные части гитлеровцев приблизились к реке 11 июля 1941 г. – мы уже стояли на боевых позициях. В дневное время мы вели наблюдение за противником, особенно воздушным. В ночное время начиналась боевая работа.

В книге «Инженерные войска Советской Армии», изданной в Москве, сказано: «На рубеже Киевского УР 11–14 июля 1941 г. был отражен первый натиск мотопехоты и танков противника, пытавшихся с ходу захватить Киев и переправы через Днепр. Наступало 17 дивизий противника». Это подтверждает факт выхода нашей роты на реку Ирпень и участие в отражении атаки наземных войск.

Враг вел пулеметный огонь, часто повторялись артналеты, кругом рвались мины, но благодаря мастерству прожектористов, очень кратковременным включениям лампы, отрытым окопам ни один ротный прожектор не пострадал.

На этой позиции мы вели бои около недели, а затем наша рота перебралась на левый берег Днепра, усиливая световое поле батальона и 5-го прожекторного полка 3-й дивизии ПВО.

Наверное, несмотря на утверждения некоторых историков, что «прожекторная атака была абсолютно новым тактическим приемом, реально использовавшимся в истории войн один раз – под Берлином», в ходе войны подобных атак (в том числе и со стороны противника) было немало, включая и эту, последнюю, в ночь на 16 апреля 1945 года на Зееловских высотах, в 90 километрах от столицы Третьего рейха. В ней одновременно участвовали 143 прожектора. О правоте/неправоте маршала Жукова, одобдившего эту идею, об эффективности/неэффективности этих прожекторов столько уже написано генералами, маршалами, военными историками и всеми, кому не лень, столько копий и острых языков сломано еще с тех времен, когда Жуков попал в хрущевскую опалу, что я этой темы и касаться не буду. Лишь добавлю один факт, весьма убедительно свидетельствующий о том, что за годы войны у Красной Армии накопился достаточно солидный опыт использования прожекторов в наземных операциях. И даже были разработаны подробные инструкции на этот счет.

Прожекторная атака в начале Зееловской операции произошла не спонтанно, она была тщательно спланирована. Еще 4 апреля заместителем командующего артиллерией 1-го Белорусского фронта по ПВО генерал-лейтенантом артиллерии Поздняковым были даны войскам «Указания по боевому применению зенитных прожекторов в наступлении при освещении наземных целей». Прочитав этот (фактически) приказ целиком, поскольку он не только свидетельствует о том, как тщательно была спланирована эта атака, но и дает детальное представление того, как работали фронтовые прожектористы:

I. Боевое применение прожекторов

1. Применение зенитных прожекторов во взаимодействии с наступающими наземными войсками имеет задачей освещение путей продвижения наших наступающих войск, позиций противника и ослепление его.

2. Части зенитных прожекторов решением командующего артиллерией фронта придаются в оперативное подчинение командующих артиллерией армии, которые и ставят им боевые задачи.

3. Зенитные прожекторы используются на направлении главного удара с учетом рельефа местности, который должен допускать распространение светового луча на глубину 3–5 км при фронтальном освещении.

II. Выбор ОП и группировка прожекторов

1. Позиция прожекторной станции состоит из площадки и специально устроенной вышки для боевой работы, котлованов для агрегата (автомашина типа ЗИС-12) и прожектора, а также щелей для укрытия личного состава и кабеля.

2. Прожекторы для освещения наземных целей располагают на удалении до 1 км от переднего края в зависимости от местности.

Удаление прожекторов от артиллерийских позиций в любую сторону должно быть не меньше 150–200 м. Интервалы между прожекторами по фронту 150–200 м.

3. Позиции прожекторов должны обеспечивать непрерывное освещение местности на 3–4 км в глубину обороны противника фронтальным освещением, иметь по возможности скрытые пути подъезда. В лощинах возможна работа прожекторов на специально устроенных вышках.

4. Выбранные позиции должны допускать развертывание прожекторных станций с удалением прожекторов от агрегатов на полную длину силового кабеля (60–180 м в зависимости от системы прожекторов).

III. Развертывание боевого порядка прожекторов

1. При постановке задачи командующим артиллерией армий должны быть учтены технические возможности прожекторных станций.

Основные тактико-технические данные прожекторной станции

а) общий вес системы – 6 т., смонтированной на двухосной машине ЗИС-12, обладающей при бездорожье плохой проходимостью;

б) на развертывание станции с похода для боевой работы – 20–30 минут;

в) продолжительность непрерывного горения угля в станции – 20–30 минут; смена углей – 2–3 минуты;

г) сила света луча – 700–800 млн. свечей;

д) ширина луча (диаметр луча): на дистанции до 1000 м – 25 м, 2000 м – 35 м, 4000 м – 50 м: наибольшее ослепляющее действие луча – на дистанции от 1000 до 4000 м.

2. По получении задачи командир прожекторной части наносит на карту предварительное решение по размещению боевого порядка и организует рекогносцировку позиций и путей подъездов к ним с обязательным участием всех начальников прожекторных станций.

3. Инженерное оборудование прожекторных позиций должно обеспечить расположение прожекторов для боевой работы, укрытия материальной части и личного состава до момента начала работы, для чего готовится открытая площадка для боевой работы с радиусом 3 м, глубиной 0.5 м, или вышка размером 2,5х3 м грузоподъемностью 1.2–2.2 т; котлованы для агрегата шириной 3 м, длиной 9 м, глубиной 1.8–2 м; котлованы для прожекторов шириной 2 м, длиной 2 м, глубиной 2.5 м; щели для личного состава

шириной 0,75 м, глубиной 1,5 м; щели для укрытия кабеля шириной 0,20 м, глубиной 0,2 м и длиной от 60 до 180 м.

4. Инженерное оборудование одной позиции занимает примерно 75–80 часов.

Расчет прожекторной станции состоит из 5 человек, из них 3–4 девушки, поэтому оборудование позиций для станции их личным составом будет длиться не менее 4 дней.

5. Инженерное оборудование производится заблаговременно, до выхода прожекторов на позиции.

6. Занятие огневых позиций прожекторными станциями производится в ночь до начала наступления. При постановке на позиции прожекторных станций они должны быть укрыты в котловане и тщательно замаскированы, личный состав должен находиться в укрытии.

7. С началом артиллерийской подготовки прожекторы приводятся в боевую готовность, устанавливаются на площадке или вышке, на что должно затрачиваться не более 30–40 минут. Рабочая сила для вытягивания на котлован прожекторов составляет 3 расчета или 15 человек.

IV. Боевая работа прожекторов

1. По команде «Дать луч», осуществляемой сигнальным прожектором с дублированием средствами связи (телефон, радио), все прожекторные станции в течение 30–40 секунд дают нормальный луч по горизонту по заданному азимуту (направлению).

Направляя луч впереди своих войск, ни в коем случае не допускать утыкания луча в землю под ноги наступающих.

2. Последующая работа станции заключается в перемещении луча в горизонтальной плоскости с углом поворота от основного направления вправо, влево на 1–50 – 2-00 артиллерийских деления угломера с задачей перекрытия лучей соседних станций. Темп поворота не должен быть менее 15–20 поворотов в минуту.

3. Продолжительность непрерывного действия луча прожекторной станции 55–60 минут, после чего производится смена углей (2–3 минуты). Смена углей во взводе производится поочередно, одновременно не более одной станцией.

4. В случае отсутствия луча станции световое поле должно перекрываться соседними, ближайшими по расстоянию станциями.

5. Повороты прожекторов по горизонту производить от штанги; начальник прожекторной станции обязан своевременно подменять штангистов другими номерами, не допуская ослабления темпа поворота.

V. Управление и организация связи в прожекторных частях

1. Управление прожекторами, действующими в полосе одной армии, объединяется одним начальником. Начальник прожекторной группы имеет прямую телефонную и радиосвязь с командующим артиллерией армии, от которого получает распоряжение на работу. На КП командующего артиллерией армии имеется офицер от прожекторной группы.

2. Управление боем начальником прожекторной группы осуществляется по телеграфу, по радио, при помощи сигнального прожектора и специального взвода, находящегося в центре боевых порядков группы.

3. Для управления боевой работой прожекторов на КП начальника прожекторной группы иметь:

- схему боевых порядков прожекторов;
- вычерченные зоны световых целей и неосвещаемых целей;
- схему связи;
- таблицу условных сигналов;
- таблицу позывных.

При каждом командире прожекторной группы должна быть техническая группа для контроля и проверки своевременной работы станций.

4. Как указывалось выше, открытие и прекращение луча производятся по команде командующего артиллерией армии. Самостоятельное прекращение луча прожекторных станций является невыполнением боевого приказа на поле боя со всеми вытекающими отсюда последствиями.

... С помощью трех книжечек, составляющих единый сборник, возвращаюсь назад, в 1941 год, в Ленинград, на позиции пехоты у Шереметевского парка. Это воспоминания ветеранов дивизии под общим названием «На Урицком направлении» (брошюры по 80 страниц, изданные в 1983, 1984 и 1988 годах Советом ветеранов 21-й – 109-й стрелковой дивизии, составитель М.П. Болотов). В читальном зале Музея-библиотеки «Книги блокадного города» на проспекте Юрия Гагарина, 17, перелистываю страницы этих книжечек, скромных с виду, но бесценных по содержанию – по собранным в них воспоминаниям. От маршала Жукова до рядового солдата. С уверенностью, что обязательно найду там хотя бы несколько слов о прожектористах, о конно-прожекторных ротах, переворачиваю страницу за страницей. Вот знакомые имена разведчиков Хотинского, Гейликмана и Вашкевича, героев книги Галины Зябловой «Строка на обелиске», многочисленные рассказы ветеранов дивизии о военных операциях, фронтовых друзьях, окопных буднях, есть даже стихи, рожденные в этих окопах. Делаю выписки, которые могут пригодиться для дальнейшей работы. Но о прожектористах – ни слова.

В итоге, возвращаясь, говоря военным языком, на исходные позиции: к свидетельствам папы и его сослуживца Родионова. Кроме того, остается еще РГК – «резерв главного командования». Просматриваю названия архивов, в которых, пусть теоретически, могли бы сохраниться нужные мне сведения. Самый большой и главный, наверное, – ЦАМО: Центральный архив Министерства обороны. 1941 год. Ленинградский фронт.

«Ленинградский фронт», «Оперативный отдел штаба». «Дело № ____». Дело без номера. Далее на министерском бланке, в графе «наименование дела», новая запись от руки: «Сведения о боевом и численном составе соединений и частей фронта». Начато 27 августа 1941 г. Окончено 31 декабря 1941 г. На 363 листах. № Фонда 217. № Описи 1221. № Дела по описи 94. № коробки (коробка прописной буквы не удостоилась) 8341. Где-то в этой коробке, на одном из 363 листов...

Долго искать не пришлось. Уже на листе 52 (бланк Штаба Ленинградского военного округа, Организационно-мобилизационный отдел, 24 сентября 1941 г., № 1/36287) нахожу донесение, где упоминаются и конно-прожекторные роты, и 20-я рота, в частности. Гриф «СОВ.СЕКРЕТНО». Чернильный штампик: «Оперативный отдел штаба. Вх. № 01347. 26. 9. 1941».

В документе пять пунктов, пять докладов о передислокации одних частей и о формировании новых: «88 мосто-строительный батальон отправлен 15.9-41г. в распоряжение автодорожного отдела Штаба Фронта», туда же – «56 и 57 дорожно-строительные батальоны»; «сформированная 1 минометным запасным полком отдельная огнеметная рота отправлена 20.9-41г. в распоряжение Начальника Химполигона»; «сформированный по приказу войскам Ленфронта №011 17.9-41г. начальником школы АМР отдельный разведывательный артдивизион отправлен 21.9-41г. в распоряжение Начальника Артиллерии фронта»; «сформированные по приказу войскам фронта №-0038 11.8-41г. ЛОУС 372, 374 и 376 отдельные батальоны связи НКС отправлены 21.9-41г. в распоряжение Начальника Связи Ленфронта».

Все по-военному четко, конкретно и кратко. Первое впечатление при прочтении: фронт (о большом судим по малому) в надежных руках, никакой паники, войска управляемы, слабые звенья армейских частей укрепляются новыми подразделениями. Каждый пункт сообщения – не просто примета, удар пульса огромного фронта, командование которым с 13 сентября было поручено Г.К. Жукову.

(Чего не скажешь о реальном положении дел в войсках Северо-Западного направления, которыми до создания Ленфронта и прибытия Жукова командовал К.Е. Ворошилов. Вот другой документ от 16 сентября 1941 г. – сведения о потерях личного и конского состава Ленфронта с 22 июня по 10 сентября. Убитых – 16 882, раненых – 43 459, пропали без вести – 76 251, по болезни – 2 413... А всего – 146 509. Поражает цифра пропавших без вести: половина от всех потерь! То же по конскому составу: из 28 090 вышедших из строя лошадей – 10 969 пропали без вести. Лишь отстранение Ворошилова, по его собственной просьбе, и приход Г.К. Жукова остановили наступление немецких и финских дивизий в считанных километрах от города. Такова официальная версия. С другой стороны, отступить-то уже было некуда. Подобная картина – возвращаясь к цифрам пропавших без вести за лето 1941-го года – была характерна практически для всех западных фронтов, включая московское направление. Почему страна оказалась не подготовленной к внезапному нападению Германии, почему Армия понесла за считанные недели чудовищные потери – отдельная тема, обсуждению которой, наверное, не будет конца...)

Из пяти пунктов донесения от 24 сентября 1941 года перечислил четыре: со 2 по 5-й. Возвращаясь к первому, в котором содержится та информация, которую так долго искал.

«Для доклада Начальнику Штаба фронта сообщаю:

1. Сформированные 2 корпусом ПВО четыре конно-прожекторные роты РГК 15.9-41г. отправлены в распоряжение:

а/ 12 и 17 роты – 55 Армии

б/ 13 и 20 роты – 42 Армии».

Все точно: 20-я рота – 2-й корпус ПВО – 42-я Армия.

Под донесением подписи начальника огрмотдела подполковника Ермичева и ст. пом. начальника отдела интенданта 2 ранга Немилова.

Следующие листы Дела – Донесения о численном и боевом составе сформированных подразделений. Пропускаю шесть первых, относящихся к 12, 13 и 17 ротам. По цифрам состава все четыре роты практически идентичны.

Листы 59,60. «Форма № 3. СЕКРЕТНО». «Донесение о численном и боевом составе 20 конно-прожекторной роты по состоянию на “17” Сентября 1941 года».

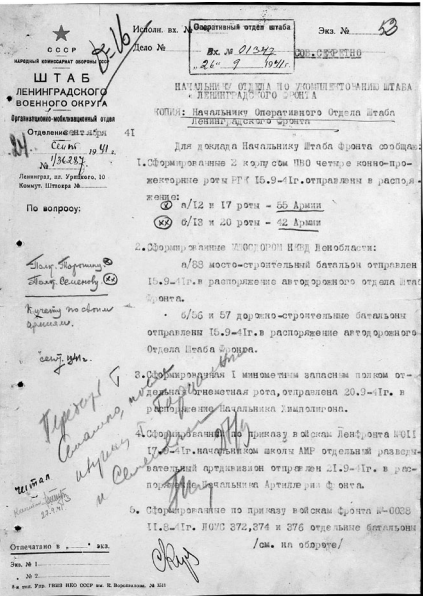
Ниже – таблица из трех колонок: Наименование. По штату. По списку.

Выписываю только те строки, в которых чернилами проставлены цифры:

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ		
Комсостав	7	7
Политсостав	1	1
Младший состав	10	7
Рядовой состав	70	73
Всего военнослуж.	88	88
КОНСКИЙ СОСТАВ		
Верховых	9	8
Артиллерийских	4	4
Обозных	26	26
Итого	39	38
ВИНТОВКИ И ПУЛЕМЕТЫ		
Винтовки и карабины	79	37
Прожекторные станции	10	10

Противотанковые ружья, о которых пишет папа, видимо, появились в роте позднее, а может быть, они были на вооружении у пехотинцев, сидевших с прожектористами в одних окопах. Они были одной командой. В целом же рота укомплектована по штату, если не считать стрелкового оружия, которого не хватало, наверное, в любом подразделении Фронта.

Возвращаясь к книге «Прожекторные войска в противовоздушной обороне Ленинграда»,

59

Список и боевые ордера 20. Командир роты. Родина: Белоруссия. Родился: 17.09.1911 г. в г. Ленинград.

Имя	1	2
Александров	1	1
Борисов	1	1
Васильев	1	1
Григорьев	1	1
Давыдов	1	1
Зинченко	1	1
Иванов	1	1
Козлов	1	1
Кузнецов	1	1
Лавров	1	1
Михайлов	1	1
Петров	1	1
Родионов	1	1
Сидоров	1	1
Тихонов	1	1
Федотов	1	1
Харьков	1	1
Цыганов	1	1
Чайков	1	1
Шаров	1	1
Щербаков	1	1
Юрьев	1	1
Яковлев	1	1

10

Имя	1	2
Александров	1	1
Борисов	1	1
Васильев	1	1
Григорьев	1	1
Давыдов	1	1
Зинченко	1	1
Иванов	1	1
Козлов	1	1
Кузнецов	1	1
Лавров	1	1
Михайлов	1	1
Петров	1	1
Родионов	1	1
Сидоров	1	1
Тихонов	1	1
Федотов	1	1
Харьков	1	1
Цыганов	1	1
Чайков	1	1
Шаров	1	1
Щербаков	1	1
Юрьев	1	1
Яковлев	1	1

мы можем назвать имена четырех из семи офицеров 20-й роты: командир роты лейтенант Валеров, командиры взводов лейтенант Ходасевич, лейтенант (младший лейтенант - ?) Родионов, младший лейтенант Иоффе.

О судьбе Ходасевича ничего не известно. М.А. Родионов стал кадровым военным, дослужился до звания полковника, войну прошел в зенитно-прожекторных полках на должностях командира взвода и командира роты. На Ленинградском фронте провоевал до ноября 1941 года, после чего на

два месяца был переведен в 59-й запасной зенитно-артиллерийский полк. Из Перечня частей войск ПВО страны, входивших в состав действующей армии, известны сроки существования этого полка: 8.9.1941–10.1.1943. Но где и в чьем подчинении находился полк – установить не удалось. Логика подсказывает, что, скорее всего, он был в составе Московской армии ПВО, где впоследствии проходил службу Родионов.

Папа прослужил в Ленинграде на два месяца дольше: в январе 1942 года он был командирован в Москву. Из его коротких рассказов мы с Геней вспомнили: перед отъездом выпили спирта, ехали, укутавшись в тулупы, в кузове полуторки по льду

Ладожского озера. Дальше, на поездах, добрался до столицы. А через некоторое время папа оказался в... Ташкенте. Но это отдельная история, которую я, хотя бы фрагментарно, попытаюсь восстановить в следующей главе.

Почему и Родионов, и папа, были переведены из Ленинграда на новые места службы – можно только догадываться. Может быть, конно-прожекторные роты, эффективные в первые месяцы войны, были переформированы после окончательной стабилизации фронта. А может быть, на других фронтах понадобились офицеры-прожектористы, получившие боевой опыт в пекле ленинградской блокады... Может быть...

Младший лейтенант А. Иоффе. Сентябрь 1941 года

Глава тридцать вторая. За что боролись?

Возвращаюсь к извечному: чтобы осуществились наши мечты в будущем, надо помнить о своем прошлом. И думать о настоящем. Почему же мы до сих пор так скудно живем? Мы – то есть те граждане страны, которые ходят по улицам без охраны. Кому нужны были эти подвиги и страдания, через которые прошли вместе со страной мои многочисленные родственники, о которых я попытался рассказать на этих страницах?

Если глянуть сегодня за окно и попытаться обозреть наше государственное образование вширь и вдаль, от Кремля до самых до окраин, создается впечатление, что ничего мы за это столетие не потеряли, но ничего и не нашли. Пролетарии всех стран так и не соединились, а буржуи как сидели на их шеях, так и сидят. При этом еще и выросли на пролетарских харчах буржуи нового типа: чиновник и депутат. За которых мы, зашоренные пропагандой свыше, сами же и опускаем выданные нам бюллетени в урны. Жаль, не уличные. Уличные у нас дефицит. И живет этим депутатусам до того сладко, что уже и разглядеть не могут, что творится там, внизу, под монументальными стенами их дум. И грезится им, что вместе со своими дворцами в стиле а ля рублевка они что-то осязаемое постороили и для народа тоже. Ведь заявляют же, на полном серьезе: мы построили для народа социальное государство! Смеетесь?

Я тоже хохотал на днях, ступив случайно в передачу на первом канале ТВ, которая называется «Толстой. Воскресенье» (за сим, видимо, последуют: «Братья Стругацкие. Понедельник», «Дефо. Пятница», и далее по списку). И там как раз беседа Председателя Государственной Думы В. Володина и его заместителя П. Толстого, посвященная круглой дате – 25-летию этой самой ГД. Так вот: коммунистический лозунг «Все для блага человека» теперь называется: «Вложение в человека». Сам Толстой сказал. А диалог у них был примерно такой. Володин: «Наше государство является социальным». Толстой: «Мы живем в социальном государстве. И граждане об этом знают, помнят»... Так и хотелось ответить им от имени граждан: «С какого бодуна, ребята?». Я еще вопрос не успел задать, а Толстой, продолжая дифирамбы по поводу достижений ГД, уже ответил: потому что «Есть партия парламентского большинства, всё уравновешено». «Смех в зале». Ну что тут скажешь? «Единой России» и в самом деле законы физики не писаны. Законы физики пасуют перед законами цинизма.

Так и живем: у граждан одни весы, а у тех, что вокруг кормушки, свои: подкрученные, как у рыночных торговцев. И самое печальное, что «народная тропа» к этим весам не зарастает, не иссыкает к кормушке очередь из любителей сладко покушать. Мелькают фамилии, мелькают должности, мы еще как-то запоминаем имена непотопляемых, а тех, кто прихлебывает в тени, упомянуть просто невозможно. К некоторым из московских еще как-то привыкаем. А вот, например, у нас, в Петербурге, чехарда полная, люди в городском правительстве меняются быстрее, чем губернаторские перчатки. Спросите на улице, кого вы знаете из тамошних, из Смольного института, кроме тех, кого по 7–8 раз показывают в каждом выпуске местных новостей. Ни одной фамилии никто вам не назовет.

Так «За что боролись?». Не я, заметьте, первый спросил. То же самое вопрошал еще в 1927 году Владимир Владимирович Маяковский в одноименном стихотворении – из тех, что не «проходят» в школе. Написанном в интересное время. С одной стороны – разгар нэпа, разгул толстосумов, и кажется поэту, что совсем угас революционный энтузиазм, «революция не удалась» и уже почти пала под натиском рынка...

Слух идет
бессмысленен и гадок,
трется в уши
и сердце ёжит.
Говорят,
что воли упадок
у нашей
у молодежи.
Говорят,
что иной братишка,
заработавший орден,
ныне
про вкусноты забывший ротишко
под витриной
кривит в унынье.
Что голодным вам
на зависть
окна лавок в бутылочном тыне,
и едят нэпачи и завы
в декабре
арбузы и дыни.
Слух идет
о грозном сраме,
что лишь радость
развоскресёнена,
комсомольцы
лейб-гусарами
пьют

да нуют под стих Есенина.
И доносится до нас
сквозь губы искривленную прорезь:
«Революция не удалась...
За что боролись?..»

.....
Над пивом
нашим юношам ли
склонять
свои мысли ракитовые?
Нам
пить
в грядущем
все соки земли,
как чашу
мир запрокидывая.

...А с другой стороны – не пивом же единым (накликал нам поэт пивной бум, как в воду смотрел), и еще не все соки земли мы выпили. И «воли упадок у нашей молодежи» – дело временное, все в наших руках. Поэтому параллельно пишется поэма «Хорошо!» – навстречу 10-летию Октябрьской революции. Светлых времен поэт так и не дождался. Можно до хрипоты обсуждать причины, из-за которых он отказался от борьбы и свел счеты с жизнью три года спустя. Но кажется мне – ключ в этом вот самом малознакомом широкому читателю стихотворении. Он так и не получил ответа на свой вопрос. Так и не понял, за что боролся.

memoria_____

Госдума раскрыла размер пенсий депутатов

Пенсия депутата Госдумы со стажем работы больше десяти лет составляет около 63,5 тыс. руб. в месяц. Об этом сообщается на сайте нижней палаты парламента (05.07.2018).

Депутаты, проработавшие в Госдуме больше пяти лет, имеют право на доплату к пенсии. При стаже от пяти до десяти лет суммарное пенсионное обеспечение (с учетом страховой пенсии по старости) составляет 46,6 тыс. руб. Если гражданин был депутатом менее пяти лет, то доплату к пенсии он не получает.

По данным правительства, с учетом индексации среднегодовой размер пенсии россиян в 2018 году составляет 14,1 тыс. руб. в месяц.

«Коммерсантъ»

_____memoria

Ответа нет и сегодня. Разве что накатит, и напишет какой-нибудь депутат какой-нибудь Думы поэму «Отлично!». Тем более, что подстрочников хватает: с ними, например, чуть ли не ежедневно выступает министр финансов,

да и другие не отстают. В Думе и в министерстве финансов все отлично! Как у Буратино и его приемного отца, современника, кстати, Владимира Владимировича, – писателя Алексея Николаевича Толстого по прозвищу «советский граф». Его Буратино, хоть и лох, по сегодняшней терминологии, но упорно идет к своей цели и приходит к намеченному светлому будущему. В наших министерствах, конечно же, сидят далеко не лохи, здесь народ продвинутый, специалисты исключительно высокой квалификации (см. ниже – откровения министра финансов Силуанова). Но что удивительно: результат тот же. С тем же золотым ключиком и дверцей с нарисованным на ней очагом: открыл дверцу, юркнул в счастливую жизнь, и скоренько закрыл ее на все три поворотика. И живут себе министры наши в своем светлом будущем, за дверцей с очагом, там, где зарплаты (министров) заоблачны, и пенсии (тех же министров и депутатов) – зашибись! Нам, заглядывающим в замочную скважину рядовым мешчанам, в свое время не догадавшимся пойти на службу в госструктуры, – на зависть. Большевики строили-строили свой коммунизм, и ничего не построили. А эти ребята, либералы-демократы-экономисты-антикоммунисты, Гайдары-Чубайсы-Кудрины-Медведевы-Силуановы-Топилины-Голодцы... во главе сами знаете с кем, под шумок быстро разобрали, что к чему, юрк за дверцу, и за каких-то двадцать лет создали для своих общество социальной справедливости.

«Жаль только – жить в эту пору прекрасную уж не придется – ни мне, ни тебе» – продолжаем мы бормотать вместе с великим поэтом Н.А. Некрасовым. Еще с 1864 года, со времен царя-освободителя Александра II.

Хорошо им там, за дверцей. Но ведь и нам – большое художество: если б не знали, что очаг нарисованный, точно бы поверили, что настоящий. Как в Стране дураков, жители которой думают, что все, что изображено-нарисовано – на картинке, в глянцево-журнале, на экране телевизора – все это настоящее.

Вот сидим мы как-то вечером перед окном в Страну дураков, щелкаем кнопками и плачем от умиления и счастья. Оп! «Дом-2» на ТВ дураков. Дурак на дураке. Круто!.. Оп! «Comedy» на ТВ дураков. Обхохочешься!.. Оп! «Прямой эфир» на ТВ дураков (запись позапрошлого года). Свежо!.. Оп! «Пусть говорят» на ТВ дураков. Всё гламурное говно на наши головы!.. Оп! «Только жирные хиты» на ТВ дураков. Ващще!.. Оп! А вот и «Поле чудес» на ТВ дураков. Во дурят народ! Но как красиво!.. Оп! А что это за черно-белая муть?.. Да это же фильм нашего детства – «Золотой ключик» 1939 года, почти прямой эфир. Сидим и смотрим, не оторваться. Без оп. До победного конца.

Далеко-далеко, за морем,
Стоит золотая стена.
В стене той заветная дверца,
За дверцей большая страна.
Ключом золотым отпирают

*Заветную дверцу в стене,
Но где отыскать этот ключик,
Никто не рассказывал мне.
В стране той – пойдешь ли на север,
На запад, восток или юг –
Везде человек человеку
Надежный товарищ и друг.
Прекрасны там горы и доли,
И реки, как степь, широки.
Все дети там учатся в школах,
И славно живут старики.*

Песня, ставшая былью. Особенно, если заключить последнюю строку в кавычки. Про нас и про наше теперешнее время. И когда мы были маленькими, это тоже было про нас. Хотя мы и понимали, что это сказка. А теперь понимаем, что это был. Несмотря на то, что в телепрограммке кто-то написал, – фэнтези. Было бы смешно, если бы не было так грустно: в конце 30-х годов, 80 лет назад, Алексей Толстой, словно ясновидец, умудрился открыть «Золотым ключиком» нашу сегодняшнюю любимую Россию, страну чудес и добрых, доверчивых дураков, страну холопов и жирующих толстосумов, страну, плодящую по материнской программе больных и беспризорных детей и убивающую нищенскими пенсиями стариков...

Тут мы все: рабочая прослойка – старый шарманщик Папа Карло, в доме которого – шаром покати (до самого очага!), тут и его друг, нищий столяр Джузеппе Сизый Нос. Тут и погрязшая в болоте пенсионерка Черепаха Тортила, не знающая, что делать с доставшимся ей золотым ключиком, спасибо, Буратино подвернулся, избавил от хлопот. И говорящий Сверчок – бойкий представитель средств массовой информации. И звезда эстрады Мальвина с фарфоровой головой и голубыми (красными, синими, зелеными, оранжевыми...) волосами, с преданным псом-охранником Артемоном и карманным поэтом Пьеро. Трусливый и лукавый пиарщик Дуремар. Мошенники и кидалы Лиса Алиса и Кот Базилио. Хозяин харчевни «Трех пискарей» вполне мог бы сегодня возглавить министерство торговли. И, наконец, Карабас Барабас! Доктор экономических и футурологических наук, владелец «заводов, газет, пароходов», кавалер высших орденов и друг самого Тарабарского короля. С королем, правда, у Толстого что-то не срослось, запутался старик, замотался по границам, забыл, что у нас тут Россия, а не какая-нибудь Великобритания... Но в целом – попал, попал, провидец и предсказатель. И куда товарищ Сталин смотрел?..

Товарищ Сталин, скажем прямо, недосмотрел. И мы теперь имеем далеко не то, за что боролись. Вот глас народа, как принято говорить, из глубинки, из города Брянска, с сайта nashbryansk.ru, 17 июля 2018 года:

Видеооткровения министра финансов Российской Федерации Антона Силуанова о том, сколько получает российский чиновник за свою работу.

В конце прошлого года Минфин наконец раскрыл то, что ранее тщательно скрывалось – данные о зарплатах министров. Теперь россияне знают, что в 2016 году министр финансов Антон Силуанов зарабатывал **1,73 млн** рублей в месяц – это самая большая зарплата среди всех министров правительства. На втором месте по уровню зарплаты министр экономического развития – **1,27 млн** рублей в месяц.

В эфире программы *Hard Day's Night* (ночь тяжелого дня – прим. ред.) ведущие поинтересовались у министра финансов обоснованностью столь высокой заработной платы.

Ожидая, ответ чиновника был дипломатичным и сложным. В качестве одного из аргументов в обоснование высокой зарплаты Силуанов привел высокую квалификацию у себя и у коллег. Также, Силуанов посетовал на то, что специалистам Минфина приходится работать много, **«Побольше чем в других ведомствах»**, поэтому **«Долго на одном энтузиазме не проедешь»**, – сказал Силуанов.

– Работать нам приходится побольше чем в других ведомствах. Это я вас уверяю. У нас общий подход к вопросу оплаты труда. В рамках общей системы оплаты труда... Но система мотивации – она другая.

К сведению, на момент интервьюирования экономическая картина в целом по стране следующая:

Прожиточный минимум в России – 11 163 рубля.

Средняя зарплата в России – 38 500 рублей.

Зарплата министра финансов России – 1 730 000 рублей.

Среднемесячная зарплата в **Брянской области – 29 552,5** рубля.

Отзывы зрительской аудитории под видео резкие или крайне резкие. Нет ни одного лояльного комментария. Гнев и отрицание – основные мотивы, которые сформулированы не всегда в рамках цензуры.

Некоторые из комментариев:

Николай 18.07.2018 в 00:21

Это враг моей семьи, а что делают с врагом?

Ольга 18.07.2018 в 10:01

Говорит, а глазки бегают, плечиками подергивает, была бы рядом – плюнула бы в рожу!

Алиса 18.07.2018 в 11:24

Путин держит паузу в своем стиле. Типа с Димоном прокатило, попытели, да снова терпим. То же и с пенсионным возрастом, ждет пока людям надоест и в очередной раз замолчат. Но случай вопиющий, промолчим, просто выйдем.

Варфоломей 18.07.2018 в 13:04

Всех чиновников на пенсию в 90 лет, а с 60 до 90 лет в шахту на стажировку!

Они проводят чистейший геноцид Россиян!

Марина 18.07.2018 в 17:16

Бедный аж весь задергался от такого вопроса перекасабился.

Сергей 18.07.2018 в 22:32

Он не один, всё Медведевское правительство грабители.

Ирина 19.07.2018 в 12:00

Налицо переоценка собственных способностей. Какой бы не была квалификация и образование, в данном случае это никак не отражается на конечном результате работы – развитии экономики и повышению уровня жизни в стране. Зарплаты чиновников должны быть соразмерны с зарплатами граждан, учитывая сложившуюся экономическую ситуацию. Существующие зарплаты и пенсии чиновников ничем не могут быть аргументированы, потому, что это беспредел и мракобесие, циничная насмешка над собственным народом.

Анна 19.07.2018 в 18:36

В правительстве – одни миллионеры! Когда такое было возможно? Да ещё несут такую ахинею народу... Ни стыда, ни совести! Они просто издеваются над нами! Им пенсии не нужны. Они себя уже обеспечили на всю оставшуюся жизнь!

Изменить что-то в России выборами невозможно. Только диктатура, подобная сталинской, сможет вернуть Россию на путь процветания. Эти чиновники так вросли в свои кресла, что выкинуть их можно только вооружённым путём. Время идёт, терпение уже заканчивается.

Когда русский человек, самый терпеливый человек в мире, говорит, что терпение заканчивается, поневоле задумаешься. В первую очередь о том, что история по-прежнему ничему нас не учит. Не столько, правда, нас с вами, а тех, «эй вы там, наверху», которым ведь еще в школе пытались вдолбить в головы пушкинское: «Не приведи бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный». Пушкин в «Капитанской дочке» (1836) писал о Пугачеве, держа в уме Болотникова, Разина и менее известных иже с ними. Но ведь предостерегал: может еще хуже быть, гораздо хуже. Потом декабристы, народовольцы нервы нашим власть предержащим пощекотали, но не впрок. Три русские революции плюс Гражданская война – тоже забыты, оставлены «на разграбление» историкам?

В 2017 году исполнилось 100 лет со дня Великой Октябрьской социалистической революции, которую теперь остроумно называют Октябрьским переворотом. Вот повод был бы вспомнить и отметить! Не парадами и шествиями с портретами вождей, а всенародной молитвой, и Словом пастырей – пусть не с покаянием, пусть не с очередными обещаниями светлого будущего, которым грош цена, а Словом, в котором сказали бы Правду: и о том, что память за 100 лет не остыла, и о том, ЧТО сделать, чтобы не стало в нашем государстве 50-летних бомжей и нищих старушек.

Я все думал: ну как же они там наверху выкрутятся? Ведь юбилеи справлять – это нас хлебом не корми. А тут – Великая, как ни крути (всю страну так встряхнула, что Пугачеву и в веселом сне бы не приснилось; да что там страну: весь мир), пусть и Октябрьская – можно и так, стыдливо пропустив Великую, но уж такая, что не забыть. Нельзя забыть. И что? Выкрутились, промолчали фактически, спустили на тормозах, завуалировали под военный парад на Красной площади в память о параде 1941 года. Но в 1941 году, господа, парад был все в ту же годовщину Великой Октябрьской, 7 ноября!

Были, конечно, и в 2017-м какие-то дежурные речи по текущему моменту, но праздника не было. И Слово не сказано. Бастилию мы свою так и не взяли. А могли бы поучиться у французов: те и тюрьму разрушили, и крови пустили немеряно, проклясть бы им эту Бастилию вместе со всеми своими прочими революциями, а они празднуют. И гордятся своей Первой республикой, провозглашенной еще в 1792 году. И это не только народная память, это в первую очередь память государственная. А наши государи 7 ноября стыдливо перенесли на 4-е, переименовав годовщину Революции в День народного единства. Сказано громко, но в российской истории, что – не было более грозного и опасного врага, чем Речь Посполитая в 1612 году? Были, помним. Но уж так ловко получилось, совсем рядом: народ же привык отмечать 7 ноября, ну, и тут подсуется, по старой памяти. А народ оказался не сильно суетливым. 7 ноября – это был праздник! Еще и получше, чем у французов 14 июля. А 4 ноября празднуют, по обязанности, только те, кто этот праздник придумал. А все остальные... ну, выходной, и слава богу. И никогда этот праздник в стране нашей не приживется. Да и вообще – что-то не до праздников нам стало. Из всего, что было, только День Победы, со слезами на глазах, да Новый год и остались...

Пишу всё это и думаю, сомневаюсь: и чего я на сегодняшний день взъелся? И надо ли? Написал, что смог, про XX век, и остановись, о XXI-м другие напишут, когда время придет, если не остановится, конечно. Послушаешь-посмотришь из всех информационных щелей новости – страшно делается. Откуда все эти страсти, эти злоба и ненависть, заполонившие мир. Миру – мир! Мы это слышали с детства. Теперь – что? Миру – война? Откуда? Да оттуда, из XX века, с горбачевских 80-х годов, ознаменовавших начало новой революции – криминальной, которой и сегодня конца не видно. Время – понятие растяжимое, бывают, оказывается, и такие, ползучие революции. И время течет себе, не обращая на нас внимания, не подозревая, что наши криминальные игрища сегодня, завтра могут его остановить: при том, что ценой этой остановки станет исчезновение на Земле человека, как такового. Потому что времени нет, есть наше представление о нем. И о том, хорошее оно или плохое.

Сегодня в Александровском парке, рядом с Мюзик-холлом, бывшим Народным домом императора Николая II, наблюдал такую картину: девушка пускала мыльные пузыри, маленькие, большие и огромные, переливавшиеся всеми

цветами радуги. Раздуваясь, они тяжело отрывались от кольца с мыльной пеной и осторожно поднимались, чтобы проделать в воздухе свой недолгий, завораживающий путь. Но ни один из пузырей далеко не улетел, потому что вокруг этой девушки прыгали детишки, соревнуясь, кто быстрее проткнет пальчиком и взорвет едва родившийся блестящий и искрящийся шар. Вот они, истоки этой всемирной агрессивности, и начинаются они с таких именно пузырей. А рядом стояли родители, и не один не придержал за руку своего отпрыска и не сказал нескольких простых слов: «Остановись, сынок, посмотри, какие они красивые»...

Одна дама в Интернете предлагает поспорить, кто прав: Конфуций, с легкой руки которого родилось страшное китайское ругательство «Чтоб ты жил в эпоху перемен!», или Тютчев, сказавший: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!». И то, и другое, заметьте, – с восклицательным знаком. Вот и мы с вами, дорогие современники, вляпались, извините за выражение. О чем и пишу в этой книге, надеясь, что минуты роковые, о которых тут написано немало, когда-нибудь останутся в прошлом. Что же до перемен, то тут мы на коне, все, как один, – кавалеристы. Хотя, конечно, перемены переменам рознь. Нам, скажем прямо, времена достались не лучшие, повторяться не буду. Вот ведь и смартфоны есть, и палки для селфи, а счастья нет, и с «культурностью» беда. Если бы еще покой и воля, как у Пушкина, так об этом – только мечтать!

Спираль, по которой время катится, крутанулась и – здравствуйте снова, Владимир Владимирович: строили-строили, перестраивали, и опять к нэпу. Вернулся, батюшка, вместе со страхами Маяковского, да еще и в каком извращенном виде. Ленин в своем домике на Красной площади переворачивается и подпрыгивает. Вместо буржуев и кулаков у нас теперь министры и законодатели, ну, и прочие, им подобные, на местах, по нисходящей. Сочиняют законы себе на потребу и сами же их исполняют, за что получают награбленное у плебса в виде депутатской или министерской зарплаты, пьют шампанское на «великосветских» банкетах, едят ананасы, некоторые даже рябчиков, по старинке, и «в декабре арбузы и дыни». А те, кого они уже окончательно победили, бомжуют, коллективно и поодиночке передвигаясь со старыми детскими колясками от одной помойки к другой, по выделенному им участку, плющат пивные банки и разрывают мусорные баки в поисках им одним видимых ценностей. Где-то во всей этой иерархии, на грани с бомжами, пенсионеры, сидящие накануне выплаты вспомоществования перед листочком в клеточку в глубокой задумчивости: как поделить 12000 рублей так, чтобы дожить до следующей выплаты? Квартплата, вода, газ, электричество, телефон – 4700, на лекарства – почти 3000, ЭХО кардиограмму срочно сделать (в поликлинике-то очередь на год вперед) – 3400 (пенсионерам скидка – 10 процентов), внучке подарок ко дню рождения – хотя бы 300... Итого – 11000. И на еду целая тысяча: молоко, геркулес, хлеб, колбаски кусочек, когда в магазине скидка будет... (О том, чтобы в театр сходить или на концерт, и речи нет, там билеты нынче дороже

среднемесячного пенсионного пособия; вот разве что в кино на утренник за 100 рублей, или в музей – по льготной цене.)

Только на скидки (а как еще переманить покупателя-головля из одной торговой сети в другую?) и надежда. Потому что скидки еще никто не запретил, и если подсуетиться: в одном магазине – на хлеб, в другом – на молоко, в третьем – на яйца сбросили... Оно ведь у нас как: цены на один и тот же товар в разных магазинах могут отличаться не на проценты, а в разы. Потому что в Совете министров, где уже все, мыслимые и немыслимые, министерства придуманы, нет министерства ценообразования. В рыночной (она же базарная) экономике такой орган никому не нужен, слишком хлопотное дело. Вот и пущено на самотек. Если же вы мне начнете рассказывать, что ценообразованием у нас занимаются вот такие-то и такие-то ведомства, и Счетная палата (есть у нас и такая незадача, большие экономисты работают) вместе с Антимонопольным комитетом их контролируют, то я вам отвечу, как Станиславский: «Не верю!». Потому что не может стакан чая или чашка кофе в захудалом кафе стоить 100 рублей! Ну никак не может, если себестоимость этого стакана – от силы 5 рублей. 100 рублей стоит пачка из 20 этих же самых чайных пакетиков, которые нам, добавляя к пакетику кипятка, продают по цене пачки. Ну ладно, накинем еще 5 рублей на чашку: аренда помещения, зарплата сотрудникам, коммуналка и прочее. Получится десятка за чашку. А остальные 90 – за кипяток? Другой пример, лично для меня еще более близкий, чем чашка чая. Издательство, отдавая оптовику или магазину книгу, в которую оно вложило и средства, и душу, делает наценку к себестоимости процентов в 20–30, в ущерб себе и автору, потому что знает, что магазин, который в эту книгу не вложил ни копейки, накинёт на отпускную издательскую цену еще – от 70 до 100 процентов! В итоге больше всех зарабатывает продавец, а главный творец книги – автор, – в лучшем случае остается с мизерным гонораром.

Примеры, может быть, и частные, но за ними – система, выгодная всем, кроме покупателя. Чем выше барыш торгаша, тем больше отчислений в кубышку минфина, из которой обворованный покупатель не получит ничего. Вот и накручивает каждая торговая точка столько, сколько «совесть» позволяет. А поскольку совесть у нас, как известно, вещь безразмерная, в ход идут еще и разнообразные маленькие хитрости. Например, в ценнике на прилавке в супермаркете стоит одна цифра, а в кассе пробивается другая – в надежде на то, что чеки покупатель проверять не будет. Кто-то не будет, а пенсионеры проверяют. И затем – либо скандал у кассы, либо заведующая отделом прибегает с честным лицом и наивными глазами: «Ай-яй-яй, извините, забыли ценник поменять». Это в лучшем случае. А в худшем – возмущается! «Подумаешь, 40 рублей! Было бы из-за чего». Для пенсионера 40 рублей – деньги. А для магазина каждые приворованные с пачки майонеза 40 рублей – Клондайк, если посчитать, сколько этих пачек продано. И такой же бардак и воровство везде – куда ни кинь. Даже тюрьму «Новые кресты» не смогли постро-

ить по проектной стоимости, опять что-то стырили, как говорили у нас во дворе, и первые кандидаты на обживание свежеекрашенных камер (вчерашние строители тюрьмы) уже готовы к новоселью. (Юрий Деточкин, 1966 год: «Ведь воруют, много воруют... я ведь вам помочь хотел, граждане судьи».)

Не понимаю, почему мы все, и антимонопольные органы, и борцы за права потребителей, и журналисты, да и просто покупатели, словно сговорившись, поставили гриф «табу» на слове «ценообразование». Почему стыдливо молчим и позволяем себя обманывать в каждом (!) торговом заведении? А вместо этого льем словесные потоки о проблемах какой-то отвлеченной и обобщенной *коррупции*. Не слишком ли замысловатое слово? Давайте перейдем с латинского на русский и займемся борьбой с конкретным, у всех на виду, воровством, начав, например, с того же ценообразования, как системы. А там и до олигархов доберемся, построивших свои заморские и рублевские (так и просится: от слова рубль) дворцы на наши (помните?) *ваучеры*. Словечко, скажу вам, товарищи, уже совсем мерзкое, если по-русски читать; видимо, специально такое и подобрали. И ведь как здорово придумали! Народ, и я в том числе, не зная, что с этими бумажками делать, продавал их «по себестоимости», а те, кто придумал, скупали, а потом купили на них всю страну, вместе с потрохами, со мной и с вами, с народом, то есть. И назвали их, в свою очередь, акциями, а сами стали акционерами, или, как теперь модно выражаться, олигархами, у которых – и власть, и деньги. До поры до времени. Потому что, как известно с бандитских 90-х, за базар придется отвечать. Не доживу, наверное, до тех времен, когда в стране появится здоровая и настоящая оппозиция, и на смену однопартийной системы во главе с КПСС, простите, с «Единой Россией», придет двухпартийная, с новой партией, достойной и честной (хотя бы по мере возможностей: абсолютно честных политиков свет еще не видал). Пока достойных преемников не видно. Отдельные выскочки, которые лишь мутят воду и занимаются саморекламой, Навальные, одним словом, – не в счет.

Отсутствие норм ценообразования в стране, извините, – в государстве, это реальное преступление законодательных и исполнительных органов перед народом, и прежде всего – перед беднейшей его частью. У органов другие проблемы, посерьезней: санкции (США и Евросоюза) в отношении России (во всем виноваты супостаты) и пенсионная реформа, придуманная правительством, Думой и «Единой Россией» то ли для того, чтобы отвлечь народ от более тяжелых мыслей, то ли – чтобы побыстрее избавиться от расплодившихся пенсионеров. Но в итоге-то, по недомыслию, для приближения собственных похорон.

Говорят теперь: санкции нас укрепили, пошли нам на пользу, заставили нас искать резервы и поднимать экономику. А раньше кто мешал? Можем работать только из-под палки? Как крепостные на помещика? Значит, надо что-то менять.

Предложения есть. И возмутители спокойствия со здравыми рассуждениями – тоже. Например, известный своими резкими высказываниями генерал Леонид Ивашов, историк, военный эксперт и общественный деятель, в одном

из последних интервью говорит без обиняков: «...господину Медведеву надо бы подавать в отставку с покаянием и уходить. Дать возможность раскрыть нашу промышленность на уже современных моделях тем, кто способен это делать. Медведев и его правительство не способны. Они полностью доказали свою беспомощность, они успешны только в набивании собственных карманов и в разорении народа. Правительство для наполнения бюджета не развивает экономически эффективные модели производства, а всё больше и больше перекладывает фискальные и любые программы на плечи простого человека. Возьмите любую сферу жизнеобеспечения – и коммуналка, и вода, и газ – всё дорожает. Вот чему научился Медведев со своим правительством – давить на население страны, перекладывать деньги из народных карманов в свои. У Медведева нет ни стратегической программы развития страны, ни даже технологии развития отдельных отраслей».

То же и с так называемой пенсионной реформой: чтобы сэкономить в «своих карманах», придумали, как «повысить» старикам пенсии, отобрав деньги у тех же самых стариков. То есть, принять меры по сокращению их (нас) численности. Опять же, большие экономисты работали. Из наших. Болтают много, а считать их не научили. Им говорят: где экономическое обоснование пенсионной реформы? В ответ – демагогия, футуризм и фантастика. А следом, естественно, анекдоты. Народ наш и в самых тяжелых ситуациях чувства юмора не теряет. Из нескольких десятков «пенсионных» анекдотов мне особо понравились два. Первый:

– Ты слышал? Минздрав считает, что увеличение пенсионного возраста повысит продолжительность жизни.

– Ну, тогда полная отмена пенсий, по этой же логике, должна привести к бессмертию!

И второй:

Британские ученые придумали и испытали на мышах уникальное средство от старости. Ни одна мышь до старости не дожила. Новой разработкой сразу же заинтересовались в Кремле и в Пенсионном фонде России.

Однако, как говорится, смех-то смехом, а... кверху мехом. (Материться хочется, но цензура не позволяет.)

А если говорить прямо – даже здоровые пенсионеры в современной России превращены в инвалидов. Не в тех, что по состоянию здоровья разделены на три группы, а в тех, которые в переводе с толерантного тарабарского – «лица с ограниченными возможностями», не физическими, правда, а финансовыми. Остался последний шаг: слово инвалид, как таковое, запретить совсем, вместе с неприличным словом негр. Инвалидов впредь называть *лицоргвозмами*, а негров – *афроамериканцами*. И подумать, что делать с остальными неграми, живущими в Африке. Ума не приложу, как в прошлые века вполне культурные люди не чурались употреблять слово инвалид в прямом его значении, без присвистываний. Пушкин, например («иль мне в лоб шлагбаум влепит неспорный инвалид»), или, ужас!, издатели газеты с позорным для нации

названием «Русский инвалид» (1862–1917). Доход от продажи которой, кстати, шел в пользу инвалидов войны, солдатских вдов и сирот.

Александр Сергеевич, не ладивший с цензорами до такой степени, что эту должность взял на себя сам Николай I, тоже любил анекдоты (не однажды ложившиеся в основу его сочинений), а сюжеты свои частенько добывал, не без помощи няни, из фольклора, за иносказаниями которого можно было ловко укрыться от литературных надсмотрщиков и блюстителей нравственности. И потому – как, например, и его немецкие современники братья Гримм – писал сказки. И даже изобрел на этот счет универсальный рецепт. «Сказка ложь, да в ней немек! Добрым молодцам урок». («Сказка о золотом петушке», 1834). Не знаю, сам придумал, или няня надоумила, но слова эти словно бы и взяты из русских народных сказок, в которых всяческих намеков хоть отбавляй. Впрочем, как и в европейских, многие из которых пересказали братья Гримм.

Ну, читатель уже догадался, что немецких сказочников автор тут приплел неспроста: ружье, названное ружьем, должно выстрелить. Уж не знаю, кого или что имели в виду Якоб и Вильгельм, когда сочиняли «Бременских музыкантов». Кто-то скажет – будущих деятелей времен брежневского Застоя, а мне кажется – это, опять же, о нынешней пенсионной реформе. Не хуже сказки про Буратино. Идеальный срез с нашей сегодняшней социальной пирамиды: хозяева, отправившие постаревших и неспособных приносить пользу зверей на «заслуженный отдых», сами звери – осёл, собака, кот и петух, мечтающие перейти в разряд работающих пенсионеров (не знающие, по неграмотности, что пенсию работающим инвалидам господин Силуанов не индексирует), и разбойники – в нашем случае представляющие криминально-олигархическую структуру. В сказке, если помните, осёл и компания устроили разбойникам такой концерт, что те в панике изо всех сил пустились бежать за границу... леса. И больше уже в Лесу никогда не появлялись.

Я, в отличие от Пушкина и братьев Гримм, ни на что не намекаю, куда мне до них. Мне только кажется, что в лесу нашем становится как-то беспокойно.

Не знаю, чем закончится современная сказка, это уже будет другая история, а я в своей книге о прошлом веке (и немножко о нынешнем) на днях поставлю последнюю точку, но уже сегодня инвалидская... извините, пенсионная реформа, затеянная теми же реформаторами, которые разорили нас в 90-е годы, заходит в тупик. Растет напряжение всенародное, уже и Президент выступил с обращением по поводу «смягчения» реформы, не остаются в стороне публицисты и аналитики, даже вполне лояльные. Не те, что ищут черные пятна на солнце, а те, что пытаются объективно разобраться в происходящем.

Уральский писатель Сергей Шангин в отчаянной статье «Путин определился» (Интернет-канал «Проза жизни», 1.9.2018) коротко, но емко выплеснул то отчаяние, с которым живет сегодня большинство россиян:

«...Мы видели, что правительство работает из рук вон плохо, Центральный банк ведет политику против рубля, олигархи высасывают все соки из

недр, наполняя свои карманы и получая послабления по уплате налогов, чиновники всех уровней в открытую, никого не боясь, грабят бюджет и народ, судьи встают на сторону злодеев, получая за это хорошие подарки, депутаты решают проблемы тех, кто им платит за протаскивание законов и принятие решений в пользу денежных мешков. Те, кто призван защищать народ и думать о его процветании, безнаказанно и нагло грабили его, загоняя людей в нищету и отчаяние...

Да, Президент России, Владимир Владимирович Путин сделал заявление, которое было неприятно слышать не только мне. Его слова породили лично в моей душе бурю протеста, возмущения, непонимания. Именно непонимание заставило меня написать эти строки и выложить их для обсуждения. Я не хочу, чтобы меня принимали за быдло и решали за меня, как мне жить дальше. Если бюджет страны неожиданно стал настолько дефицитен, что решено было взяться за пенсионеров, то страна должна знать своих героев, создавших такое положение. Не должен Президент их покрывать, даже считая необходимым поддерживать равновесие у вершин власти. Народ – это тоже составляющая власти, которую нельзя сбрасывать с весов при принятии столь важных решений!»

Есть у меня такая догадка, что затеяна была пенсионная реформа вовсе не из-за бюджетного дефицита. Люди, которые умеют считать, говорят, что деньги в бюджете есть, и есть способы увеличить накопления, которых якобы не хватает Пенсионному фонду (достаточно хотя бы прекратить вывод из страны триллионных сумм, сократить резервный фонд и создать систему честного распределения прибылей сверхдоходных корпораций). И сдается мне, что стулья кое под кем стали пошатываться (см. строкой выше в скобках), вот и призвали вновь реформаторов: давайте, ребята, выдумывайте, как нам свои денежки сохранить и все, что еще плохо лежит, заприхватизировать, а то ведь делиться заставят, да с кем!? С плебсом, быдлом, бомжами и лицами с ограниченными возможностями: инвалидами и пенсионерами!

В итоге – на дворе сегодня полноценный Застой и кризис социально-экономического жанра. Миллиметровый прирост ВВП и постоянно растущая, удушающая этот рост, инфляция: реальная, а не та, которую объявляют по телевизору. И как тут не вспомнить «настоящий» Застой, брежневский, 60–80-х годов, тех, кстати, лет, когда формировалось наше поколение, рожденное в первые послевоенные годы. Сам термин придуман, кажется, уже в перестроечные времена, новыми (ныне старыми) реформаторами, чтобы, видимо, оттенить тем самым собственные достижения, которые привели в итоге к развалу страны. Не буду брать другие сферы, прежде всего идеологическую, со всеми этими Сусловыми, Гришиными, Романовыми, которые делали все, чтобы строго и беспощадно выдерживать линию партии и пресекать любые попытки свободомыслия; инстинкт самосохранения, который был у них хорошо развит, тоже со счетов сбрасывать не надо. Тут и ежу, как говорится, понятно, и жирафу, хотя он и «был не прав». «Кровь на снегу и

пятна красные флажков» – это все о них. Но когда, параллельно, в рамках политики двойных стандартов, провозглашался лозунг «Все во имя человека, все для блага человека» – так, кажется, это звучало, то тут партия совершенно не лукавила. Потому что эти «застойные» времена на деле, реально, были в Российской истории Золотым веком социальной защиты населения.

Мой добрый приятель еще по Певеку, а затем и по Питеру, геолог Иосиф Виссарионович Тибилов, закончивший Ленинградский университет в 1964-м, в год Брежневского переворота, а потом вместе со своей женой и коллегой Диной 40 лет проработавший геологом на Чукотке, в 2007 году выпустил толстенную книгу мемуаров, рассказов и стихов, которую озаглавил так: «Благословенные времена презренного застоя» (СПб., Издательство писателей «Дума»). Саркастично и мудро. Об этой книге я уже упоминал в семнадцатой главе, где речь шла о Бакинской армии ПВО. Иосиф был типичным представителем своего времени, как и все мы: все видел, все понимал, знал, где и что сказать, а где промолчать. Потому что не всегда полезно лезть на рожон – можно навредить не только себе (вспомните того же Александра Галича: чем кончил, кому и что даказал?), но и ближнему, которого ты пытаешься защитить, а также и делу, которому ты служишь. Зато на добрые дела Иосиф откликался первым. Когда, например, мы с Сашей Нестеренко начали собирать материалы для книги «Волчий камень» – об урановых лагерях Чукотки и Колымы, Тибилов тут же включился в эту работу и написал потрясающе интересную заключительную главу. Мы знали, к кому обращались: и как к специалисту, и как к человеку, и как к знатоку презренно-благословенного застоя. К реалиям которого в очередной раз возвращаюсь.

Герой картины «Бриллиантовая рука» (1968 год) Семен Семенович Горбунков («Сеня, береги руку!»), путешествующий на океанском лайнере по границам, – вовсе не персонаж из советской народной сказки, как может показаться молодым людям, рожденным в XXI веке. Дорогая путевка обошлась ему максимум в 30 процентов ее стоимости, потому что это была профсоюзная путевка, и остальные 70 процентов оплачивал профком предприятия, на котором он работал. Другой киногерой, Василий Кузякин из фильма «Любовь и голуби» (1984), к морю едет и вовсе бесплатно, получив «заслуженную» путевку после производственной травмы.

Другое дело, что на заграничные путевки были определенные ограничения (например, в западную страну можно было поехать туристом только в том случае, если ты уже побывал в стране социалистического лагеря и вернулся оттуда без замечаний от сопровождающего группу человека из органов), и что перед поездкой надо было пройти суровую накачку в райкоме партии. Но это по той, идеологической линии, прописанной в «Моральном кодексе строителя коммунизма». А мы сейчас о социальной. Тут все было так туго переплетено и перепутано... ну, как в жизни.

Идем дальше. Бесплатное образование, которое теперь стеснительно называют бюджетным, было 100-процентным. Бесплатной была медицина. Хотя

и с отдельными платными клиниками, вроде Максимилиановской в Ленинграде, но цены там были вполне разумные, а работали в ней действительно лучшие врачи. Чего не скажешь о большинстве нынешних частных клиник, где шарлатаны не столько лечат, сколько, говоря блатным, близким этим эскулапам языком, разводят больных и несчастных людей на деньги. (Бывало с вами такое: приходишь в платную клинику к «специалисту» по 3000 рублей за один прием, а в кабинете сидит врач-хулиган из твоей поликлиники?) А что делать этим несчастным, если в бюджетных поликлиниках подчас не столько лечат, сколько имитируют процесс. В смутные послесоветские времена в медицину пришло целое поколение случайных людей, которым кто-то внушил, что лечение больных начинается не с сострадания, а с кошелька пациента. Пока их сокурсники принимали Клятву врача (так вяло называется современный вариант Клятвы Гиппократ: клятва-то осталась, а образец для подражания исчез, флаг спущен), они, видимо, слушали лекции в торговом институте. И сегодня не редкость – встреча с врачом-писателем, который видит только карточку, в которую необходимо в качестве отчета вписать несколько нелепых закорючек, а что делать с больным и его недугом – он понятия не имеет. К тому же, у него отпущенный сверху норматив на каждого страждущего: 10 или 15 минут. Минздрав тоже пишет. И искусство врачевания, которое, по Гиппократу, основано на взаимном доверии доктора и больного, превращается в чаплинский конвейер. С нулевым результатом. Как в известном анекдоте. «Потерпите, больной, все пройдет. Время лечит». – «Доктор, а в вашей поликлинике есть такой специалист?»

Если перевести современные методы лечения и отношения эскулапа к пациенту в образы, то рисуется уже не замшелый Гиппократ с его пресловутыми нотациями, а молодой краснощекий «доктор» из другого анекдота, который безуспешно пытается измерить давление пришедшему на прием пациенту. «Доктор, – говорит ему больной, – возьмите лучше мою правую руку, левая – это протез». Думать не о кашле, а о его причине, соболезнавать болящему, разговаривать с ним – это теперь не в моде. А чтобы врачу рядовому и вовсе не думать, изобрели в министерстве как бы здравоохранения новую хитрость: лечение по схеме. Увозят, допустим, тебя на скорой с аритмией (смотри замечательный одноименный фильм) в больницу, кладут в отделение кардиологии, делают пару-тройку капельниц и назначают лечение. Причем, всем больным в отделении – одинаковое, по схеме: варфарин, и так далее. О том, что схема одна, а пациенты все разные, думать не надо. В том смысле, что один, допустим, отягощен сахарным диабетом, другой язвой желудка, третий остеохондрозом... И если при одном наборе болезней этот условный варфарин поможет, то для другого может стать ядом. Что, в конечном-то итоге, не так уж и плохо: ведь большинство больных с таким диагнозом – пенсионеры, враги правительства.

Но схема – это еще не последний писк медицинской моды. Оказывается, и общаться с пациентом глаза в глаза вовсе не обязательно: врачу достаточно

увидеть физиономию страждущего помощи на экране компьютера. Посмотрел, спросил, как дела, поставил диагноз и выписал рецепт. Если пойти дальше, то нищих стариков, не знающих, что такое скайп, будут лечить по телефону. А то и вовсе лечить перестанут: оно ведь все одно – что по телефону, что вообще никак. Странная тенденция: медленно, но верно, медицина разворачивается к пациенту задом. А там, глядишь, министерство здравоохранения и вовсе отменят за ненужностью...

Утрирую, конечно, но тенденция настораживает, и нечастые встречи с настоящими врачами вызывают не столько удовлетворение, сколько удивление и даже восторг. Самыми стойкими в нашем медицинском пространстве, сужу по своему опыту, оказались хирурги: они продолжают творить чудеса, используя достижения цивилизации не во вред, а во благо (привет и благодарность бескорыстным благодетелям и кудесникам докторам С.Ф. Багненко, А.Б. Александрову, И.В. Сороке, М.Ю. Кабанову, поддержавшим меня в очень тяжелые для нашей семьи дни). Но и в их сообществе не без урода. «Забесплатно» в некоторых больницах могут так прооперировать, что вскорости привезут тебя обратно, и тогда уже заплатишь, как миленький. А то и вовсе: возьмут деньги, разрежут, зашьют и скажут, что лечить уже нечего...

Медицина медленно, но верно... Нет, тут надо сказать: верно и в темпе переходит на платную систему (как в кассу, так и в карман). За деньги могут ложить даже ту процедуру, которая тебе не только не нужна, но и откровенно для тебя опасна. Как тут не вспомнить любимую Любину присказку: «Больному стало легче: он перестал дышать», а еще случай из врачебной практики ее отца, доктора Выгодского. В далекий от Москвы госпиталь, где он начинал свою практику рядовым врачом, поступил больной солдат в предсмертном состоянии. Наум Самойлович назначил лечение, но решил посоветоваться с заведующим отделением. Тот с назначением согласился, однако заявил: «Так это же НЗ, у нас всего один комплект этих лекарств, мы можем применить его только в экстренном случае». «А что, висящая на волоске жизнь солдата – не экстренный случай?» – удивился лечащий врач. «Знаете что, Наум Самойлович, давайте так: вы мне ничего не говорили, я ничего не знаю. Действуйте на свое усмотрение». Через неделю вставшего на ноги солдата выписали из госпиталя.

Не могу не упомянуть и ноу хау последних лет, изобретение, уж не знаю кого, совмина, минздрава, «сердобольных» и «толерантных» журналистов, а может быть – и ловких «предпринимателей». Тяжело больных детей, которым необходимо дорогостоящее лечение и которых **обязано** лечить государство, теперь «лечат» всем миром с использованием центральных телеканалов. Верх бесстыдства и цинизма: показывать жалостливые сюжеты с несчастными детьми и просить народ пустить слезу и перевести свою лепту на их лечение, да еще называть все это благотворительностью. Может быть, откликается кто-то из денежных мешков, не каждый, кто богат, – черств душой. Но ведь первым эту слезу пускает кто? Пожилой человек, пенсионер. На него и рассчитано. Государство наше и тут, вместе с «благотворительными фондами», кото-

рые время от времени куда-то исчезают, норовит оторвать копейку у самого бедного! Не буду проводить прямых аналогий, но что-то это мне напоминает.

«Взглянув же, Он увидел богатых, клавших дары свои в сокровищницу; увидел также и бедную вдову, положившую туда две лепты, и сказал: истинно говорю вам, что эта бедная вдова больше всех положила; ибо все те от избытка своего положили в дар Богу, а она от скудости своей положила все пропитание свое, какое имела» – Лк 21,1–4.

Знаю, за эти слова о так называемой благотворительности в меня полетят камни. Ну, не я первый, не я последний. Открываю на днях журнал «Панорама ТВ Петербург» (№ 20, 2019), который обычно начинаю изучать с последней страницы, с рубрики «Женский разговор», которую ведет писательница Татьяна Москвина. Читаю, потому что разговор этот, на самом деле, далеко не женский и далекий от тряпок и косметики. Скорее – философский, о нашей жизни. Однако ж, кто станет читать рассуждения, подаваемые под рубрикой «Философский разговор»? Без женского лукавства дело тут не обошлось. Но одно дело изящное женское лукавство, а другое – лукавство, как таковое. Вот о нем-то и пишет Москвина:

«Признаюсь, я человек недоверчивый. Скажем, могу поверить в помощь человека человеку, если она явилась из рук в руки, тихо и без пафоса. Но если вижу, как под красивой пышной вывеской “благотворительность” разворачивается театральное действие с медийными лицами, произносятся речи под телекамеры, фигурируют номера счетов и разнообразные фонды с эффектными названиями, – что-то мешает мне ликовать. Я знаю, что должна делать понимающее лицо и смиренно жертвовать. Но какие-то сомнения терзают душу. А вот эти люди, благотворители и благодетели, они в самом деле сочувствуют обездоленным? Искренне? Или это такой способ почувствовать себя добрым и хорошим? Конечно, в этом ничего плохого нет – чувствовать себя добрым и хорошим. Но получается, что это чувство можно купить, а ведь это уже не очень хорошо?...»

Но вернусь к прошлому, для моего поколения еще совсем недавнему, – к презренному и благословенному советскому Застою, когда слово «благотворительность» считалось в нашем обществе не совсем приличным. Я бы сказал – буржуазным. Человек в советском обществе в благотворительности не нуждался. Она ему полагалась уже потому, что он родился в СССР.

Каждому трудящемуся в те годы полагался обязательный 4-недельный отпуск с соответствующим пособием. Впрочем, как и сейчас. Разница в том, что отпускных в те времена вполне хватало на то, чтобы, включая дорогу, отдохнуть на Черном море или в хорошем санатории. Смотри фильм «Три плюс два» (1963 год), или, например, картину «Из жизни отдыхающих» (1980). Для тех, у кого не было дачи (а дачный участок от предприятия мог получить практически каждый желающий), были открыты и доступны все пути: те же путешествия к морю, хоть по путевке, хоть дикарем, круизы на теплоходах по рекам, поездки к родственникам, живущим в других концах страны. Все это я

проходил на собственном опыте, что и засвидетельствовал в предыдущих главах. Я имею в виду все перечисленное: и профпутевки, и бесплатные образование и медицину, и отпуска, и еще многое другое – бесплатные кружки в Домах культуры и Домах пионеров, бесплатные спортивные секции при спортивных обществах, широчайшую сеть библиотек. И больше того: возможность, чуть поднапрягшись, купить кооперативную квартиру, которая обходилась, примерно, в 40 средних зарплат по 150 рублей. Причем, половина стоимости квартиры выплачивалась при вступлении в кооператив, а вторая половина – частями, помесечно, в течение 15 лет. В месяц получалось рублей 15. Сумма вполне подъемная, если еще учесть, что коммунальные платежи (вода, отопление, газ, электричество) были копеечными.

И наконец, о советских пенсиях и еще раз о ценах: фиксированных! У папы моего пенсия была, как я уже, по-моему, писал, 120 рублей, у мамы – 110. И это не те 40 процентов от зарплаты, которые ныне нам обещают в необозримом будущем экономисты-либералисты и болтуны из правительства, а полноценный по тем временам заработок. Поэтому родителям вполне хватало и на безбедное существование, и на отпуск, еще, бывало, и нам помогали.

memoria

«Эпоха застоя» – период стабилизации международной политики. Это время разрядки международной напряженности, теории сосуществования государств с разным политическим строем и тенденции к разоружению. Причем именно в «годы застоя» СССР окончательно превратился в сверхдержаву, которая оказывала воздействие на весь мир. Российская империя была одной из пяти «великих держав» начала XX века. СССР Брежнева – одной из двух «сверхдержав», СССР и США. Это эпоха больших и системных изменений в экономике, политике, общественных отношениях, образе жизни. Эти изменения шли во всем мире, и в СССР – тоже. В СССР – это эпоха строительства целых городов и промышленных районов, время переселения в города десятков миллионов человек. Это эпоха Большой науки и ожесточенных споров о жизни и о будущем страны. Напряженная эпоха множества событий и великого числа самых различных перемен. Эпоха Брежнева – время Великого Созидания. Вот в чем прав электронный справочник: в СССР «годов застоя» не было «каких-либо серьезных потрясений в политической жизни», была социальная стабильность, установился относительно высокий уровень жизни. «Перестройка» грянула совершенно неожиданно как для населения СССР, так и для западного мира. Самые заслуженные «советологи» и «кремленологи» никак не ждали, что страна вдруг откажется от стабильности и процветания. А она отказалась! И сама эпоха высшего взлета в России запомнилась как «годы застоя» – смешное такое, нелепое время, о котором ходит масса анекдотов. Почему? Это не менее важный вопрос, чем вопрос о сущности Эпохи Великого Созидания.

*Из книги Андрея Буровского
«Да здравствует "Застой"!»,*

Издательский дом «Яуза», 2010

memoria

Видимо, это в природе человека: едва избавившись от чьей-то зависимости и похоронив ее, как ему кажется, навсегда, тут же начинать поливать грязью собственное прошлое и топтать портреты любимых еще вчера вождей. При этом мы обвиняем в двойных стандартах, по которым живем и сегодня, ту же, допустим, КПСС, наивно думая: вот похороним память о Ленине и Брежневе, выйдем на улицы с портретами Николая II, генерала Краснова и адмирала Колчака, и заживем, как у... Чуть не поставил Святое Имя в один ряд со всеми этими господами-товарищами. А ведь еще чуть-чуть, и адмирала Колчака святым бы сделали, трогательный фильм про него состряпали. При том, что именно в качестве адмирала он ничем совершенно не прославился и флотоводцем никогда не был, а в истории остался – при всех прочих его неоспоримых заслугах перед Отечеством, связанных с освоением Арктики, – «Верховным правителем России» по кличке «вешатель». Краснова, повешенного в Москве в 1947 году не столько за подвиги в Гражданскую войну, сколько за сотрудничество с Гитлером, тоже пытались реабилитировать, но оправдательных аргументов для духовного помилования этого человека (заявившего в первый день Великой Отечественной войны: «Я прошу передать всем казакам, что эта война не против России, но против коммунистов, жидов и их приспешников, торгующих Русской кровью. Да поможет Господь немецкому оружию и Гитлеру!») не нашлось, не помогло и его предсмертное раскаяние.

Все эти метания: при большевиках белые были плохими, а при либералах стали хорошими, а красные, наоборот, плохими, и так далее – с точки зрения исторической объективности полный вздор. Лютовали, истребляли народ и те, и другие, и не нам их сегодня судить. Можем лишь называть всё и всех своими именами. В полной мере это относится и к эпохе генсека Брежнева. Мне, например, не совсем понятны слова писателя Владимира Сорокина из его интервью журналу «Огонёк» (номер от 13 августа 2018 года): «Большевизм – это было, собственно, не преступление против человечности, а против Человека вообще, как феномена. Они хотели отменить человека вообще, как гомо сапиенс. И сегодня видно, насколько это была последовательная и дьявольская работа... И у людей сегодня на глазах словно бы мифологическая пленка при взгляде назад. И у меня чисто утопический и, видимо, риторический вопрос, наступит ли такой момент, когда эта пленка спадет и люди, наконец, увидят, что это было. Может, и не увидят никогда, а может, увидят. Дело в том, что в конце 1990-х все-таки не разглядели это прошлое до конца».

Что значит «отменить человека вообще»? Если в прямом смысле – истребить поголовно, а в переносном – поголовно зомбировать. Так, что ли? Какая там мифологическая пленка! Отменить человека может только тот, кто его создал: Бог, или Природа – по понятиям тех, кто в Бога не верит. А уж никак – многогрешные большевики. Другое дело – заставить человека по-большевистски мыслить, обратить его в свою, опять же, религию – в веру о построении пусть не коммунизма, но хотя бы социализма с человеческим лицом, ловко и убедительно используя для этого чисто гуманистические образы. Но тут стрелка

весов колебалась не слишком сильно, партия и правительство умело удерживали равновесие: на одну чашу давил, образно говоря, всепросвечивавший рентген партийно-гэбэшной цензуры, а на другую – реальный уровень жизни, сбалансированность заработной платы и фиксированных цен в магазинах. Как стояла в Ленинграде буханка круглого ржаного хлеба 16 копеек в 1970 году, так и стояла она 1980-м. Поэтому и нищих в таком количестве, как теперь, в застойные годы не было, как не было и вызывающе богатых. Скромность, как известно, украшала советского человека, а уж тем более того, кто сумел заработать или наворовать больше других. Да и высовываться было опасно. На нашем среднем, бытовом, как говорится, уровне, если перефразировать Бориса Пастернака («Быть знаменитым некрасиво»), вполне буднично звучала бы в те годы фраза «Быть богатым некрасиво». Что же до философической игры слов, в том числе и про отслоение мифологической пленки, то она далеко не всегда имеет прямое отношение к реальности. Не говорю уже о том, что коммунистическая идеология появилась не на пустом месте. «Кто был ничем» – тот рано или поздно захотел стать всем. Хамское, циничное и варварское отношение царской власти к населению страны, которое народом она не считала (такая общность, как народ, требует к себе, как минимум, уважения), обернулось ее собственным крахом.

Тем же плохо скрываемым цинизмом были пропитаны дела и речи выскочивших в перестроечные годы невесть откуда, как «двое из ларца, одинаковых с лица», патриотов-монархистов, тех самых, которые пытались поставить памятник генералу Корнилову, которые объявили главными злодеями и врагами русского народа комиссаров, чекистов и евреев, и картинно давили из себя слезу под портретом царя-батюшки. Того самого батюшки, который к 1917 году, проиграв очередную войну и уложив на полях сражений миллионы российских солдат (о цифрах историки спорят до сих пор, в том числе и о количестве погибших мирных жителей), был уже поперек глотки не только большевикам, эрерам, кадетам и всем прочим рвавшимся к власти политическим образованиям, не только народу, но и своим приспешникам-монархистам, которые и сдали его, в конце концов, Советам, отправив на свалку истории.

Не за царя, а за свой шкурный интерес билась Белая гвардия в Гражданскую войну. (Как тут не вспомнить генерала Шкуро, по совместительству, в годы Второй мировой, группенфюрера СС, вместе с Красновым повешенного в Москве в 1947 году, настоящая фамилия которого была – Шкүра.) И лозунг «За Веру, Царя и Отечество!» кажется сегодня в устах белогвардейцев более чем сомнительным. Конечно, каждому политическому движению нужна идеологическая агитка, чтобы под лозунгом патриотизма и бескорыстных чаяний за абстрактный народ в очередной раз этот народ обдурить и не упустить собственную выгоду. «Всё или ничего!» или еще проще: «Пан или пропал!» – вот истинная подоплека белого движения. Оно отстаивало права меньшинства быть богатыми и угнетать бедных, а для этого лучше всего подходили правильная вера и царь. Бедным же царь, а затем и вера, далеко уже не истин-

ная, давно приспособленная для обслуживания богатых, были совершенно чужды. И право у них, за которое они боролись, было одно: право не быть нищими. Не богатыми, но и не бедными. Способ достижения этой цели известен: отобрать (экспроприировать! – модное в те времена словечко) всё у богатых («ограбят грабителей своих, и оберут обирателей своих» – Иез 39, 9–10) и разделить поровну. Они еще не знали, что так не бывает. Но знали это вовремя подсуевившиеся большевики, сразу объявившие, что землю они раздают крестьянам, а заводы – рабочим. Этот подход угнетенному большинству понравился больше, чем сомнительные «патриотические» лозунги вчерашних угнетателей.

Белые проиграли, но и угнетенное большинство не выиграло. Когда победили бывших угнетателей, выяснилось, что богатств после революции и двух кровопролитных войн осталось с гулькиным носом, и что теперь надо засучить рукава и начинать пахать пуще прежнего, чтобы нажить новое богатство, которое уже в новом и светлом мире дети и внуки (это уже про нас) разделят на всех и заживут, наконец-то, счастливой жизнью. И навалились, всем миром, с новой верой и новыми молитвами. Последние после многолетней шлифовки и громогласной обкатки на собраниях и демонстрациях были подытожены на XXII съезде КПСС в 1961 году в Моральном кодексе строителя коммунизма, основные положения которого создатели новой, Третьей программы партии, ничтоже сумняшеся, срисовали с библейских Десяти заповедей (к тому времени уже основательно подзабытых).

А что делать было народу, всегда тяготевшему к соборности и, наконец, обретшему веру в свет в конце туннеля? Поверили и впряглись! На первом этапе, конечно, встал вопрос, решенный, казалось бы, еще во времена Моисея: можно ли молиться одновременно двум богам? Нельзя, повторил Иисус Христос в Нагорной проповеди («Никто не может служить двум господам» – Мф – 6, 24). А вслед за Спасителем – и большевики-безбожники. Им, правда, не нужно было цитировать Библию и переводить с церковнославянского, они говорили языком, понятным угнетенному большинству. Выбирайте: Светлое будущее, построенное своими руками, либо Второе пришествие, с верой в которое вы навеки останетесь нищими и угнетенными. Выбрано было Светлое будущее, Вера стала лишней, была поправа и унижена.

Но, опять же, все в мире развивается по спирали. Моисей вел евреев из рабства египетского 40 лет, большевики продержались без малого 80. Светлое будущее не наступило, хотя кое-чего и добились (в индустриализации страны, в той же социальной сфере, в образовании, культуре и пр.). А дальше? Ни новых идей, ни нового маяка среди политиков разговорного жанра, пришедших к власти после падения коммунистов, не оказалось. Метнулись было обратно, к Вере, возродили храмы... Не помогает. Цинизм и стяжательство – неужели это тот новый светоч, который вознесли над нашими головами? По сути – да. На словах – у нас переходный период (от социализма к капитализму?), мы еще только ищем ту идею, которая сплотит народ и сделает всех...

равными и богатыми? Да нет же: за ту, за которую боролась Белая гвардия: с богатым меньшинством и бедным большинством, грабящими страну олигархами вкупе с министрами-некапиталистами во главе с их идеологами типа Силуанова, имеющими зарплату, исчисляемую в миллиардах, с одной стороны, и стариками-пенсионерами, олицетворяющими сегодня униженное и оскорбленное большинство, с пенсией в 12 000 рублей, с другой.

В постперестроечные годы модно было говорить о потерянной нами **национальной идее**. Мол, все плохо потому, что мы ее потеряли и никак не найдем обратно. Так и не нашли. И тема эта на самых высоких трибунах и в президиумах заглохла как-то сама собой. Потому что никому она не нужна, эта идея, в антисоциальном государстве, погрязшем во лжи и коррупции. Все об этом знают, не я придумал. И Володин с Толстым – тоже. Не те, конечно, замечательные писатели, которые носили эти фамилии, а те, что руководят, страшно сказать, Государственной Думой и позволяют себе лгать на самом первом (и самом, правда, пошлом ныне) канале телевидения.

Оздоровление и сплочение общества начинается с **правды**, с того момента истории, когда сильные мира сего перестанут врать, а мы, народ, который они называют населением, перестанем делать вид, что в эту **ложь** верим. Сколько витков исторической спирали нам еще нужно? Все это было еще в Ветхом Завете, в истории с золотым тельцом, о которой я, по-моему, уже вспоминал. Мы потеряли своего Моисея, который пошел на гору за скрижалями. Евреи ждали-ждали, и решили создать себе нового кумира – истукана из золота. Вот и мы ждем, пока он спустится с горы и вернет нам Десять заповедей, по которым следует жить. Да уже, по-моему, и не ждем. Нам некогда. Весь потенциал уходит на зарабатывание денег – любым путем. Отсюда и воровство, и коррупция, ставшие если не национальной идеей, то – еще страшнее – образом жизни.

Еще немного, и слово **культура** станет у нас употребляться лишь в одном словосочетании: «министерство культуры». Если не отменят и его, к чему призвал, едва став видным государственным деятелем (с февраля 2019 года – членом Общественного совета при комитете Государственной Думы по культуре), певец-матерщинник Сергей Шнуров. Кругом лицемерие и ложь. А там, где ложь, культуры нет. Там, где правит образованщина в рваных носках (в туфлях-то не видно), там культура может финансироваться в лучшем случае «по остаточному принципу» – и в прямом, и в переносном смысле. И если мы хотим выжить, как народ, как страна и как государство, мы должны и обязаны находить пути и способы для повышения уровня нашей культуры, культурности и образованности, подмятыми хамством и жлобством, должны учиться честно жить, уважать ближнего и видеть красоту мира (в том числе и разноцветные мыльные пузыри). А еще попытаться, наконец, встряхнуться и начать борьбу со своей наследственной рабской психологией (передающейся из поколения в поколение от крепостных предков) и с «завидной» привычкой жить в состоянии униженности и наслаждаться зависимостью от сильных

мира сего. Для начала – реабилитировать униженных и оскорбленных – пенсионеров, инвалидов и всех тех, кто взят в финансовую **блокаду** чиновничьим войском, а следом – и весь народ, превращенный кучкой «воров в законе» в сборище бомжей. Да-да, если сравнить их дворцы и их, с позволения сказать, доходы с нашими зарплатами и пенсиями, соотношение принцев и нищих окажется где-то 1 к 100, при самом щадящем подсчете. Я вполне отдаю себе отчет в том, что говорю (в противовес «законам», которые ныне выпестовываются «там, наверху», согласно которым неуважение к лживой власти станет уголовно наказуемым фактом): и как пенсионер, и как представитель послевоенного поколения, отцы и деды которого ощутили на себе все ужасы войны и фашистской блокады Ленинграда.

Справедливости ради надо сказать, что иногда *там* вдруг что-то вспоминают и начинают нас спланировать сиюминутными объединительными тезисами: за присоединение Крыма, против западных санкций, за лучший в мире чемпионат мира по футболу, за переименование аэропорта Пулково в аэропорт Пулково имени князя Александра Невского, как известно, летавшего только Пулковскими авиалиниями... И вокруг ВВП, сумасшедший рост которого нам регулярно обещают в недалеком... Светлом будущем. Все эти тезисы, лозунги и методы пропаганды, взятые Советской властью на вооружение еще в 1917-м, мы уже проходили, но и по сей день они остаются «новой» системой духовного (да и физического) порабощения страны в целом и каждого жителя страны в частности. Счастливая жизнь возможна только в коллективе и под общим флагом. Иначе ведь человек может вспомнить о своем природном праве на правду, на собственную личную жизнь и личное счастье. Его же вместо этого всё куда-то зовут, то в колонны, то на выборы, потому что морочить голову лозунгами куда как легче, чем всерьез заняться экономикой и обеспечить каждому соотечественнику достойное существование на своей земле. И вся эта болтовня, усиливаемая рупорами Интернета и телевидения, как каток, давит на своем пути не только личные чаяния отдельного человека, но и его осознанную и несознанную тягу к обретению собственного достоинства и к культуре.

Миром в целом и каждой страной, в частности, правят сегодня политика и научно-технический прогресс. И то, и другое никак не рифмуется с нравственностью и неизбежно приведут человечество к гибели, если в этом коротком списке на первое место не будет поставлена культура.

И до тех пор, пока баланс не окажется в пользу **культуры**, в самом широком смысле этого слова, в том числе культуры управления и культуры экономики, мы с вами будем оставаться под игом духовного и физического крепостничества, в вечно-переходном периоде, а государство наше – в перманентно подвешенном состоянии. Поддерживая баланс и оберегая свой суверенитет ядерной мощью, оставшейся в наследство от все того же проклятого СССР.

Культурное государство вырастает из личной культуры каждого из нас. Об этом и надо думать: как побудить каждого гражданина к самосовершенствованию

ванию? Начать хотя бы с простейшего, с тех же уличных урн. Поставить их у каждого здания в городе, поселке и деревне и повесить у каждой инструкции: «Для мусора». Многие ведь даже не догадываются, для чего нужна эта штука. Что же до дум и правительств, то у них на этом культурном пути задача, по сути дела, всего одна: изменить раз и навсегда сам **принцип управления страной: чтобы не народ обслуживал власть, а власть – служила народу**. Независимо от того, есть у нас министерство культуры, или его нет...

И все-таки, вернусь, опять же, по спирали, к исходному вопросу: если не «В коммуне остановка», то – «За что боролись?». За что боролись наши родители, дедушки и бабушки в прошлом, XX веке, за что боремся сегодня, в XXI-м, мы, за что – наши дети и внуки? Идеологи-рыночники новейших времен ловко и нагло подталкивают страну к полному восстановлению на ее просторах рабовладельческого строя, рассказывая нам, что крепостное право (заменяя, естественно, эти два слова приличными выражениями) гораздо лучше любого светлого будущего, что идеи социализма-коммунизма оказались несостоятельными, а построение общества, в котором каждый гомо сапиенс будет чувствовать себя человеком свободным и неугнетаемым, – утопия. Не понимаю, правда, как можно говорить о том, чего не было и нет, если коммунизм строили только из слов-кубиков, составлявших речи и лозунги по большей части безмозглых политиков. И кто на практике доказал, что социализм – это не только идея. Или мы уже не готовы, как человеческая общность, развиваться дальше и принимаем за высшую ступень своего развития античеловеческие принципы так называемой «западной демократии», практически перечеркивающие всё, что дал нам Бог в Десятословии? Когда любовь к ближнему оборачивается ненавистью к нему, когда в обществе насаждается содомизм, а любовь к папе и маме заменяется на суррогат любви к условным однополым родителям под № 1 и № 2. Когда заповедь «Не убий» превращается в «Убий!», и какие-то отдельные государства присваивают себе право уничтожать другие государства только потому, что сила солому ломит...

Неужели впустую прожили мы эти 100 лет и ничему не научились ни на своих победах, ни на своих ошибках? Я посчитал, это нетрудно: мой семейный обзор охватил семь поколений: от прапрадедов до внуков. И что – всё впустую? Семь потерянных поколений?

Хочется все-таки думать, что нет, что мы уже наступили на все видимые и невидимые грабли, разбросанные по большаку, который ведет нас в будущее. И что где-то за ближайшим поворотом мы, наконец, научимся замечать эти нехитрые сельскохозяйственные орудия и начнем использовать их по прямому назначению..

Не мы, так хотя бы те, кто за нами.